

Питирим Сорокин

ПИТИРИМ СОРОКИН И ПАРАДИГМЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ XXI ВЕКА

Сборник научных статей

по материалам

Международной научной конференции, приуроченной
к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина

26-28 мая 2022 года
г. Сыктывкар

Сыктывкар – 2022

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина»
ФГБУН ФИЦ «Коми научный центр Уральского отделения
Российской академии наук»
Министерство национальной политики Республики Коми
ГБУ Республики Коми «Центр “Наследие” имени Питирима Сорокина»

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени Питирима Сорокина

ПИТИРИМ СОРОКИН И ПАРАДИГМЫ ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ XXI ВЕКА

Сборник научных статей

по материалам

Международной научной конференции, приуроченной
к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина

(26–28 мая 2022 года, г. Сыктывкар)

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
2022

УДК 37.13
ББК 74.04
П32

*Издается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина» (протокол №3 от 05.05.2022)*

П32 **Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века** : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, приуроченной к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина (26–28 мая 2022 года, г. Сыктывкар) / отв. ред. Н. Н. Новикова. — Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. — 288 с.

ISBN 978-5-907496-06-4

Сборник научных трудов «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века» содержит материалы Международной научной конференции, состоявшейся в Сыктывкаре 26–28 мая 2022 года, и отражает проблематику тематических секций, организованных в рамках конференции. Включены материалы, посвященные академическому и культурологическому наследию Питирима Сорокина. Ряд статей освещает идеи П. Сорокина по предотвращению социальных конфликтов в современном мире путем применения гуманитарных практик. Приведены исследования в области занятости, производственных отношений, а также современной теории альтруизма.

Издание предназначено специалистам в области социологии, философии, политологии, теории и истории культуры, а также студентам, аспирантам и широкой научной общественности.

УДК 37.13
ББК 74.04

Содержание

Предисловие. Питирим Сорокин — мыслитель XXI века (Зюев Н. Ф.).....	5
РАЗДЕЛ 1. АКАДЕМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА И СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В США И РОССИИ.....	9
Питирим Сорокин. Некоторые контрасты современной европейской и американской социологии (пер. Д. В. Оксюзьяна, под ред. В. В. Сапова).....	9
Бесчасная А. А. Общественное пространство в фокусе социологии образования.....	22
Ковалёв В. А. П. А. Сорокин и современность: актуальное наследие.....	30
Ломоносова М. В. Петражицкий Леон Иосифович — учитель Питирима Сорокина. Голод, право и нравственность.....	37
Матвеев И. С. Развитие современной системы образования в свете концепции П. А. Сорокина.....	52
Пономарёв А. М. Текущий кризис права: взгляд сквозь теорию права П. А. Сорокина.....	59
Сергиева Н. С. Смит Р. В. Питирим Александрович Сорокин и Генри Нобл Маккракен.....	68
Теребихин В. М. Историко-социологическая концепция П. А. Сорокина: существенные характеристики.....	73
Терюков А. И. П. А. Сорокин и газета «Воля народа».....	80
РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ПРАКТИКИ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ П. СОРОКИНА.....	90
Аршин К. В. Современный национальный вопрос: ответ П. А. Сорокина.....	90
Гужавина Т. А. Доверие как иммунитет к кризисной ситуации.....	97
Головин Н. А. О. Шпенглер и формирование метода исследования социальной и культурной динамики в социологии П. А. Сорокина.....	108
Кутузова А. А. Крупные социальные трансформации: П. А. Сорокин и русская историческая школа.....	116
Кутузова А. А., Кошелев Д. А. Отражение социально-культурных трансформаций на общественном сознании и исторической памяти (на примере памяти о советском периоде).....	124
Попков Ю. В. Идея конвергенции П. А. Сорокина и социокультурные альтернативы современному цивилизационному кризису.....	132
Русанова В. С. П. А. Сорокин о роли исторического метода в социологии	138
Тюгашев И. Е. Правящий отбор в эпоху революции: случай Парижской коммуны.....	144

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОСТИ.....	151
<i>Зюев Н. Ф.</i> К вопросу о региональной «интеллектуальной идентичности».....	151
<i>Логунова Л. Ю., Уткина А. Н.</i> «Пути любви»: опыт измерения чувств в социологии.....	155
<i>Лойко А. И.</i> Культурный и технологический портрет современной социальной реальности.....	164
<i>Лойко Л. Е.</i> П. Сорокин: коммуникация в структуре личности.....	172
<i>Найденев Н. Д., Найденева Т. А.</i> Сравнительный анализ концепций государства в современном глобальном мире в аспекте национальной идентичности.....	177
<i>Снегур М. Р.</i> Перформативная национальная идентичность российской молодежи.....	189
<i>Тулчинский Г. Л.</i> Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования.....	196
РАЗДЕЛ 4. РАБОТА, ЗАНЯТОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	208
<i>Белов Н. П.</i> Футбол как бизнес: две модели развития капитализма.....	208
<i>Корнева О. А.</i> Современные тенденции информатизации социальной работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья.....	216
<i>Лыскова И. Е.</i> П. А. Сорокин о проблемах профессиональной адаптации и профессиональной деформации личности.....	221
<i>Найденева Т. А.</i> Основные черты концепции социального пространства Питирима Сорокина.....	230
<i>Широкалова Г. С.</i> Новые формы организации сельской жизни: поиск альтернатив.....	236
РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ АЛЬТРУИЗМА.....	245
<i>Грудина Т. Н.</i> Теория альтруизма Сорокина сквозь призму его научного и жизненного опыта: уроки для современности.....	245
<i>Мангоне Э.</i> Пионерские этюды Питирима Сорокина о мире и обновлении человечества.....	253
<i>Мазайлова Т. А., Сиротина Т. В.</i> Больничная клоунада и альтруизм (на основе опроса больничных клоунов).....	274
<i>Романчук Н. И.</i> Концепция формирования личности в трудах П. А. Сорокина.....	281

ПРЕДИСЛОВИЕ

Питирим Сорокин — мыслитель XXI века

Крупный мыслитель — точнее масштаб его таланта — в полной мере всегда раскрывается только со временем. Великим мыслителям свойственна, метафорически говоря, непреклонность в отстаивании своего места в истории: казалось бы, уже забытые на пыльных академических полках, их книги и идеи вдруг оказываются востребованы при новом повороте истории, и тогда выясняется, что они уже давным-давно усмотрели и предсказали то будущее, в котором сегодня живем мы. И забытая классика вновь становится живой и нужной.

Казалось бы, к Сорокину это не вполне подходит. Он-то как раз в полной мере наслаждался популярностью и уважением, еще будучи весьма молодым для успешного ученого человеком: ему только-только исполнилось 40 лет, когда его пригласили возглавить кафедру социологии в Гарварде, а его книги уже были всемирными социологическими бестселлерами. Но затем последовали годы если не полного забвения, то игнорирования его трудов. Причин тому было много: и увлечение научного сообщества новыми популярными и часто поверхностными идеями, и внутринаучная борьба за место под солнцем, и его собственный нелегкий характер, приводивший к необязательным конфликтам с коллегами... Но, пожалуй, главным было то, что социальная наука в середине XX века стала видеть мир слишком упрощенно и даже мелко. Ученым казалось, что все сводится к борьбе двух идеологий (капитализма и коммунизма) и, вероятно, еще к национальным движениям по пробуждению

мировой периферии — в Африке и Азии. Довольно простая картина, абсолютно чуждая взглядам Сорокина, который всегда мыслил широко — как в историческом, так и географическом плане. Даже постепенное возвращение его имени в научную дискуссию начиная с 1960-х гг., по сути, оставляло без внимания главное в его трудах — исследование внутренней конфликтности человечества и бесконечного многообразия этих конфликтов.

Осознание сложности человека и мира стало необходимым уже после окончания холодной войны и падения «железного занавеса». Оптимистичному заявлению Ф. Фукуямы о «конце истории» (а по сути не только о конце крупных идеологических конфликтов, но и о конце масштабных столкновений как таковых) пришел ответ от С. Хантингтона в виде концепции «столкновения цивилизаций». И очень быстро стало ясно — особенно в связи с 11 сентября 2001 г. и феноменом исламского терроризма, что если кто-то из них ближе к истине, то это скорее Хантингтон, а не Фукуяма.

Наверное, то, что сейчас мы должны находить в Сорокине, чтобы яснее и в более далекой перспективе видеть то, что только еще завязывается и что предстоит «развязать» в XXI веке, это его тончайшее ощущение тревоги, висящей в воздухе и грозящей неминуемой грозой. В своей юности, которую он прожил в предреволюционной России, он усвоил многие уроки, через которые человеческие поколения проходят вновь и вновь — к сожалению, не выучив их. Ему, вступившему в XX век из XIX и впитавшему в себя идеи просвещения, гуманизма и прогресса, казалось, что все худшее у человечества уже позади, а впереди — только восхождение к высотам интеллектуального и морального совершенства. Все обернулось не так, и большевики, пытаясь строить «светлое будущее» и даже, по видимому, искренне веря в заявленную ими цель, решили пойти простейшим и, как им, вероятно, казалось, кратчайшим путем —

через насилие. В итоге — кровавое месиво гражданской войны и сталинские лагеря для несогласных.

Насилие стало главным объектом глубочайшего отвращения и неприятия Сорокиным из всего, что творится в человеческой истории. Осмысление того, что случилось с Россией в начале XX столетия, стало для него задачей всей жизни. Именно об этом его главная книга «Социальная и культурная динамика», из которой можно сделать два основных вывода, и первый из них горек, но и реален: человечество не прекратит ссориться, спорить, драться, воевать... Так устроен мир: в нем всегда будут возникать массовые движения с абсолютно разными системами ценностей, и они будут безжалостно сталкиваться в битве за доминирование. Такова внутренняя логика истории, такова природа человека и мира. И второй вывод: если совсем невозможно предотвращать конфликты, революции и войны, то, по крайней мере, нужно всеми силами стараться смягчать их тяжесть и кровавые последствия.

Учение Сорокина об альтруизме часто воспринимается с пренебрежением. В нем усматривают отход от строго научного подхода и даже трактуют весь этот проект как утопичный. И в том и в другом упреке есть резон, но он не отменяет главного: Сорокин знал, что нет и не может быть другого способа разрешения конфликтов между народами и государствами, кроме полного отказа от насилия. Он не был наивен и понимал, что это нереально. Но понимал он и то, что это единственный способ, а значит, он — и он рассматривал это как свой долг — должен продолжать говорить об этом, пока не будет услышан.

За пару десятилетий XXI века на планете уже пролито достаточно крови. Каждый может легко вспомнить десяток «горячих точек», где вспыхивали малые войны и войны побольше и где они бушуют и сегодня. В этом смысле Сорокин — мыслитель XXI века. «Человек и общество в бедствии», «Кризис нашего времени», «С.О.С. Смысл нашего кризиса» и

другие — в самих названиях его книг сохранилась их актуальность для нашего дня. Наступило время перечитывать Сорокина именно в этом ключе. Кстати, в данном сборнике, публикуемом к очередной международной конференции памяти Сорокина, можно найти эссе итальянской исследовательницы Эмилианы Мангоне (*Emiliana Mangone. Pionieristic Pitirim Sorokin's Studies on Peace and Renewal of Humanity*), посвященное взглядам Сорокина на войну и ее последствия. Ранее она интересовалась его теорией массовых беспорядков и катастроф, в частности, пытаясь применить ее к специфике недавнего миграционного кризиса в Европе.

В целом же, если говорить о содержании сборника, можно отметить заметно выросшее по сравнению с предыдущими конференциями качество публикаций и глубину разработки темы. Здесь представлены авторы, которые много и интересно пишут о Сорокине, например, М. В. Ломоносова (СПбГУ), которая тщательно и плодотворно занимается исследованием Сорокина и его места в истории русской социологии. Здесь есть авторы, являющиеся крупнейшими специалистами в своей сфере, такие как Г. Л. Тульчинский (НИУ «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург) и др. Разнообразна география участников — от Калининграда на Западе и до Новосибирска и Кемерово на Востоке, не говоря уже о зарубежных участниках.

Питирим Сорокин был невероятно ярким и богатым на идеи ученым. Сегодня его творческое наследие является источником вдохновения для современных российских и зарубежных ученых. Его идеи как никогда актуальны. Те работы, которые представлены здесь, тому ясное и безусловное свидетельство.

Николай Зюзев

РАЗДЕЛ 1. АКАДЕМИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
ПИТИРИМА СОРОКИНА И СОВРЕМЕННАЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ
В США И РОССИИ

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_9

Питирим Сорокин
**Некоторые контрасты современной европейской
и американской социологии***

Денис Владимирович Оксюзьян (перевод),
историк, катехизатор и волонтер Сыктывкарской Епархии
(Сыктывкар, Россия);
под редакцией *Вадима Вениаминовича Сапова*,
с. н. с. Института социологии Федерального научно-
исследовательского социологического центра
Российской академии наук (Москва, Россия)

Аннотация. Статья Питирима Александровича Сорокина, перевод которой предлагается ниже, не только раскрыла взгляды выдающегося учёного на современную ему социологическую мысль США и России, но и обогатила научное наследие самого П. А. Сорокина новыми наблюдениями, не потерявшими своей актуальности и до сегодняшнего времени.

Любая попытка провести контурную линию между европейской и американской социологией как между сформировавшимися органическими системами, каждая из которых заметно

* Статья опубликована на английском языке в журнале «Социологические силы» (сентябрь 1929 г., т. 8, № 1).

отличается от другой, но при этом остаётся гармонизированной и слитной внутри самой себя, — весьма безнадёжное предприятие, крайне ошибочное по самой своей природе. Поэтому цель настоящей статьи сводится к тому, чтобы просто продемонстрировать различия и сходства в общем развитии социологии в последнее время. Во второй части статьи будут представлены также контрасты между конкретными «школами» и истинным вкладом Америки и Европы.

Давайте начнём наше рассмотрение с некоторых внешних отличий в росте социологии в Европе и Америке в течение последних 70 или 80 лет. Замечательное отличие в этом отношении состоит в том, что в Америке социология подрастала словно ребёнок, взращиваемый университетами и колледжами, между тем как в Европе её современное начало, со времени Августа Комта, и последующее развитие в значительной степени происходило вне стен университетов и колледжей. В самом деле, основатели главных социологических систем в Европе никогда не занимали положения учителей в университете. Среди этих знаменитостей выделяются, к примеру, имена Герберта Спенсера, А. Гобинеу, Отто Аммона, Б. Кидда, Дж. Новикова, П. Лиленфельдта, К. Маркса, Г. Ротзенхофера, Н. К. Михайловского, П. Лаврова, А. Коста, К. де Пурвилля, К. Демоленса, П. Рупера, К. Леонтьева и других.

Иные учёные временно занимали профессорскую должность не в качестве профессора социологии, а в статусе профессора естественных наук или дисциплины, разительно отличавшейся от социологии. Связь с колледжами, которую установил Август Комт, поддерживалась Е. де Роберти, Дж. де Грифом, Ф. де Плейем, Л. Гумпловичем, Дж. Зиммелем, М. Ковалевским, Дж. Гардом, Е. Дюркгеймом, Р. Уормсом, В. де Ляпугеймом, Марселем и многими другими мыслителями. Социология являлась, так сказать, их хобби — увлечением, и поэтому они не преподавали в университете. Лишь только по случаю некоторые

из них прочитывали серию социологических лекций в различных «свободных колледжах и школах», не включённых в систему регулярных колледжей, поддерживаемых правительством, или, возможно, в постоянных университетах некоторый необязательный социологический «хобби-курс», не входящий в регулярную программу образования в колледже.

В Соединённых Штатах ситуация сложилась прямо противоположная. Здесь социология стала известной с самого своего начала как университетская и колледжская дисциплина. Задолго до какого-либо Европейского Университета, имевшего один социологический курс, ряд американских университетов включил социологию в качестве регулярного курса в программу обучения в университете. Как ранее в 1876 г. У. Г. Саммер прочёл свой курс по социологии на Яле, также и в 1890 г. знания по социологии были преподнесены Ф. Х. Гиддингом в Баринском Майорском университете; курсы социологии были введены в 1885 г. в Индиане, в 1889 г. в Канзасе, в 1891 г. в Гарвардском, а в 1898 г. и в Чикагском университетах.

Это различие продолжает присутствовать и в настоящее время; несмотря на то, что число университетов и колледжей в Европе, социологию в которых ввели в качестве регулярного курса, значительно увеличилось со времени войны и революций, количество таких образовательных учреждений до сих пор намного меньше, чем в Соединённых Штатах. В Европе социология всё ещё остаётся дополнительной университетской дисциплиной, не признанной большинством университетов; в Соединённых Штатах университеты и колледжи не испытывают подобного отвержения. Поскольку в последние несколько лет социология в Европе не преподаётся в колледжах, то отсутствует потребность в учебниках по социологии. Так как в Америке социология очень рано подстроилась под тактику развития колледжей — это привело к необходимости создания колледжских учебников.

Следовательно, неоспоримым является тот факт, что вся американская литература по социологии большей частью состоит из учебников, написанных в Европе, из той учебной литературы, которая занимает относительно незначительное место в общей массе всей социологической литературы этого континента. Вплоть до 1906–1910-х гг. в европейской социологической литературе почти не было книг, написанных со специальной целью: выдать порцию текстов. В самом лучшем случае несколько работ весьма отдалённо напоминали «Основы социологии» (1885) Л. Гумпловича, «Введение в социологию» (1885) Дж. де Грефа, «Общую социологию» (1898) Марселя, «Социологию» Т. Ачелия и Р. Ейслера (1903), «Эскиз социологии» (1906) и две или три другие работы, подобные этим. Но даже эти книги не были написаны с целью выдать порцию текстов и представляли собой либо краткое изложение иных, более солидных трудов тех же самых авторов, или популяризацию социологических работ для общей публики в целом.

Объем социологических трудов, изданных в Европе, едва ли не полностью состоит из монографических трудов, которые не носят популярный характер или рассчитаны на студентов, но эти книги, главным образом, вносят вклад в социологическую науку.

В Америке ситуация кардинально противоположная. Энергия американских социологов направлена на достижение большего объема в деле издания учебной литературы. Ранее в 1906–1910-х гг. в американской социологии уже появилась серия книг, написанных в форме текстов и с характеристикой отдельных тем. Примерами подобных книг являются: «Введение в изучение общества» А. Смолла и Дж. Виксента (1894); «Принципы Социологии» (1896) и «Элементы социологии» (1898) Ф. И. Гиддингса; «Очерки Социологии» Л. Уарда (1898); «Учебник Социологии» Дж. С. Дилая (1903); «Введение в Социологию» А. Флайербанка (3-е изд. 1903); «Элементы Социологии»

Ф. У. Блэкмера (1905); «Основы Социологии» Е. А. Росса (1905); «Социология и общественный прогресс» Т. Н. Карвера (1907) и «Общая Социология» Е. Гарварда (1907).

Описанная ситуация повторяется и в настоящее время. По сей день ежегодное издание социологической литературы в Америке представлено учебной литературой: степень подготовки данного вида литературы несравненно меньшая, чем в Европе. Это различие является гораздо более значительным, чем это может показаться на первый взгляд. На видное место выступает необходимость объяснить, почему американская социологическая литература является самой лучшей в мире.

Ни одна другая страна не может соперничать с Соединёнными Штатами в этой области — ни качественно, ни количественно. Даже теперь, несмотря на издание серии европейских учебников по социологии, они не настолько информативны, не настолько отвечают требованиям, как многие американские социологические тексты. Истинность этого утверждения относится к текстам как по общей, так и по специальной, сельской и городской социологии и по социальной психологии, криминологии, культурной антропологии, социальной эволюции и т. д. Тем не менее отмеченное превосходство американской учебной литературы должно иметь и свои недостатки. Эти недостатки всегда соотносятся с некоторыми ограничениями в плане оригинальности работ. Хороший учебник всегда должен быть составлен пропорционально, и ни одна из его частей не может быть развита в меньшей степени.

Снова напомним, что хороший текст состоит из значительного количества трюизма и банальности, общераспространённой и популярной точки зрения. Любой текст нуждается в своём авторе не столько чтобы придать тексту творческой неповторимости, сколько в количестве компетентных обзоров выдвинутых теорий и написанного материала, хорошо известного специалистам, но не доведённого до сведения студентам. Написанный

учебник — средоточие конфликта созданной оригинальной монографии, на страницах которой стремятся сказать нечто новое, и значительное. Большую часть времени социолог занят написанием текста и меньшую часть времени и энергии он тратит на подготовку оригинальной монографии; подготовка монографии требует, как правило, огромной энергии, терпения, вдохновения, творческого ума и большого исследования.

Для учёного почти невозможно заниматься написанием текстов. К тому же учёный, чересчур поглощённый подготовкой учебника, приобретает привычку мыслить однотипным учебным интеллектуальным уровнем, который, как правило, во много раз ниже уровня монографии. В дополнение к этому наличие различных коммерческих и тому подобных соображений ещё более низводит уровень учебной литературы. Более того, привычка финансирования и выпуска значительных монографий в дешёвых издательствах не закрепилась на американской сцене.

Всем этим объясняется, отчего, несмотря на непревзойдённые возможности в области создания текстов, можно с трудом говорить о непревзойдённости американской социологии в сфере научного вклада в социологию — в область новых, оригинальных и плодоносных теорий, в область реального обогащения нашего знания о социальных явлениях.

В то же время несомненно, что американская социология внесла свой вклад в эту область науки, и нам предстоит доказать, что этот вклад не только быстро возматерел, но стал непревзойдённым. Если обозреть самые значительные оригинальные теории в области социологии, которые были приняты за последние пятьдесят лет, то, вероятно, окажется правдой, что каждая из крупных европейских стран — Франция, Англия, Италия, Германия, Россия — имеют серьёзные основания утверждать, что их вклад в социологию не менее значительный, чем вклад Соединённых Штатов Америки. Вполне возможно и то, что каждая из этих стран способна встать лицом к лицу с выдающи-

мися американскими социологами (в сфере оригинальности) и за последние пятьдесят лет выставить таких же или даже более значительных выдающихся социологов. Такова сущность выявленного различия.

Следующий значительный пункт различия между социологией двух континентов сводится к тому, что хотя последние двадцать лет отмечены в Европе основанием таких институтов социологических исследований, как Солвейский институт в Бельгии, Кёльнский институт Берриба в Германии, или Лё Плейхаус в Англии, тем не менее, число подобных институтов в Европе крайне ограничено, и исследовательские возможности довольно скудны (главным образом по причине отсутствия денежных средств в военных и послевоенных условиях). В Соединённых Штатах ситуация в этом отношении за тот же самый период времени оставалась несравненно более благоприятной.

В различных формах — начиная с разных экспериментальных станций и заканчивая различными исследовательскими институтами в области социальных явлений, в этой стране на сегодняшний день имеется несравненно большее число подобных институтов и отпускается несравненно больше денежных средств на различные виды исследований в области социологии, чем в любой другой или, возможно, во всех европейских странах вместе взятых. Это естественный результат гораздо более быстрого прогресса социологических исследований в этой стране, чем в европейских странах. На сегодняшний день американская социология добилась громадного и весьма ценного результата в области специального материального исследования, чем совсем немногие американские социологи; и ни один американский автор текста по общей социологии не попытался возвести эту идею на какую-нибудь знаменательную степень.

На сегодняшний день американская ситуация характеризуется недостатком соответствующей связи между учебной литературой и тем, что именуется специальным исследованием. Эта

«отсутствующая связь» — разработка новых индуктивных теорий, принципов и обобщений, основанных на данных специальных исследований. Если подобная связь появится в будущем и если Европа не встанет наравне с Америкой в области исследований, это может привести к господству американской социологии над европейской.

Давайте теперь рассмотрим другое отличие, отложив в сторону труды выдающихся европейских и американских социологов. Приняв во внимание большую часть обыкновенных социологических работ обоих континентов, мы можем отметить заметное различие между их характером.

Большая часть социологических работ в Америке отличается своей количественной и эмпирической направленностью, между тем как большая часть социологической литературы Европы выделяется аналитической разработкой понятий и определений, философской и эпистемологической отделкой слов и по сей день. Передавая эту же самую идею в негативной форме, можно сказать: большая часть социологических изысканий в Америке наиболее обогащена количественным и эмпирическим материалом и до некоторой степени бедна изящным, элегантным мышлением: кушанье богато, но оно не усваивается ломтиками. В Европе в большей части исследований видно утончённое мышление наряду со всей изысканностью эпистемологии и логики; однако механизм этого утончённого мышления представляет собой движение в воздухе по причине отсутствия конкретного и внимательного изученного материала.

Результат — в американском случае — доминирование материала над своим исследователем и ограниченная перспектива исследователя, который зачастую за деревьями (нагромождениями) своего материала не видит леса.

В Европе результат действия утончённого интеллектуального механизма, работающего в воздухе, есть свойство научной стерильности, неплодородного и необработанного слова, кото-

рое не даёт нам ничего в дальнейшем. В самом деле, сотни и тысячи различных специальных бюллетеней, тезисов, статей, обзоров публикуется ежегодно в Америке. Они наполнены рисунками, диаграммами, случайными изысканиями, сравнительными коэффициентами, указателями, газетными выдержками и иными формами эмпирического материала. К тому же среди всех этих изысканий изредка обнаруживается действительно глубокое исследование с прекрасной и элегантной логикой и с логической и эпистемологической пронизательностью, ясным преобладанием над изученными фактами, широким горизонтом, дальней умственной перспективой, солидной основой и адекватными обобщениями, которые представляют собой исключение. Большая часть исследований, скорее всего, является рутинной, я бы даже сказал — рутинной автоматического характера.

Проживая в веке, в котором всё — от машины до записи Виктролы — имеет тенденцию стать автоматическим, наши исследования следуют за этой же тенденцией. Через руки каждого профессора социологии, психологии или политической науки проходит: дюжина тезисов магистров и докторов; сотни различных обзоров и случайных исследований; дюжина различных бюллетеней и исследовательских штудий, опубликованных разными исследовательскими институтами. Из этого можно сделать вывод, что огромное количество этих работ подготавливается полуавтоматически. Готовится вопросник или собираются данные из поверхностных интервью и из иных источников обзора. Данные сводятся в таблицы. Применяется Пирсонская или иная формула корреляции. Эта обычная процедура применяется в великом множестве исследований. Выполнив эти или ещё более упрощённые операции, авторы описывают результаты зачастую без какого-либо особенного знания и аккуратности, и исследование готово. Всё это совершается полуавтоматически; только попутная обычная рутина без какой-либо попытки вникнуть или задаться вопросом о вескости материала, его достаточ-

ности и полезности отвержения корреляции, о реальном значении применённой формулы и об адекватности полученных результатов, их сходстве или расхождении с результатами подобных исследований, о плане других исследований и т. д. и т. п.

В нестатических исследованиях обычно встречается недостаточная логика, бедное знание о предмете, незнание исследований, созданных ранее, поверхностное мышление, недостаток оригинальности, громоздкая методология и т. д. и т. п. Несмотря на возможность автоматического применения Пирсонской формулы, исследования часто демонстрируют нарушение фундаментальных (основополагающих) законов логики и недостаток в понимании фундаментальных законов индукции. Следует ли нам удивляться тому, что под этими фактами подразумевается большое количество таких исследований, полуавтоматической работы со всеми ограниченностями, провинциализмами и ошибками подобных работ? Это именно та ситуация, которая обозначается мною как преобладание материала над исследователем, недостаток утончённого мышления и свободной логики этих исследований.

Описанное положение — один из самых общих дефектов значительной части американских исследований, который должен быть устранён, если мы хотим иметь подлинно научные исследования вместо псевдонаучного материала, чья ценность является крайне сомнительной.

В Европе ситуация по отношению к логике и утончённому мышлению представляется лучшей. Во всяком случае, доказанным является тот факт, что эти исследования обладают весьма расплывчатым конкретным материалом, который благодаря своей расплывчатости не может преобладать над исследователем и понуждает учёного компенсировать недостаток материала изысканным размышлением или, во всяком случае, обращением большего внимания в европейских университетах на логику,

философию и эпистемологию, которые приводят к утонченности в размышлении.

Вполне доказан тот факт, что многие европейские социологи приносят в социологию данные из философии, логики, эпистемологии (к примеру, Зиммель, Дюркгейм, Де Роберти и многие другие) или, по крайней мере, приучают себя к этим дисциплинам. Также вполне ясно, что обсуждаемое искусство более изящного мышления в европейских социологических трудах Германии, Франции, Италии, России едва ли может оказаться сомнительным. В качестве образца можно, например, назвать последние исследования Л. вон Виза, О. Спанна, З. Литта, К. Брейзига, К. Бринкмана, У. Сауера, Г. Лихмана, З. Гейгера, А. Уолтера, Ф. У. Джерунмана, Х. Л. Столтенберга, М. Шелера, М. Хаусенгштейна, Х. Фрейера в Германии; труды М. Холбуаха, С. Вунга, Г. Ричарда, Маусса, Фаукотета, Хуберта и другие во Франции.

Как правило, эти авторы почти всегда опираются в своих исследованиях на размышлении со всеми утонченностями эпистемологической проницательности, хотя реальное содержание этих трудов весьма небольшое. Некоторые исключения в различии вызывают дискуссию, но само различие представляется вполне ощутимым и реальным. С этой точки зрения весьма полезным для европейских социологов окажется приехать в Америку и погрузить себя в изучение большого количества существующих специальных исследований и изучить метод, технику и результаты этих исследований. С другой стороны, является целесообразным для американских социологов внимательно прочесть европейские социологические труды, последовательно ознакомиться с изящными элементами их элегантного искусства мышления. Изучение философии, логики и эпистемологии также может оказать неоценимую помощь. Впрочем, об этом достаточно.

Последнее общее различие между сравниваемыми системами социологии сводится к тому, что в европейских социоло-

гических трудах в некоторой степени продемонстрировано лучшее знание всеобщей истории, в частности истории социальной мысли, и исторический метод, в некоторой степени, применяется наиболее искусно по сравнению с американскими социологическими трудами.

На множестве европейских социологических трудов проступает глянец, и вы увидите, что в эти труды, как правило, вставлены краткие исторические обозрения предыдущих теорий в этой области; эти труды наполнены ссылками на исторические факты; авторы этих трудов широко употребляют исторические сопоставления и исторический материал, особенно из законодательных и юридических кодексов, учреждений и источников.

В Америке подобная процедура относительно редкая. Большинство текстов, зачастую даже обработанных, либо вовсе не имеют ссылок на всё, что было написано предшественниками, либо, в самом лучшем случае, снабжены несколькими скудными ссылками на американских социологов — по большей части авторов других учебников. Направив речь в юмористическое русло, мы можем сказать, что большая часть американских социологических трудов по умолчанию заключают в себе ничего или то очень немного, что было создано до 1890 г., когда социология появилась в Америке. Естественно, ряд социологов, наподобие Комта и Спенсера, были, но они писали обо всём. Как правило, знания истории социальной мысли довольно скудны в Америке; эта скудость свойственна большей части социологов.

В результате классические труды по социологии увидели свет не в оригинальном, а в переводном виде. Труды Канта или Спенсера, Беркля или Дюркгейма, Тарда или Макса Вебера, Кондиркина или Ибн-Калдуна, Вока или Платона, Аристотеля или Конфуция, как правило, неизвестны большинству преподавателей социологии либо известны лишь из некоторых второстепенных источников и в крайне недостаточной форме. Знание классических работ по социологии и социальным наукам при-

звано необязательным для получения звания магистра или доктора социологии. Этим объясняется присутствие короткой исторической памяти об американских социологических трудах.

Завершая данную поверхностную характеристику американской и европейской социологической мысли, следует подчеркнуть, что о контрастах и параллелизмах можно говорить лишь весьма приблизительно и в незавершённом виде; и всё же, я надеюсь, что эти контрасты и параллелизмы не окажутся вводными в заблуждение. К тому же можно видеть, что так как американская социология озабочена возникшей ситуацией, то со временем это положение станет более ясным по сравнению с ситуацией в Европе.

Если американские социологи попытаются в дальнейшем сделать над собою усилие в указанных моментах; если их энергия всё более и более будет направляться на создание исследовательских монографий вместо производства текстов; если к тому же большинство из них попыталось бы избегать «простого обхождения вокруг да около» в поверхностном «изучении» общего характера и погрузило бы самих себя в кропотливое и глубокое изучение специфических проблем при условии исполнения всех названных требований.

С наступлением благополучной финансовой и иной ситуации в стране, при учёте реальных склонностей американского ума возможно надеяться на ослепление блеском американской социологии на новом и высшем уровне.

Этот подъём более чем реален, потому что наличествует факт ослепления блеском некоторых областей специальной социологии. К примеру, в области сельской социологии Америка уже заняла положение лидера не только в деле издания учебников, но и в деле написания монографической литературы.

Общественное пространство в фокусе социологии образования

Альбина Ахметовна Бесчасная,

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры
государственного и муниципального управления,
Северо-Западный институт управления — филиал Российской
академии народного хозяйства и государственной службы
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: aabes@inbox.ru

***Аннотация.** Общественное пространство как одно из проявлений социальных пространств находится в фокусе внимания многих исследователей, принадлежащих к гуманитарным и техническим наукам. Социология обладает хорошо разработанным теоретическим базисом по анализу формирования и функционирования социальных пространств. Одним из частных случаев общественных пространств является школа. В статье представлены характерные особенности школы как общественного пространства и модель создания и преобразования школьных локаций с применением партисипативного подхода. Эта модель включает в себя применение социологических методов сбора информации о мнении основных пользователей данных пространств. Реализация данной модели позволит достичь положительный эффект в междисциплинарном взаимодействии и в формировании комфортной городской среды.*

В настоящее время обращение к проблеме общественных пространств, их формированию и развитию является довольно актуальным. Если прежде мы констатировали модность ее обсуждения как отклик на попытку устранить рутинное течение социальной реальности, то повестка текущего момента указывает на смыслообразующее значение общественных пространств в формировании индивидуального и общественного сознания. Отличие насыщенной востребованности научных изысканий от

модных рассуждений лежит в плоскости практического применения результатов исследования. Первые стремятся дать реальное объективное знание с некоторым набором конкретных решений, а в модных, по словам А. Б. Гофмана, будет присутствовать «туманность, расплывчатость и противоречивость теоретических конструкций» [6, с. 22].

Теоретический дискурс. Общественное пространство (Public space) — пространство общественного использования, одинаково доступное для всех жителей города. Согласно определению, представленному на официальной интернет-странице Правительства Санкт-Петербурга, «общественные пространства — это территории общего пользования, свободные от транспорта и предназначенные для использования неограниченным кругом лиц в целях досуга и свободного доступа к объектам общественного назначения» [2]. С точки зрения социологии общественные пространства — это физическое воплощение социального пространства, которое возникает в результате взаимодействия людей. Общественные пространства имеют материальное воплощение и обязательную локализацию на местности. Поэтому общественное пространство — это отдельный случай социального пространства, возникшего внутри городской территории. Наряду с ним существуют образовательные социальные пространства, финансово-экономические социальные пространства, производственные социальные пространства и т. д. Все возможные вариации социальных пространств возникают в результате взаимодействия людей с теми или иными общими потребностями и интересами. Для общественных пространств объединяющим началом является возможность свободного общения, что формирует феномен единения, т. е. общества.

Одним из первых попытку охарактеризовать социальное пространство предпринял Г. Зиммель в XIX в. Он заметил, что если люди не взаимодействуют, то пространство между ними «практически говоря ничто», а границы социальных про-

пространств определяются их значением для социума. Взаимодействующие лица могут пространство «населить и востребовать» [13, с. 84], формировать пределы между сообществами, закрепляющие единство их членов и единство пространства.

В начале XX в. П. Сорокин под влиянием событий революции 1917 г. выделил отличительные черты социального пространства как не «геометрического» (т. е. не укладывающегося лишь в трехмерные координаты). В социальном пространстве проявляются социальные позиции индивидов, стратификационные различия которых формируют его многомерность [11, с. 299].

П. Бурдьё указывал на многомерность и динамичность социального пространства, которые заложены в содержащихся в нем социальных полях. Именно социальные поля образуют единство людей по «взаимоисключению (или различению) позиций», а физическое пространство обнаруживает свое постоянное присутствие в социальном пространстве как в топосе расположения [7, с. 49].

Анализ социального пространства с целью его дальнейшего конструирования предложил А. Лефевр. По мнению ряда авторов [5, с. 17], его работы заложили основы современной урбанистики, так как он рассматривает пространства с позиций подчинения, присвоения и воспроизводства пространства [9, с. 168–171]. «(Социальное) пространство есть (социальный) продукт». Разнообразие проявлений социального пространства обнаруживается в его дроблении на фракталы [9, с. 15, 40] и подпространства. В них проступает специфика и масштаб взаимодействия акторов (региональные, городские, экономические, идеологические, архитектурные и т. д.). А. Лефевр характеризовал социальное пространство как переживаемое. «Переживание» происходит из-за придания акторами эмоционального смысла предметам и событиям, происходящим в определенном времени и месте, что создает новые качественные характеристики пространства и динамику изменений.

Другим значимым вкладом А. Лефевра в развитие понимания социальных пространств в городах является объяснение возникновения и реализации права на город. Давая определение права на город в 1967 г., А. Лефевр утверждал, что неотъемлемой составляющей его реализации является участие. «Право на город является высшей формой прав: на свободу, на развитие собственной индивидуальности в процессе социализации, на среду обитания и ее освоение. Право на производство, на участие и на присвоение — все это заложено в понятии права на город» [10, с. 142].

Таким образом, размышления о возникновении и преобразовании социального пространства эволюционировали от пользования им в пределах удовлетворения интересов индивидов до «переживания» и создания его индивидами. Реализация права на город в форме права на общественное пространство — это не просто право пользоваться многообразными возможностями, заложенными в социальное пространство, но и право участников «обживать» его, поддерживая комфорт, востребованный ими, отстаивать свои представления о должном инфраструктурном контенте, заявлять о своих интересах и быть услышанными [7]. Следовательно, основным условием создания общественных пространств является их соответствие потребностям пользователей и непосредственное их участие в создании этих пространств.

Эмпирический дискурс. Одним из случаев социального пространства является пространство отношений и совместной деятельности, образуемое в школах. Школа как социальное пространство представляет собой подпространство городов (или других территориальных образований). Следовательно, школьное социальное пространство выступает фракталом, отражающим специфику социальных отношений в городе. Город создает условия для формирования подструктуры социального пространства — образовательное. Оно структурируется на институциональные и инициативные подпространства, среди которых

пространство школьного образования занимает самое крупное объединение [3].

Кроме того, школа выступает таким социальным пространством, внутри которого образуются свои общественные пространства. Как в границах города формируются общественные пространства, которыми может свободно пользоваться население, так и внутри школ существуют общественные пространства, которые доступны для участников школьной жизни.

Школа соответствует характеристикам социального и общественного пространства, подтверждением чему является ряд аргументов:

- всеобщность школьного образования, что обеспечивает вовлеченность каждого человека в пространство школы;
- школа — это пространство объединения разнообразных интересов детей и взрослых, которые могут быть представителями различных социально-экономических классов, социокультурных и этнических групп;
- преобразование школ из образовательных учреждений утилитарного назначения по обучению детей в рамках школьных программ (образовательные программы начального общего образования, образовательные программы основного общего образования, образовательные программы среднего общего образования [12]) в образовательные центры, предоставляющие дополнительные культурно-образовательные услуги для детей;
- школа приобретает значение «третьего места», обладающего функцией объединения района и создания территориального сообщества.

В связи с тем что школа предстает в качестве общественного пространства, то к нему применимы современные технологии его создания, а именно партисипативного участия пользователей, т. е. детей, учителей и сотрудников школ, а также родителей. Участвующий подход в создании общественных пространств имеет глубокое социальное значение [7]. Во-первых,

представители различных социальных групп артикулируют свой интерес, что выявляет характер и соотношение сторонников различных точек зрения. Во-вторых, дети как выразители мнения о создании общественного пространства и его наполнения учатся искусству диалога и конструктивному проявлению собственных прав. В-третьих, участие в создании общественных пространств в школе формирует феномен «присвоения» и, следовательно, бережливого отношения к нему.

Школа как общественное пространство состоит из разнообразных локаций. Это учебные классы, помещения для спорта и приема пищи, библиотеки и зеленые уголки, а также многофункциональные рекреации и локации для занятий дополнительным образованием и проведения досуга детьми [1]. Дети и взрослые как основные носители интересов по использованию данных пространств смогут точно определить конфигурацию, содержание и функциональные параметры этих локаций. Для реализации партисипативного участия в создании общественного пространства в школьных помещениях полезную роль могут сыграть социологические методы сбора информации от настоящих и будущих пользователей этих пространств. Это такие методы, как картография, опросы и фокус-группы. По результатам их проведения и систематизации данных архитекторы и дизайнеры имеют возможность воплощения в жизнь идей пользователей-соавторов, а именно создание концепции, проектирование, разработка дизайна и т. д.

В качестве основы определения социологических маркеров общественного пространства возможно использование методологических рекомендаций А. Лефевра. Он предлагает описывать социальное пространство с помощью общих понятий: форма, структура, функции [9, с. 153]. Локализация, предназначение, основные пользователи, функциональность, зонирование в реализации функций, стиль и т. д. — это лишь краткий перечень аспектов, которые находят отражение в инструментарии исследования.

В настоящее время существует благоприятная возможность для реализации данной модели создания и развития общественных пространств в школах. Основу этому составляют последние нововведения на федеральном и региональном уровнях. В августе 2021 г. Президент РФ поручил разработать программу по капитальному ремонту зданий школ на 2022–2026 гг. Эта программа предусматривает софинансирование мероприятий по капитальному ремонту, расширяет возможности субъектов Федерации по благоустройству школ, условий обучения детей. Помимо федеральной программы в Санкт-Петербурге действует и собственная программа «Развитие образования в Санкт-Петербурге», которая позволяет планомерно и адресно направлять усилия по повышению качества среднего образования и тех условий, в которых учатся дети. С целью разработки внесения предложений по ремонту школьных зданий и созданию проектов их дизайнерских решений в Санкт-Петербурге работает портал «Твой бюджет в школах». Этот опыт является ценным по причине участия в нем детей, непосредственно знающих недостатки зданий и помещений своих школ. Дети учатся проявлять инициативу и вести конструктивный диалог.

Очевидно, что сотрудничество социологов, архитекторов, дизайнеров, строителей в практическом воплощении замысла по модернизации школ и школьных общественных пространств будет эффективно. В настоящее время в Санкт-Петербурге насчитывается около 800 образовательных учреждений, дающих среднее образование. Они имеют разную историю и разное материально-техническое состояние. Износ зданий школ происходит интенсивно по причине их активной эксплуатации наиболее энергичной частью населения — детьми. Поэтому востребованность в совместной работе представителей различных наук и профессиональных отраслей даст положительный синергетический эффект в вопросе создания комфортной городской среды. Санкт-Петербург как город с богатой историей имеет потенциал обогатиться еще одним примером культурного взаимодействия.

1. Авакова Э. Б., Покровская Н. Н., Кузнецов А. А. Социологический анализ образования как системы формирования интеллектуального капитала в информационном обществе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 123–130.

2. Администрация Санкт-Петербурга. Официальный сайт. URL: www.gov.spb.ru/static/writable/mediact/materials/2016/12/01/ (дата обращения: 9.03.2022).

3. Бесчасная А. А. Ребёнок в триаде отношений «школа — ученик — семья» в период освоения дистанционного обучения // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1 (33). С. 74–94.

4. Бурдые П. Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

5. Бурлина Е. Хронотопия города : монография. Самара: Книжное издательство, 2016. 240 с.

6. Гофман А. Б. О модах в современной теоретической социологии // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 21–28.

7. Как реализовывать «право на город»? Фонд Егора Гайдара. URL: www.club.gaidarfund.ru/articles/1162/ (дата обращения: 9.03.2022).

8. Костко Н. А. Модели реализации концепции «креативный город»: анализ европейского опыта // Siberian Socium. 2021. Т. 5. № 3 (17). С. 52–68.

9. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

10. Маккуайр С. Геомедиа. М.: Стрелка-пресс, 2018. 268 с.

11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

12. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. Ст. 12.

13. Филиппов А. Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 285 с.

П. А. Сорокин и современность: актуальное наследие

Виктор Антонович Ковалёв,

доктор политических наук, профессор кафедры философии
и социально-политических наук,

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)

e-mail: vant_2000@mail.ru

***Аннотация.** В статье делается попытка выделить наиболее актуальные на сегодняшний день элементы творческого наследия П. Сорокина. Также предпринимается попытка дать оценку взглядов мыслителя на моральный кризис современной цивилизации. Нравственная проповедь Сорокина базируется на его концепции социокультурной динамики, предположении о смене чувственных и идеациональных эпох, а также характеристике сверхчувственной эры и прогнозе ее наступления.*

Подчеркивается огромная важность критической оценки Питиримом Сорокиным кризиса нашего времени. И для России, и для всего мира проблема морального коллапса и его преодоления является актуальной в условиях, когда базовые институты Модерна — наука и государство — находятся в кризисе.

Актуальность Питирима Сорокина для современного мира не подлежит сомнению, однако к его наследию полезно отнестись дифференцированно. Ряд его трудов, что называется, принадлежат истории и интересны прежде всего для воссоздания и лучшего понимания прошедшей эпохи. К примеру, в 20-е гг. нынешнего столетия вышедшие в 20-е гг. прошлого века «Современные социологические теории» [9] представляют большой интерес для историков социологии, нежели как предмет актуальной науки. Многие также не выдержали проверки временем, что совершенно нормально для научного поиска, ведь если теория не уточняется и не критикуется, то она превращается в догму. Скорее всего, сам Питирим Александрович осудил бы

догматический подход к своим работам. Но действительно «у Питирима Сорокина можно многому учиться, но с ним нужно спорить» [1].

На наш взгляд, к разряду актуальной классики в сорокинском наследии относятся элементы теории социальной стратификации и социальной мобильности, которые социолог разрабатывал для других систем неравенства, но его подходы интересны и сегодня. Также с нарастающим вниманием следует обратиться к сорокинской социологии революции, которая не стала только достоянием прошлого. Наряду с этим среди важных тем, занимающих П. А. Сорокина на протяжении всей его творческой жизни, выделяется тема нравственной деградации общества в контексте «кризиса нашего времени». Нам уже приходилось обращаться к проблеме трансформации сорокинское мировоззрения [3], но здесь хотелось бы более подробно остановиться на теме морального кризиса современной цивилизации. Так, в кратком изложении своего фундаментального труда о социально-культурной динамике общества автор сокрушался: «Всё больше и больше на истинные нравственные ценности смотрят как на всего лишь “рационализации”, “деривации” или как на “красивые речевые реакции”, маскирующие эгоистические, материальные интересы и стяжательские мотивы индивидом и групп», и далее: «С потерей престижа они (нравственные и правовые нормы. — *В. К.*) постепенно утрачивают и свою контролирующую и регулирующую силу — важный фактор человеческого поведения» [7, с. 109].

Если в начале своей научной карьеры П. Сорокин решал проблему в позитивистском ключе «преступления и кары, подвига и награды», то в последние годы жизни занялся проповедью «могущества любви». Скажем сразу, что ни тот ни другой подход не вызывают у нас согласия, но в постановке проблем глобального нравственного кризиса российско-американский мыслитель был принципиален и склонен к максимализму.

Праота Сорокина-моралиста кажется несомненной. Люди по-прежнему продолжают уничтожать друг друга и окружающую природу, глобальный долг достиг фантастических масштабов, и кредит, взятый у будущих поколений, кажется невозвратным. Неравенство и несправедливость в мире поражают воображение, падает доверие к институтам и институциям, коррупция разъедает правительства и организации. Информационное пространство засорено бесконечными фейк-ньюс и различными сортами постправды. Либеральная демократия, несмотря на провозглашенный «конец истории», перестает работать, и её институты выхолащиваются, что особенно наглядно проявилось в последние годы в условиях так называемой пандемии. При этом в дискурсах общественных наук тема морального коллапса не занимает центрального места. Не то чтобы эта тема замалчивается, но зачастую как бы «выносятся за скобки». Ученым удобнее заниматься другой проблематикой, позабыв про «жизнь на вулкане». «Неистовый Питирим» и в российский, и в американский периоды своей жизни был не таков, постоянно переходя от строгих научных размышлений к проповедям в морально-религиозном духе, чем удивлял очень многих. Несомненно, что на Сорокина повлиял опыт российской революции и гражданской войны, в ходе которых он едва не погиб [6]. В своих работах, написанных в постреволюционное десятилетие, Питирим Александрович Сорокин весьма четко указывал на причины российских бедствий, говоря и о количественных потерях, и о резком ухудшении человеческих качеств, так как смутные времена губят в первую очередь именно лучших представителей человеческого рода — происходит аристоцид. А из дурных людей хорошего общества не создашь (см., например, [8]).

В постреволюционные годы происходят и значительные перемены в мировоззрении самого Сорокина. Отказавшись от политического активизма, он сосредоточился на задаче понять и объяснить трагические перемены в мире и на родине, которую

он вынужденно покинул. Из-под пера ученого выходят такие труды, как «Социология революции», «Вертикальная мобильность», которые можно смело назвать жемчужинами социологической мысли — эти книги, повторим, интересны и актуальны до сих пор!

Однако последние десятилетия жизни выдающегося социолога отмечены уже не столько интенсивной научной работой, сколько моральной агитацией, проводимой с поистине религиозным пылом. Как ни удивительно, но, скорее всего, превращение социального исследователя в пророка-моралиста произошло под влиянием его работы над «Социокультурной динамикой», которая считается вершиной сорокинского социологического творчества [5]. Труд этот поражает грандиозностью замысла и исполнения; по отношению со сравнительно скромными по объемам исследованиями стратификации или аграрной социологии в своём *opus magnum* мыслитель старается охватить и объяснить весь ход развития мировой цивилизации. В первой половине XX века это не было единственной попыткой, достаточно вспомнить имена О. Шпенглера, А. Крёбера, А. Тойнби и др. Но эти сверхусилия приносили результаты, которые уже современники оценивали весьма критически.

Практически бесспорным является утверждение, что на мировоззрение Сорокина (как и многих других мыслителей) и стиль мышления Питирима Александровича оказала влияние его биография, длинный, сложный и опасный «Долгий путь» [4]. Но вот как разворачивается жизнь самого Питирима в коммунистической России и буржуазной Америке. На родине наш герой чудом избежал смерти и подвергался преследованиям, испытывая нищету и голод. Если бы он остался в СССР, то, несомненно, повторил бы судьбу своего друга, выдающегося экономиста Е. В. Кондратьева. В «бездуховной Америке» российский эмигрант благодаря собственным усилиям и помощи заинтересованных лиц сделал впечатляющую научную карьеру и, даже разойдясь с социологическим сообществом по целому ряду по-

зиций, нашел свое место и средства для продолжения своих штудий по интегрализму и альтруизму, получив грант на создание своего исследовательского центра. В «Большевизии» (как именовали белые эмигранты СССР) в тот период для инакомыслящих был уготован путь нищеты и преследований, а диссидента даже если бы не убили, то отправили бы в тюрьму или психушку. Исходя из столь очевидных сравнений и стоит оценивать «ценность» сорокинских филиппик по поводу институтов современного общества... Неудивительно, что многие коллеги восприняли сорокинскую метаморфозу в лучшем случае с недоумением [2].

Таким образом, сам «кейс» сорокинской жизни идет в разрез с его «социальной метафизикой», хотя и неотделим от нее.

Повторяя тезис о тесной связи биографии и взглядов Сорокина, вспомним социальный и даже революционный утопизм, который занимал там немалое место. Необычайно талантливый самородок, обладавший огромным упорством и трудоспособностью, молодой Сорокин также имел приличный опыт «кружков» и революционной агитации. Находясь между политическим активизмом и университетской карьерой, Сорокин, к счастью, выбрал науку, но политика, «подполье», революция оставили в его сознании неизгладимый след, и, возможно, сорокиноведам еще долго предстоит исследовать эту связь.

Обжившись в США, где эмигрант получил великолепные возможности для карьеры, да и просто личную безопасность, Питирим Сорокин довольно резко стал критиковать американскую элиту (как и «верхи» других стран, испытывающих кризис). В то же время Сорокина обижало, что к его голосу сильные мира сего не прислушиваются. Так, например, он неоднократно сетовал, что, когда отправлял свои труды лидерам мировых держав, то получал вежливый ответ от секретарей, а книги, очевидно, оставались непрочитанными.

Питирим Сорокин надеялся на моральное преобразование общества: «Должно произойти коренное изменение всей мен-

тальности и установок в сторону нравственных норм, предписанных Нагорной проповедью. Когда произойдет такое изменение, в значительной мере упростится и техническая сторона переустройства экономической и политической структур общества в этом направлении» [7, с. 217]. Однако почему и как это может случиться? Проповедь морального преображения во «всей ментальности», как и поиски абстрактной «духовности» (столь характерные для неразвитого русского ума), при признании второстепенности, а то и полном игнорировании важности институтов собственности, справедливых законов и честных выборов однозначно приводит к плачевным результатам. Жить как-то еще можно (примерно так, как существует большинство населения в РФ), но ни о каком прогрессе и совершенствовании общества серьезно говорить не приходится. Также отметим, что старые речи Сорокина-моралиста вольно или невольно примыкают к новому росту клерикальных настроений. По нашему мнению, вряд ли стоит положительно оценивать некий «ренессанс» русской религиозной философии не как предмет для профессионального изучения, а как нечто, достойное подражания. Третьестепенный отечественный «платонизм» уже показал свою тупиковость, но, тем не менее, любители воспроизводить его интеллектуальные схемы никак не переводятся. Конечно, самого Сорокина вряд ли можно отнести к деятелям «религиозно-философского возрождения» начала прошлого века, — он, молодой Сорокин, скорее примыкал к числу ученых-позитивистов, но впоследствии, уже в эмиграции, вольно или невольно, заклиная о «новом Средневековье» и «новой религиозности» подспудно подействовали и на социолога.

На наш взгляд, опыт Сорокина как социолога и общественного деятеля, как позитивный, так и негативный, может оказаться весьма поучительным и в эпоху «постиндустриального постмодерна», когда важнейшие институты современности — государство и наука — находятся в кризисе и усиленно дискре-

дители сами себя. Здесь не обойтись только моральными проповедями, но без укрепления современных социальных институтов нынешние политические системы быстро инволюционируют в государства фашистского типа, и никакая проповедь «духовности» и наступающей новой эпохи ситуацию не исправит. Усилиями многих думающих людей проблема связи экономики, права, политики и морали стала более ясной. Вопрос в том, когда это понимание будет востребовано на практике. Достаточно ли глубок развернувшийся ныне кризис, чтобы начать жить более разумным и справедливым способом, или же коллапс нынешней цивилизации предрешен?

1. Головин Н. А. «У Питирима Сорокина можно многому учиться, но с ним нужно спорить»: к публикации двух очерков-рецензий немецкого социолога Л. фон Визе // Наследие. 2021. № 1 (18). С. 94–102.

2. Зюзев Н. Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. Сыктывкар: Эском, 2009. С. 237.

3. Ковалёв В. А. «Прачечная» для радикала. Трансформация взглядов Питирима Сорокина на революционный кризис // Россия и современный мир. 2019. № 1. С. 161–181.

4. Сорокин П. А. Долгий путь : автобиографический роман : пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Республики Коми, 1991. 304 с.

5. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер с англ., вступит статья и коммент. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

6. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подгот. текста ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2015. 848 с.

7. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / сост., подгот. текста ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с.

8. Сорокин П. А. То, что часто забывается // Сочинения: 1919–1923 / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. 848 с. С. 511–533.

9. Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: АНБур, 2020. 912 с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_37

Петражицкий Леон Иосифович — учитель Питирима Сорокина. Голод, право и нравственность¹

Марина Васильевна Ломоносова,

кандидат социологических наук,
доцент кафедры теории и истории социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
E-mail: lomonosovamv@mail.ru

Аннотация. Научное наследие Леона Петражицкого можно рассматривать не только как классику российской юридической мысли. Он оказал огромное влияние на становление отечественной социологии как ученый, разработавший психологическую теорию права, и как профессор Санкт-Петербургского университета, определивший научное мировоззрение своих учеников — будущих социологов с мировым именем. Л. И. Петражицкий одним из первых выдвинул требование изучать право как социальное явление, которое было подхвачено П. А. Сорокиным. В статье подчеркивается, что фундаментальное исследование П. А. Сорокина «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» во многом опирается на основные положения научного наследия Леона Петражицкого.

У истоков изучения права как социального явления стояли профессор и выпускники юридического факультета Санкт-

¹ В статье представлены результаты исследования, выполненного за счет средств гранта Российского научного фонда (грант № 22-28-01076).

Петербургского университета. Исследования П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева, Г. Д. Гурвича легли в основу новой отраслевой дисциплины — социологии права. Причем, несмотря на свои «русские корни», социология права получила институциональное оформление не в России, а во Франции и США. Если имя Питирима Сорокина неразрывно связано с американской социологией, а Жоржа Гурвича — с французской, то Николай Тимашев вошел в историю как основоположник социологии права на обоих континентах. Этих ученых связывает не только общность научных интересов. Будучи студентами и выпускниками юридического факультета Санкт-Петербургского университета предреволюционного десятилетия начала XX века, они были вовлечены в водоворот исторических событий Русской революции 1917 года. Оказавшись в эмиграции, они состоялись как авторитетные ученые в ведущих университетах Европы и США. В своих исследованиях они неоднократно возвращались к психологической теории права своего учителя, профессора Санкт-Петербургского университета — Леона Иосифовича Петражицкого.

В историю социологии Л. И. Петражицкий (польск. Leon Petrażycki), (13 апреля 1867, имение Горы, Чериковский уезд, Могилевская губ. — 15 мая 1931, Варшава) вошел как выдающийся российско-польский правовед, социолог и философ. Он родился в польской дворянской семье. В 1890 году Леон Петражицкий успешно закончил своё обучение на юридическом факультете Киевского Императорского университета Св. Владимира. Интересно, что, изначально поступив в 1885 году на юридический факультет, через некоторое время он перевелся на медицинский, так как на юридическом не было стипендий, а затем снова перевелся на юридический факультет. С 1890 г. по 1895 г. Л. И. Петражицкий продолжил учебу в Германии: один семестр учился в Гейдельбергском университете у профессора

Беккера², три года в Берлине — в Русском институте римского права при Берлинском университете у профессора Дернбурга³. Стоит отметить, что этот Институт занимался подготовкой специалистов по римскому праву для России на протяжении десятилетия (фактически с 1886 г. на базе Временных курсов по римскому праву, а с 1887 г. по 1896 г. как структурное подразделение Берлинского университета при финансировании из российской казны как студентов, так и преподавателей) и воспитал целую плеяду романистов и цивилистов, оставивших заметный след в русской науке [2].

В 1895 г. Л. И. Петражицкий вернулся в Киев, где в 1896 году защитил магистерскую диссертацию по римскому праву на тему «О распределении доходов при переходе права пользования по римскому праву». В следующем году он принял решение переехать в столицу Российской империи. В Петербурге Леон Петражицкий сразу погрузился в научную и педагогическую деятельность. Пять лет педагогической деятельности Л. И. Петражицкого были связаны с Императорским Училищем правоведения, в котором он преподавал на кафедре энциклопедии права с конца 1899 по 1905 г. В 1898 г. Л. И. Петражицкий защитил диссертацию в Санкт-Петербургском университете на тему «Права добросовестного владельца на доходы» и был удостоен ученой степени доктора римского права, а чуть позже был назначен экстраординарным профессором университета, а в

² Беккер Эрнст-Иммануэль (1827, Берлин — 1916, Гейдельберг) — немецкий юрист и профессор. Выступал против теории естественного права, его научные интересы лежали в области международного права, уголовного права и его реформе, изучения смертной казни, налогового права.

³ Дернбург Генрих (1829, Майнц — 1907, Шарлоттенбург) — немецкий юрист и политический деятель, один из наиболее выдающихся юристов-цивилистов второй половины XIX века. Почётный член Московского и Санкт-Петербургского (с 1900), Юрьевского (с 1902), Томского (с 1905) университетов.

1901 г. — ординарным профессором по кафедре энциклопедии права и философии права, которую он впоследствии возглавил. 20 лет самой активной научной и преподавательской деятельности Л. И. Петражицкого были связаны с Санкт-Петербургским университетом и оказались самыми плодотворными в его жизни. За эти годы Леон Петражицкий издал фундаментальные научные труды, в которых разработал основные положения психологической теории права, сплотил вокруг своих идей и теорий талантливых учеников.

Научная и педагогическая деятельность — это только одна грань жизни Л. И. Петражицкого. В предреволюционные годы студенческую молодежь привлекали чаще всего ученые и преподаватели, занимающие активную гражданскую позицию по самым острым социальным и политическим проблемам, так как в их лице они искали поддержку собственным мыслям, желаниям и поступкам. В этом отношении Леон Петражицкий полностью оправдывал надежды молодежи несмотря на то, что его политические воззрения не всегда совпадали с убеждениями самых разных студенческих движений. Л. И. Петражицкий стоял у истоков партии кадетов с 1905 г. Будучи депутатом Первой Государственной Думы, он непосредственно участвовал в законопроектной деятельности. В своем выступлении на заседании Думы 26 мая 1906 г. Л. И. Петражицкий произнес речь о пользе позитивизма, которая сводилась к следующим тезисам. Позитивизм должен порождать в сознании людей обязанность поступать в соответствии с признанными правилами поведения. Позитивистская теория должна оберегать эти правила поведения. Позитивистское право должно определять и защищать человека, его права, помыслы, чаяния, интересы. Л. И. Петражицкий, следуя идеалам главенства права и закона, не смог принять произвол власти 8 июля 1906 г., когда был издан Указ о роспуске Думы и назначен день созыва второй Думы. Поэтому 9 июля он в числе 182 депутатов оппози-

ционных партий подписал «Выборгское воззвание»⁴, в котором они призывали народ к пассивному сопротивлению репрессивной политике правительства Николая II. Этот политический вызов не мог остаться незамеченным. В итоге Л. И. Петражицкий был приговорен к трем месяцам ареста, лишен политических прав, права голоса. Осознав, что он сможет гораздо в большей степени повлиять на социальную и политическую ситуацию в России посредством работы в области просвещения и образования, Л. И. Петражицкий вплоть до переломных событий Русской революции 1917 года не только читает лекции в университете и формирует научную школу, но и ведет активную работу со студентами, возглавляя кружок философии права, где обсуждались самые актуальные проблемы правоведения и правосудия. Но спустя десятилетие водоворот политических событий вернул Л. И. Петражицкого в реальную политику. Благодаря своим связям, а среди его учеников был, в частности, Александр Керенский, с которым он поддерживал тесный контакт даже после его завершения учебы в университете 1904 г., Л. И. Петражицкий в 1917 г. был назначен Временным правительством сенатором Первого департамента Сената. Как писал со скрытой иронией А. Ф. Керенский, Л. И. Петражицкий «не раз навещал его и предлагал осуществить немало полезных начинаний в области законов и политики для улучшения социальных отношений. Увы, в условиях 1917 года следовать его отличным советам было едва ли возможно» [3, с. 18].

⁴ «Выборгское воззвание» — принятое в литературе название обращения от 9 (22) июля 1906 года «Народу от народных представителей», составленного в городе Выборге и подписанное значительной группой депутатов Государственной Думы I созыва через 2 дня после её роспуска указом Императора Николая II. Воззвание призывало к пассивному сопротивлению властям (гражданскому неповиновению) — не платить налоги, не ходить на военную службу и т. д.

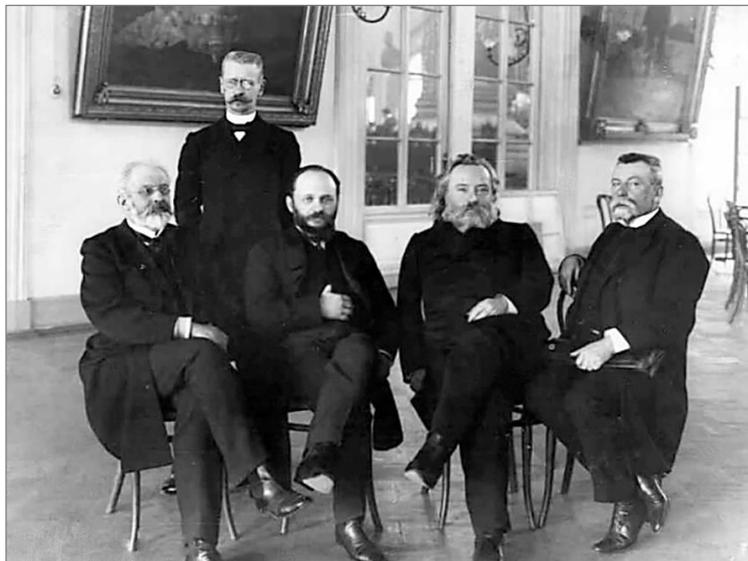

Фото 1. Группа депутатов Первой Государственной Думы от Петербурга, 1906 (апрель). Слева направо: М. И. Петрункевич., Л. И. Петражицкий, М. М. Винавер, Н. И. Кареев, Е. И. Кедрин (Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга).

После Русской революции 1917 года Леон Петражицкий покинул Россию, а в 1919 г. благодаря помощи своего ученика — Питирима Сорокина выехал в Финляндию, а оттуда в 1921 г. — в Польшу. Его выбор был не случаен: польские корни, знание языка, академические связи (ещё в 1912 г. он был избран членом Польской академии искусств и наук) определили его будущее. В Варшаве Л. И. Петражицкий был одним из организаторов Русской академической группы в Польше, деятельность которой была сосредоточена главным образом на помощи русским средним школам, студентам-эмигрантам и абитуриентам в поступлении в польские и европейские высшие и профессиональные учебные заведения. Но время, проведенное в Польше, омраченное утратой личного архива рукописей, тяже-

лой депрессией, неустойчивым материальным положением, общим нездоровьем было наименее продуктивным в течение всей научной карьеры ученого. Этот период жизни ученого вызывает неподдельный интерес у исследователей. Опираясь на источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания), а также архивные документы, выдвигаются самые разные причины его преждевременного ухода из жизни 15 мая 1931 г. В тот трагический день в возрасте 64 лет Леон Петражицкий совершил в своей квартире самоубийство.

Несмотря на то что Л. И. Петражицкий занял первую в Польше кафедру социологии на юридическом факультете Варшавского университета, созданную специально для него, а также занимал кафедру законодательной политики в Свободном польском университете, полностью реализовать свой научный потенциал в этот период жизни ему не удалось. «Покидая Россию, ученый оставил свои рукописи в Петроградском университете и когда попросил Советское правительство их вернуть, ему было отказано. При этом Петражицкий уже не был в состоянии воспроизвести свои труды. Родина Петражицкого, Польша, встретила его весьма холодно, поскольку польское общество увидело в нем русофила» [5, с. 198]. Кроме этого, он вступил в конфликт с частью академического сообщества, выступая против дискриминации евреев на академических должностях. Но глубинные причины, побудившие Л. И. Петражицкого к самоубийству, были связаны с чувством «отчаяния и своеобразного протеста перед лицом неумолимо надвигающейся катастрофы Второй мировой войны. Вместе с тем причина смерти Л. И. Петражицкого была связана с крахом его личного этического и научного мировоззрения, которое представляло собой определенную целостность, включавшую в себя такие элементы, как научная смелость и добросовестность, интеллектуальная честность, душевная отзывчивость по отношению к страданиям угнетенных, толерантность, демократизм и скромность» [5, с.196].

Один из самых известных учеников Л. И. Петражицкого Питирим Сорокин написал об этой трагедии в своем автобиографическом романе «Долгий путь»: «Как известному ученому, ему предложили профессорство в Варшавском университете, однако по ряду причин он не был там счастлив и чрезвычайно националистические круги только что родившейся независимой Польши не ценили его так же высоко, как в России. Угнетаемый эпохой войн и революций, уничтожением всего хорошего и проявлением всего низменного и жестокого в человеческих душах, он в конце концов покончил с собой» [8, с. 81]. Убийство в 1015 году Е. В. Де Роберти — учителя, а затем коллеги П. А. Сорокина в Психоневрологическом институте, смерть М. М. Ковалевского в 1916 году, самоубийство Л. И. Петражицкого Питирим Сорокин характеризует как первое звено в длинной цепи смертей творческих личностей, уничтоженных войнами и революциями самого кровавого и бесчеловечного двадцатого столетия.

Внимание к научному творчеству Л. И. Петражицкого со стороны Питирима Сорокина связано не только с данью памяти. Влияние Л. И. Петражицкого на его научное творчество выходило далеко за пределы университетской аудитории. Именно по настоянию Л. И. Петражицкого Питирим Сорокин в 1914 г. был оставлен при кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Как вспоминал о нем П. А. Сорокин: «...среди профессоров факультета, помимо М. М. Ковалевского, был Леон Петражицкий, вероятно самый великий ученый в области морали и права двадцатого столетия» [8, с. 59]. Л. И. Петражицкий разработал типологию мотиваций правового поведения, концепцию социальной солидарности и альтруизма, выявил «эмпирические законы» эволюции наград и наказаний. Его идеи П. А. Сорокин развивал в своих концепциях и теориях как в российский, так и в американский период научного творчества, а главная теоретическая двухтомная работа

Л. И. Петражицкого — «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1909–1910) была по инициативе Питирима Сорокина переведена и под названием «Право и мораль» издана в 1955 г. в США.

В историю социологии Л. И. Петражицкий вошел как ученый-правовед и социолог неокантианского направления. Он был основателем русской школы психологии права, автором оригинальной психологической теории права, интегрировавшей достижения традиционной правовой науки (разработку норм права, правового регулирования поведения) с достижениями психологии и социологии. Леон Петражицкий утверждал, что корни права находятся в психике каждого человека, а потому источником права являются эмоции человека, а право выступает как определенный механизм селекции желательных для общества поведенческих норм. Отсюда вытекают общественные функции самого права: оно координирует индивидуальное и массовое поведение, способствует отбору желательных для всего общества норм поведения путём поощрений и принуждений, наград и кар, воплощает в действительность этические устремления человечества.

Впервые в истории правовой мысли Л. И. Петражицкий обосновал теоретическую необходимость разделения права на две части — позитивное право (сфера действия исключительно в распорядительной сфере государства) и интуитивное право (выполнение человеком обязательств по отношению к другому человеку, возникших вследствие двусторонней эмоции и не зафиксированных ни в одной юридической норме). Такое разделение не только поможет описать механизмы функционирования права в обществе, но может выступить в качестве важного аналитического критерия, поскольку параллельное действие этих двух «прав» возможно во всех социальных институтах от семьи до армии. Соотношение официального государственного позитивного и интуитивного права, по мнению Л. И. Петражицкого,

является показателем уровня развития общества. Если поступки человека в большей степени определяются интуитивным правом, а не позитивным, то это говорит о прогрессе общества и общественных отношений. Анализируя исторические тенденции развития государства и правовой системы, Л. И. Петражицкий доказал, что право выполняет две социальные функции: распределяющую, контролирующую распределение и оборот; и организационную, устанавливающую структуру группы. Распределяющая функция является источником экономической системы; организационная функция — политической системы и государства. Важно то, что теория Л. И. Петражицкого является в своей основе функционально-социологической, эмпирико-позитивистской трактовкой права.

Для социологии права оказались чрезвычайно плодотворными работы Л.И. Петражицкого о воздействии права на психологию и поведение людей. Его исследования правовой психики продемонстрировали, что правовая действительность намного богаче той, которая регулируется государственным законодательством. В своей фундаментальной работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности», Леон Петражицкий заложил основы психологической теории права, согласно которым причины, обуславливающие существование и действие права, коренятся не в социально-экономических и классово-политических условиях общества, а в психологии личности или социальной группы.

Согласно взглядам Л. И. Петражицкого, социология изучает участие человека в разнообразных общественных процессах и явлениях. Центральным понятием социологии он считает «социальное поведение» и его «мотивы» (импульсы). Причем социологическое понятие «мотив» имеет научный психологический синоним — «эмоции», которые являются прототипом психической жизни вообще. Рассматривая эмоции как самый содержательный причинный компонент социального поведения,

Л. И. Петражицкий провозглашает предметом социологии понимание социального действия. Поэтому основной метод в области изучения социальных явлений — интроспекция, дополненная наблюдением «внешних проявлений психического переживания в поведении».

Основные положения и методологические установки Леона Петражицкого впитал, развил и критически переосмыслил в своем научном наследии Пителим Сорокин. Творчество этого выдающегося социолога XX века было связано с исследованием социальной роли и социальных возможностей права. К числу его трудов в этой области принадлежат работы российского периода творчества: «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913) и «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» (1919), в которых он развивает, следуя теоретическим установкам Л. И. Петражицкого и М. М. Ковалевского, положения относительно «эволюционных тенденций кар и наград», главным из которых является положение о том, что постепенное исчезновение кар и наград приводит к расширению социальной солидарности и является показателем нравственного совершенствования человечества. Причем, П. А. Сорокин видит признаки этого процесса в том, что психика и поведение людей в обществе становятся более однородными, растет демократизм и стираются наследственные привилегии между различными слоями общества. Поэтому правовой прогресс предстает для П. А. Сорокина прогрессом морально-правовым, а не исключительно правовым. Спустя годы Пителим Сорокин возвращается к проблемам взаимосвязи государства, права и морали в работе «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» (1959)⁵, увидевшей свет в разгар холодной войны между СССР и США, сразу переведенной и изданной в Японии, Индии, Франции, Норвегии,

⁵ Sorokin P.A. Power and Morality: Who Shall Guard the Guardians? / with W.A. Lunden. Boston, Mass: P. Sargent, 1959.

Швеции и Германии. Работу над этой книгой он вел вместе со своим бывшим студентом, а к тому времени уже состоявшимся специалистом в области отклоняющегося поведения Уолтером Ланденом, автором более чем 50 научных работ по криминологии и девиантному поведению. Исследование содержит убедительные доказательства того, что поведение правящих групп более преступно и безнравственно, чем поведение людей, принадлежащих к другим слоям общества. При этом чем более абсолютной и жесткой является власть правителей, политических лидеров и высших чиновников бизнеса, профсоюзов и прочих организаций, тем более коррумпированными и преступными оказываются эти группы людей. В то же время чем сильнее ограничивается власть политиков и чиновников, тем менее преступными становятся их деяния — качественно (уменьшается количество тяжких преступлений) и количественно (снижается сам уровень преступности среди них). П. А. Сорокин, следуя за своим учителем — Л. И. Петражицким, пытался в своем научном творчестве преодолеть раскол между правом и нравственностью, личностью и государством. Если Леон Петражицкий только стремился создать учение, которое могло бы стать методологической базой, как профессиональной юриспруденции, так и теории права и нравственности, рассматриваемых в связи с развитием человеческой культуры в целом, то его ученик — Питирим Сорокин в своем исследовании «Социальная и культурная динамика» (1937–1941) разработал фундаментальную макросоциологическую теорию, рассматривая общество, культуру и личность в качестве трех аспектов, модулей единого интегрированного социокультурного пространства, неотделимых друг от друга. П. А. Сорокин доказал, что санкционированный и функционирующий кодекс «официального» права — самое надежное, относительно самое точное и достоверное отражение нравственного состояния общества. При этом у любого действующего правового кодекса

в случае, если он начинает расходиться с нравственным сознанием индивидов, историческая трансформация и изменения становятся неизбежными. Опыт всех революций и реформ является ярким подтверждением этой аксиомы.

Один важный аспект научного творчества Л. И. Петражицкого ускользал от внимания исследователей и стал очевиден в связи с осмыслением наследия Питирима Сорокина в XXI веке, когда его труды стали издавать в России. И этот аспект связан с изучением голода. Фундаментальный научный труд П. А. Сорокина «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь», написанный русским ученым, а впоследствии классиком западной социологии, в 1921–1922 гг. и подготовленный к печати, но уничтоженный большевиками, увидел свет лишь после смерти ученого. В Америке эта книга была издана в 1975 г., в России только в 2003 г. Питирим Сорокин снабдил своё исследование красноречивым посвящением: «Посвящается Американской Администрации Помощи, Миссии д-ра Ф. Нансена, Христианскому Союзу Молодых Людей, Ученым, Студентам, Рабочим Европы и Америки. Всем, Кто спасает Великий Русский Народ от голодной смерти в эти трагические годы его истории» [7, с. 15]. Обычно интерес Питирима Сорокина к этой теме объясняют тем, что он лично совершил научную экспедицию в районы Самарской губернии, охваченные голодом 1921 года, а также был адресатом Русской акции помощи дважды, первый раз ещё в России, когда получал помощь в Петрограде, второй раз — оказавшись в Праге. Но это были внешние причины, побудившие П. А. Сорокина провести фундаментальное исследование причин и последствий голода, а также степени его воздействия на личность и государство. При этом очевидно, что взгляд на голод не только как на величайшее бедствие на уровне общества и физиологическую потребность отдельного индивида, но прежде всего как на движущий механизм эмоциональной жизни человека, был разработан Леоном Петражицким ещё в работе

1908 г. «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии». В этой книге Л. И. Петражицкий уделяет голоду целый раздел, разбирает основные научные подходы к изучению голода. Таким образом, когда Питирим Сорокин приступил в 1921–1922 гг. к социологическому анализу эмпирических фактов, связанных с голодом (субъективное переживание голода, наблюдение за поведением голодающих, документальные свидетельства), то он обратился к исследованию Л. И. Петражицкого, тем самым критически оценив его эмпирический потенциал и возможность использования в качестве методологической базы. Питирим Сорокин сделал выводы не в пользу теории своего учителя. «При всем своем уважении к глубине и силе научных построений Л. И. Петражицкого я решительно не могу согласиться с его положениями. Факты, указываемые им, верны. Но вывод и интерпретация этих фактов — ложны» [7, с. 35]. Тем не менее на страницах своей книги «Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» Питирим Сорокин многократно цитирует труды Л. И. Петражицкого, но идет в своем изучении голода гораздо дальше своего учителя. Используя сравнительно-исторический метод, Питирим Сорокин показывает, что последствия голода всегда одинаковы и не зависят от исторического периода, национальных и этнических особенностей, уровня культурного развития и других факторов, определяющих портрет индивида или социальной группы. Голод приводит к полной деградации — физической и нравственной. Внимательно изучив влияние голода на нравственность, П. А. Сорокин показал, что голод легко подавляет нравственно-правовые рефлексy, ненормальность превращая в норму, святотатство — в терпимый и дозволенный акт поведения. И в этом внимании Питирима Сорокина к вопросам нравственности снова прослеживается влияние Л. И. Петражицкого, пытавшегося в своих исследованиях преодолеть раскол между правом и нравственностью и решить фундаментальную проблему и «веч-

ный» вопрос русской философской и юридической мысли — проблему соотношения морали и права, принявшей форму дилеммы: право или нравственность.

Леон Петражицкий обосновал единство права и нравственности как двух взаимосвязанных подклассов этических явлений, взаимодействие которых с необходимостью должно служить благу людей. Предложенное Л. И. Петражицким психологическое основание права, несмотря на активное развитие психологии на рубеже XIX–XX вв., неоднозначно было встречено научной общественностью. Психологическая теория права была подвергнута критическому анализу, с ней либо соглашались, либо оспаривали, но незамеченной она не осталась, при этом именно в русской научно-юридической литературе раньше других было выдвинуто требование изучать право как социальное явление.

Взгляды Л. И. Петражицкого оказали влияние на творчество его учеников и единомышленников (П. А. Сорокин, Г. К. Гинс, М. Я. Лазерсон, Н. С. Тимашев, Г. Д. Гурвич, Н. Д. Кондратьев и др.). Сегодня, имея доступ к огромному массиву теоретического наследия отечественных социологов, можно смело утверждать, что российские академические традиции, заложенные в начале XX века М. М. Ковалевским, Е. В. Де Роберти, Л. И. Петражицким, Н. И. Кареевым и другими выдающимися российскими учеными, несмотря на то, что в России начиная с 20-х годов прошлого века социология была вытеснена из корпуса гуманитарного знания, все-таки получили свое дальнейшее развитие в мировой науке благодаря научной и организационной деятельности П. А. Сорокина, Н. С. Тимашева, Н. Н. Головина, Г. Д. Гурвича и целой плеяды выдающихся российских ученых.

1. Гильманов С.А. Эмоциональная психология» Л. И. Петражицкого // История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций : материалы

Всерос. конф. по истории психологии «VI Московские встречи» 30.06–2.07 2016 г. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 239–248.

2. Карцов А. С. Русский институт римского права при Берлинском университете (1887–1896) // Древнее право. 2003. № 2(12). С. 120–144.

3. Куркин Б. А. Портреты российских ученых-юристов: Л. И. Петражицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 1. С. 17–24.

4. Мережко А. А. Загадка смерти профессора Л. И. Петражицкого // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 196–203.

5. Петражицкий А. С. Очерк истории семьи Льва Иосифовича Петражицкого // Известия ВУЗов. Правоведение. 2017. №2 (331). С. 198–212.

6. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб., 1908. 266 с.

7. Сорокин П. А. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Сыктывкар: Анбур, 2014. 496 с.

8. Сорокин П. А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: Шыпас, 1991. 304 с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_52

Развитие современной системы образования в свете концепции П. А. Сорокина

Иван Сергеевич Матвеев,

магистр истории, учитель истории и обществознания,

Республиканский центр образования

(Сыктывкар, Россия)

e-mail: dasistmybox@mail.ru

***Аннотация.** По мере того как современное образование становится все более привязанным к глобальной экономической мощи, национальные образовательные системы, пытающиеся влиять друг на друга, неизбежно сталкиваются со значительными противоречиями,*

вызванными различиями в наследии, политике и формальных структурах. Система образования играет огромную роль в жизни современного общества. Именно данный факт заставляет обратиться к проблеме эффективности образовательной системы, образовательных организаций, их соответствия международным требованиям.

На сегодняшний день в рамках развития системы образования значительное внимание уделяется структурным компонентам системы, ее нормативно-правовому регулированию [7]. Определяются особенности организации образовательного процесса, федеральные государственные образовательные стандарты, рабочие программы учебных курсов, требования к учебным пособиям и учебному оборудованию. Все большей конкретикой обрастает образ педагогического работника, требования к квалификации и профессиональной подготовке учителя. Но, тем не менее, несмотря на значительные реформы, многочисленные публикации, исследования в области социологии образования, по-прежнему остаются проблемные зоны, связанные с перенесением западных образцов образовательной системы на российскую почву. Многочисленные трансформации напрямую связаны с вхождением в мировую образовательную систему, осуществлением процедур признания образовательных результатов российских образовательных организаций на международном уровне. В то же время вхождение России в Болонский процесс обусловило возникновение проблем и столкновений, в том числе и на общеобразовательном уровне. Простое перенесение западных образцов без их адаптации может обусловить лишь формальную сторону модернизации системы без внутренних содержательных изменений.

В связи с этим совершенствование системы в современных условиях должно осуществляться с применением интегрализма, причем и на национальном уровне, и на уровне непосредственно образовательной организации. Выдающийся пример эффективного интегрализма отечественных и западных традиций и практик демонстрирует наследие выдающегося русско-амери-

канского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968). Сорокин выступает уникальным исследователем, сочетающим в себе социолога, историка, культуролога — исследователя, известного своим интегральным подходом к изучению социально-культурных, политических феноменов. Многоплановость его исследовательской базы позволяет охарактеризовать практически все компоненты общественной структуры [7].

Именно П. А. Сорокин сформулировал свою образовательную концепцию с учетом особенностей социальной и культурной динамики современного общества. Образовательная концепция Сорокина выстроена с учетом философии, искусствоведения, политической науки, психологии и иных наук, как сам социолог отмечал в автобиографическом труде [5, с. 237–238]. Тщательно продуманные педагогические концепции должны быть построены на фундаментальных основах, так как они выступают главным условием совершенствования деятельности педагогического работника.

Так называемая культуроцентрическая концепция П. А. Сорокина заключается в соблюдении трех основных принципов организации образовательного пространства: 1) принципа целостности образовательной системы и общественных потребностей; 2) принципа оптимизации образовательной среды как для педагога, так и для учащегося; 3) принципа так называемой референтации — в данном случае подразумевается активное использование метода формирования определенного поведения посредством демонстрации эталонного со стороны наиболее значимых личностей [6, с. 409].

При использовании концепции П. А. Сорокина образовательная организация позиционируется как некая социально-культурная среда существования человека, воспринимаемая как совокупность духовных и социальных факторов образовательного процесса и процесса воспитания [4, с. 318]. Одной из важнейших целей педагогического воздействия выступает формирование в учащихся «научной и общественной терпимости», о чем П. А. Сорокин повторяет вслед за своим учителем

М. М. Ковалевским. Таким образом, система образования может быть рассмотрена как некий канал для передачи социально-культурного опыта. Социолог обращал внимание на то, что образовательная система *«такая же неотъемлемая часть социального агрегата, как органы, контролирующие систему кровообращения в сложном биологическом организме»* [6, с. 424]. Причем именно образовательная система позволяет обеспечить органы государственной власти необходимыми и квалифицированными кадрами. В качестве яркого примера исследователь приводит так называемый китайский образовательный механизм — здесь именно образование выступает фактором, благодаря которому наиболее талантливые могут занять высокий социальный пост, невзирая на происхождение. Данный тезис повторяется и в работах зарубежных исследователей. Разнородные классы приводят к повышению эффективности при условии, что у слабоуспевающих учащихся есть больше возможностей повысить свою успеваемость за счет более эффективных групповых обсуждений и мотивации, основанной на взаимодействии, в то время как у успевающих учащихся нет никаких недостатков [1; 2]. И именно П. А. Сорокин определяет показатели качества образовательной системы, говоря о необходимости четко определенной, спланированной государственной политики, в то же время достаточно гибкой. Крайне важно определять кадровую потребность, контролировать предоставление образовательных услуг (качество услуг, особенности образовательного процесса) [7].

И в то же время необходимо понимать, что эффективность образовательной системы напрямую зависит от субъектов образовательного процесса. В продолжении концепции П. А. Сорокина целесообразно конкретизировать основные аспекты эффективной образовательной системы. В связи с этим необходимо сосредоточиться на понятии субъекта образовательной системы.

Понятие «субъект» подчеркивает роль человека активного актора, непосредственного инициатора активной деятельности в рамках взаимоотношений и взаимодействий с окружающей его

средой природного и социального характера. Субъектная активность является базовым стержнем структуры личности. На сегодняшний день существуют два основных варианта организации процесса обучения [3]: создание и развитие пространства для обучения (образовательной среды) или же использование традиционной стратегии «Театр одного актера». Во втором случае в центре внимания преподаватель, который представляет учебный материал без практического участия самих обучающихся.

У образовательной организации, способной обеспечить эффективный образовательный процесс, должно быть в наличии три элемента: 1) качественное изменение рабочей (учебной) зоны; 2) планирование сфер обучения; 3) использование цифрового и виртуального пространства. Кроме того, можно обозначить пять аспектов работы, необходимых для успешной реализации инноваций. Во-первых, необходим уход преподавателя от исключительно фронтальных способов работы с учащимися. Должна быть также трансформация самой системы мышления и педагога, и руководителя образовательной организации (имеется в виду стратегическое мышление). Во-вторых, должно осуществляться постоянное совершенствование педагогических моделей сотрудников. Необходимы также внедрение современных информационно-коммуникационных технологий и определенная архитектурная среда организации. Для достижения результата необходимо произвести изменения на каждом из этих уровней и соотносить их с будущим общества. Крайне важно правильно расставлять приоритеты при формировании стратегического плана развития. То, что может быть важно сейчас, может не иметь большого значения в будущем.

Специалистами образовательной компании «Finpeda» был проведен опрос представителей образовательных организаций, насколько они хотят и насколько они готовы работать в новой образовательной среде: 85 % опрошенных респондентов готовы и хотят работать в новой образовательной среде; 11 % не готовы работать в новой образовательной среде; 3 % затрудняются ответить на данный вопрос [3].

В прошлом источником знаний были книги и лекции. В современных условиях учащиеся опять же выступают как получатели информации (присутствует пассивный аспект). В будущем должно быть создано пространство с помощью новых педагогических моделей, в котором учащиеся будут являться активными субъектами образовательного взаимодействия. В рамках реализации представленной образовательной концепции само образовательное действие должно идти через учащихся. В рамках «школы будущего» должны развиваться такие навыки и умения, как базовые умения, навыки обучения, навыки управления, а также навыки, связанные с управлением собственной жизнью. Образовательное пространство непосредственно связано со способами обучения, которые реализуются в конкретном образовательном учреждении. Возникают два таких понятия, как обучение и проектирование. Обучение предполагает активную роль преподавателя при зачастую пассивной роли обучающихся. Проектирование же предполагает наличие активной роли обучающегося в образовательном процессе.

Различают два вида пространства, организация которых необходима для создания новой образовательной среды: личное пространство и пространство учебного помещения. Таким образом, при организации образовательного пространства необходимо учитывать необходимость наличия [3]: места для обсуждения и коммуникационного взаимодействия всего класса и преподавателя, пространства для проектирования, обучающего пространства; индивидуального пространства.

Образовательные пространства становятся многопрофильными. Качественное изменение преподавателя предполагает качественное изменение пространства обучения. Преподаватель теперь стоит не перед учащимися (т. е. вне группы учащихся), он находится в постоянном взаимодействии с ними. Необходимым условием организации качественного современного образования, в частности высшего профессионального образования, на сегодняшний день является максимально гармоничное сочетание традиционного обучения с использованием современных информацион-

ных и цифровых технологий. Целью современного образования в Российской Федерации является развитие максимально активной, сознательной, ответственной, конструктивной личности.

Появление новых информационных технологий позволяет современным преподавателям индивидуализировать обучение как по темпу, так и по глубине прохождения образовательного курса. Такой современный дифференцированный подход дает достаточно большой и положительный результат. Этот факт связан с тем, что фактически создаются особые условия для успешной деятельности практически каждого ученика, которые вызывают у них положительные эмоции.

1. Brezis E. S., Hellier J. Social mobility at the top and the higher education system // *European Journal of Political Economy*. 2018. Vol. 52. Pp. 36–54. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S016268016301161> (дата обращения: 01.03.2022).

2. Ozer M., Perc M. Dreams and realities of school tracking and vocational education // *Palgrave Communications*. 2020. Vol. 6. No 34. URL: <https://www.nature.com/articles/s41599-020-0409-4> (дата обращения: 01.03.2022).

3. Маттила П. Развитие инновационной педагогики, архитектуры и технологии в XXI веке: опыт Финляндии // *Инновационная образовательная сеть «Эврика»*. URL: <http://eurekanet.ru/ewww/info/16163.html> (дата обращения: 24.02.2022).

4. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Директ-Медиа, 2007. 416 с.

5. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография / пер. с англ., общая редакция, предисл. и примеч. А. В. Липского. М.: Моск, рабочий; ТЕРРА, 1992. 315 с.

6. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Сорокин П. Человек, цивилизация, общество / под ред. А. Ю. Соколова. М.: Политиздат, 1992. С. 297–307.

7. Сохраняева Т. Питирим Сорокин об образовании как факторе культурной динамики // *Philosophy of Education*. URL: <https://www.bu.edu/wcp/Papers/Educ/EducSokh.htm> (дата обращения: 24.02.2022).

Текущий кризис права: взгляд сквозь теорию права П. А. Сорокина

Алексей Михайлович Пономарёв,

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник,
директор Удмуртского филиала Института философии
и права УрО РАН (Ижевск, Россия)
e-mail: amp08@mail.ru

Аннотация. Современное состояние права оценивают нередко как кризис. П. А. Сорокин был одним из первых, кто заговорил об этом кризисе. Но, в отличие от правоведов, П. А. Сорокин диагностировал кризисное состояние права в качестве элемента более широкой социальной системы. Этот диагноз поставлен им в рамках подхода, который принято обозначать как сорокинская концепция социокультурной динамики. Эвристический потенциал данного подхода позволяет не только поставить диагноз, но и обозначить вектор выхода из этого кризиса. Актуальный кризис права с позиции социокультурной динамики и является предметом данной статьи. Выполнение заявленного анализа предполагает реконструкцию социологической концепции права П. А. Сорокина. При реконструкции названной концепции использованы положения правоведческих работ П. А. Сорокина.

С точки зрения автора данных строк, обращение к теоретическому наследию того или иного мыслителя возможно с различных позиций. Одна из таких позиций — своего рода исторический буквализм, когда основной задачей является доскональный критический анализ текстов, а их аутентичное прочтение является руководящим исследовательским принципом. Такому историко-дисциплинарному подходу в определённой мере противостоит подход, который можно назвать актуализаторским. Его суть заключается в вовлечении исторического наследия мыслителя в решение актуальных теоретических и практических про-

блем. Такая актуализация может заключаться или в попытке решения этих проблем исходя из актуализируемой методологической позиции, или в реконструкции исторической теоретической модели в границах современных неклассических подходов, или же в попытке переформулировать, осмыслить саму постановку актуальных проблем в рамках предложенной классиком модели.

Для социологии права интерес представляют оба подхода. Но при этом историко-критический анализ классического наследия представляет для неё академический интерес, его результаты воспринимаются скорее как внешние, относящиеся к истории социологии. Актуализирующий же подход для социологии права представляется внутренним, важным для развития понимания и самого права как социального института, и правоотношений как вида социальных отношений, и правоприменительной практики как важнейшего механизма социальной изменчивости. Именно со второй позиции анализируется социально-правовая проблематика в теории Питирима Александровича Сорокина в данном случае.

П. А. Сорокин по образованию был юристом. Разработка собственной теории права и государства, исходной точкой которой может считаться психологическая концепция права Л. И. Петражицкого, является одновременно и входом П. А. Сорокина в социологию. По крайней мере, именно при разработке концепции права ещё в ранний период своего творчества он предложил оригинальную концепцию социального действия и его структуры. Уже в работах «Преступление и кара, подвиг и награда», «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве» можно выделить важные элементы его трактовки социальных взаимодействий, их типов и, говоря современным языком, формирования на этой основе социальных систем. Уже в силу этих обстоятельств — профессионального образования и собственной теории права — обращение П. А. Сорокина в рамках своей теории к социальному институту права заслуживает отдельного исследовательского интереса.

Ещё больший интерес вызывает этот аспект сорокинской теории в контексте кризиса современного права. «...мы находимся в середине беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права, ... сама структура западного правового порядка», — писал в начале 80-х гг. известный историк права Г. Дж. Берман [2, с. 48]. Примечательно, что Питирим Александрович был одним из первых, кто заговорил об этом кризисе [8, гл. 4]. Но для социологии права его взгляд на кризис права интересен тем, что это лишь часть общего кризиса общества. И в силу этого преодоление кризиса права возможно только как часть усилий по преодолению кризиса общества.

Реконструкцию социологии права П. А. Сорокина уместно начать с его учения о деятельности людей, факторах их поведения и механике общественных процессов. Среди социально-психологических раздражителей, влияющих на поведение людей, он выделяет воления. Обладающие активным характером воления в качестве претерпеваемых или переживаемых состояний связаны с тем, что человек *«...сознательно ставит себе определённые цели, особенно важные с точки зрения нашего “я” ... и активно стремится осуществить их. Активность, сознательная целеполагательность важных целей и сознательное стремление достичь эти цели — таковы характерные черты волевых переживаний и соответствующих волевых поступков»*. Наряду с рекомендуемо-пожелательными нравственными волениями (нравственными правилами поведения) им выделяются категорически обязательные воления, которые он называет правовыми волениями или правовыми требованиями поведения [9, с. 373, 376].

В приведённых положениях обращает на себя внимание несколько моментов. В любом социальном явлении П. А. Сорокин выделяет психическую природу и с ней связывает обладание им принудительной силы. В этой связи следует напомнить, что социо-

логом наряду с психической признаётся и внешняя символическая природа социального явления; достижение устойчивого единства психических взаимодействий в шаблоне объективируется посредством символических посредников. Институционализация права на основе оригинальной структуры социального действия в теории П. А. Сорокина нами частично затрагивалась ранее [7].

В контексте же, который затронут в данной статье, важно акцентировать то, что действие (соответственно, взаимодействия) опосредованы волей, в основе которой лежат разделяемые индивидами значения, нормы, ценности. Сама эта связь подчёркивается различием чистых и мотивированных волеий. Данное обстоятельство важно в силу того, что право играет большую роль в возникновении и сохранении коллективных единств, их изменчивости.

Выделив три типа поступков / поведенческих актов и реакции на них: «... три пары акций и вызываемых ими реакций», а именно преступление / наказание, подвиг / награда, «дозволенный акт» / «должная реакция» [10, с. 127], П. А. Сорокин определяет право как совокупность правовых норм, т. е. убеждений, «...указывающих на дозволено-должное поведение путём распределения полномочий и обязанностей ... [которые] реализуются и объективируются: 1) в правовых устных суждениях; 2) в символически-правовых обрядах; 3) в писаных законах; 4) в поведении и поступках людей...; 5) во всей социально-политической организации общества и в укладе его отдельных институтов и учреждений» [11, с. 43].

Учение о праве играет в теории Питирима Александровича огромную, не до конца осознанную исследователями его наследия роль. С ним в немалой степени в сорокиннианской концепции связывается развитие общества. Само право как система дозволенных и недозволенных поступков возникает «...в момент осознания бессознательных шаблонов поведения и преобразования их в правовое убеждение, сопровождаемое распреде-

лением прав и обязанностей...» [11, с. 94]. Превращение бессознательных шаблонов в обязательные правовые нормы, их дифференциация от иных норм позволяет ускорить протекание социальных процессов.

В контексте формирования коллективных единств отделение правовых норм от других связано с переходом обычая в юридическое правило. «Повторяющиеся взаимоотношения... становились с течением времени обычаем. Соблюдение обычая постепенно делалось *обязательным правилом*... Обычай, таким образом, мало-помалу превращался в *юридическое правило*... Совокупность таких юридических правил, указывающих надлежащее поведение в определённой области взаимоотношений, ... составляла социально-правовой *институт*... Совокупность таких институтов любой группы составляет её *социально-правовую организацию*». Из приведённой цитаты видно, что юридическое правило, социально-юридический институт как их совокупность, социальная организация группы как совокупность институтов являются завершающими стадиями становления социального порядка [9, с. 235]. И с этой точки зрения представляется обоснованным вывод, что социально-политическая организация есть итог диктуемого правовыми убеждениями поведения [11, с. 42], что «не только отдельные поступки людей, но *все их взаимоотношения, весь уклад общества или государства являются застывшими овеച്ചествившимися правовыми нормами или убеждениями*» [11, с. 41].

Приведённые выдержки из работ могут оставить впечатление, что право играет решающую роль в формировании общества и его изменении. Но это не так; тут надо ещё раз вспомнить, что человеческие воления основываются на значениях, нормах и ценностях, которые вырабатываются обществом. В концепции П. А. Сорокина изменения в этой основе должны рассматриваться в качестве источника изменений права и обусловленных им социальных трансформаций. По его мнению,

«всякая великая культура... есть единство, все составные части которого пронизаны основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность. ... [все её компоненты] по-своему выражают её основополагающий принцип, её главную ценность» [8, с. 19–20].

Такая зависимость наглядна при описании П. А. Сорокиным трёх типов правовых систем. Точнее, при описании права в качестве элемента трёх выделенных им типов культуры — идеациональной, идеалистической, чувственной. Каждый тип культуры основывается на собственном принципе. «...основной принцип средневековой [идеациональной. — *автор данного текста*] культуры делал её преимущественно потусторонней и религиозной, ориентированной на сверхчувственность Бога и пронизанной этой идеей. Основной принцип идеалистической культуры был частично сверхсенсорный и религиозный, а частично светский и посюсторонний. ...основной принцип нашей современной чувственной культуры — светский и утилитарный, “посюсторонний”» [8, с. 22]. Соответственно, «этические идеалы и юридические нормы... отличаются по своему характеру и содержанию в разных обществах... В обобщённом виде они создают идеациональную, идеалистическую и чувственную системы этики и права. ... Интегрированные системы права также представлены идеациональной, идеалистической и чувственной формами права» [8, с. 93, 102].

В идеациональной системе права законы выводятся из Абсолюта; они скорее открываются царем, пророком, а не создаются людьми; и потому в них недопустимы изменения. Соответственно, нарушение таких законов есть нарушение сакральных установлений, есть грех, а кара строится и на чувственных и сверхчувственных наказаниях. Чувственная система права рассматривается обществом как созданная человеком с утилитарной целью; её нормы относительны, изменяемы, условны, вводятся по утилитарным соображениям. Кары в рамках этой системы цели-

ком чувственны, лишены сакральной санкции, и их цель — не искупление, а возмездие или иные утилитарные соображения. Промежуточное положение между описанными системами занимает идеалистическая система права [8, с. 102–107].

История человеческого общества предстаёт в сорокианской социальной картине как чередование трёх типов культур. Соответственно, история права предстаёт как чередование трёх его форм. Закрытые в идеациональную правовую культуру средневековые юристы-схоласты «...не рассматривали философию права как... область знания, отличную как от моральной философии, так и от богословия... [они] учили, что человеческое право... получает легитимность от естественного права, которое... является отражением божественного права» [1, с. 185]. Сменяющая эту систему идеалистическая правовая культура протестантизма уже позитивизирует право, отделяя его от морали. Закон формален, и уже в силу этого не может быть справедлив: «...всякий закон есть закон в строгом смысле, потому что всякий имеет слишком общий и абстрактный характер... Право и справедливость... противостоят друг другу и дополняют друг друга, вместе образуя правовую норму, предназначенную для конкретного случая» [1, с. 178]. Как верно пишет П. А. Сорокин: «...скрытый за идеациональной фразеологией, характер этики протестантизма был главным образом утилитарным и чувственным» [8, с. 98].

Идеалистическую систему права сменяет чувственная правовая культура. Наиболее ярко она выражена, пожалуй, Т. Гоббсом. Правовая система вырастает из волюнтаристского по характеру естественного права, которое «...есть свобода всякого человека использовать свои собственные силы по своему усмотрению для сохранения... собственной жизни, свобода делать всё то, что по его собственному суждению и разумению является наиболее подходящим для этого средством» [3, с. 117]. Общество из природного состояния войны всех против всех выводится посредством

учреждения общественным договором государства. «Но, в отличие от “гражданского” долевиафановского общества, государство держится не на долге и обязательстве, а исключительно на собственном интересе... , а также на величье... само соглашение индивидов в качестве правовой формы имеет для сообщества важное значение: здесь голая сила поддерживается признанием, а признание дополняется силой...» [5, с. 291, 297].

Если оценивать текущий кризис права в системе координат теории П. А. Сорокина, то наличное кризисное состояние может рассматриваться как завершение этапа чувственной системы права и точка перехода к какой-то новой правовой системе. Спрогнозировать направление этого перехода одновременно и сложно, и просто. Просто, так как этот переход от чувственной системы права к идеациональной или, что более вероятно, к идеалистической правовой системе. Просто, так как он будет осуществляться в рамках перехода от чувственного культурного типа к другому типу, а значит, будет связан с изменением основополагающего культурного принципа и главной ценности. Просто прогнозировать и потому, что уже видны и осознаются основные детерминанты перехода — экологический кризис и формирование гибридной социальности, синтезирующей естественно-историческую и виртуальную компоненты; в форме метамодекна, пытающегося осциллировать между полюсами трансцендентности и её отсутствия [6, с. 134], просматриваются абрисы проектов будущего

Сделать прогноз сложно, так как, пребывая в ситуации постправды, общество не смогло полностью идентифицировать своё состояние. «Вызов современности некоторые исследователи представляют формирование новой синтетической реальности, включающей наследие пошлых эпох и продукты современной экономической и информационной глобализации, и обозначают как общество массового потребления... Это мир, лишённый иерархической организации ценностей, “распадаю-

щийся на частности”...» [4, с. 228]. Прогноз сделать сложно, так многое будет определяться категорически обязательными воле-ниями множества людей.

1. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М.: Московская школа политических исследований, 2008. 464 с.

2. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ: Издательская группа ИНФРА М-НОРМА, 1998. 624 с.

3. Гоббс Т. Левиафан или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Соцэкгиз, 1936. 503 с.

4. Изергина Н. А. Нациестроительство в свете теории социокультурных систем П. А. Сорокина // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 227–233.

5. Исаев И. А. Топос и номос: пространство правопорядков. М.: Норма, 2007. 416 с.

6. Непомилуева М. А. Теоретико-методологический потенциал теории социокультурной динамики П. А. Сорокина в анализе искусства метамодернизма // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 131–137.

7. Пономарёв А. М. Структура социального действия в ранних юридических работах П. А. Сорокина // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 70–77.

8. Сорокин П. А. Кризис нашего времени // Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединённые Штаты. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).

9. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии // Сорокин П. А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар: Анбур, 2019. 592 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).

10. Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М.: Астрель, 2006. 618 с.

11. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права // Сорокин П. А. Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар: Анбур, 2019. 592 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_68

Питирим Александрович Сорокин и Генри Нобл Маккракен

Наталья Станиславовна Сергиева,

доктор филологических наук, профессор
кафедры менеджмента и маркетинга,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
e-mail: sergieva-syktso@yandex.ru

Роджер В. Смит,

магистр по специальности «Журналистика», независимый исследователь,
автор сайта, посвященного Питириму Сорокину
<https://pitirimsorokin.com/>, Нью-Йорк, США

Аннотация. В статье на материале переписки Питирима Сорокина и Президента Вассар-колледжа Генри Нобла Маккракена рассматривается эволюция их взаимоотношений в течение более сорока лет. Маккракен сыграл важную роль в начальный период пребывания Сорокина в США и способствовал успешному старту его блестящей карьеры на новой родине. Чувство дружбы и благодарности Питирим Сорокин сохранил до конца жизни. В научный оборот вводится новый биографический материал.

Питирим Сорокин прибыл в Бостон на теплоходе «Марта Вашингтон» 1 ноября 1923 г. Он был приглашен для чтения лекций о России в университетах Иллинойса и Висконсина, но предпочел приехать на два месяца раньше, чтобы освоиться в новой для него обстановке и усовершенствовать свой английский язык. Его первые шаги в

Соединенных Штатах Америки описаны самим Сорокиным [4, с. 151–152] и исследованы его биографами Ю. Дойковым и В. В. Саповым [1; 2]. Нам хотелось бы остановиться на взаимоотношениях Питирима Сорокина и президента Вассар Колледжа Генри Нобла Маккракена на основании их переписки, хранящейся в архивах Вассар Колледжа и Университета Саскачевана. Письма охватывают период с 1923 по 1964 г., начиная с самого первого письма Сорокина Маккракену от 5 ноября 1923 г.

Вассар-колледж – частный колледж гуманитарных наук, расположенный в городе Покипси, штат Нью-Йорк. Он был основан в 1861 г. бизнесменом и филантропом Мэтью Вассаром и был вторым учебным заведением в Соединенных Штатах, предоставляющим высшее образование для женщин. Вассар-колледж – один из элитных женских колледжей, имеет исторические связи с Йельским университетом. С 1969 г. колледж открыт для совместного обучения.

Блестяще образованный, прогрессивный администратор и человеческий руководитель, Генри Нобл Маккракен (1880–1970) был пятым президентом Вассара, занимавшим этот пост с 1915 по 1946 г. Срок пребывания Маккракена на посту президента был самым продолжительным в истории колледжа. С Сорокиным он познакомился в Праге на обеде у президента Чехословакии Т. Г. Масарика. Как показывает история их отношений, между ними сразу возникло чувство взаимной симпатии и интереса, что называется, «пробежала искра». Поэтому, когда Питирим Сорокин сразу после прибытия в США обратился к Маккракену, напомнив о знакомстве в Праге и обращаясь с просьбой о содействии в нахождении научной работы в США, Маккракен сразу же откликнулся. В ответном письме он предложил Сорокину прочитать в Вассар Колледже несколько лекций о России [1, с. 83]. Более того, Сорокин получил предложение провести какое-то время в Вассаре. Ему сняли в Покипси жилье, предоставили возможность питаться в колледже, пользоваться библиотекой, посещать занятия, общаться со студентами и преподавателями. Всего он провел в Вассаре шесть недель. Маккракен также помогал в организации лекций Сорокина в университетах Иллинойса и Висконсина.

Значение периода пребывания в Вассар-колледже для Сорокина трудно переоценить. Он получил возможность ознакомиться с особенностями академического уклада в США, завязать нужные отношения внутри американского академического сообщества, погрузиться не просто в языковую среду, а именно в ту, с которой планировал связать свою дальнейшую жизнь. Пребывание Питирима Сорокина в Вассар-колледже, его интервью, выступления и лекции подробно освещала местная пресса [3]. Он сумел позиционировать себя как личность с ярким политическим прошлым и как перспективный ученый-социолог, по сути дела подготовиться к дальнейшей академической карьере в США.

Питирим Сорокин навсегда сохранил чувство благодарности к супругам Маккракен [4, с. 152–153]. После своего отъезда из Вассар-колледжа, в период работы в Университете Миннесоты, Гарварде, после

выхода в отставку, переписка между Сорокиным и Маккракеном не прерывалась, хотя между письмами иногда бывали длительные перерывы, но они всегда заканчивались обоюдным желанием возобновить отношения. Письма разнообразны по содержанию, в них затрагивается широкий круг вопросов, относящихся к академической сфере и происходящих событий. Но взаимоотношения Сорокина и Маккракена не ограничивались профессиональными или научными интересами, они дружили семьями, и личностный, человеческий компонент всегда играл в их отношениях особую роль. Это была действительно дружба, проверенная временем. Мы хотим познакомить читателя с материалами переписки Питирима Сорокина и Маккракена⁶. В рамках статьи есть возможность привести в сокращении лишь некоторые письма, сфокусировав внимание на человеческом аспекте личных отношений этих выдающихся людей, на эволюции этой многолетней дружбы.

Следует отметить, что Маккракен сразу придал взаимоотношениям с Сорокиным неформальный характер, недаром Сорокин в письме от 16 ноября 1923 г. пишет: *Прошлый воскресный вечер, проведенный мной в Вассар Колледже, был одним из лучших дней в моей жизни. Я искренне благодарю Вас и миссис Маккракен за это удовольствие.* После приезда Елены Петровны в марте 1924 г. их дружба приняла семейный характер, их жены, Елена и Марджори, также подружились. Маккракены пригласили Сорокиных присоединиться к их так называемой «колонии Йеллинг-Хилл», компании коллег и единомышленников, собирающихся вместе для отдыха на природе в штате Нью-Джерси: *Ни я, ни миссис Сорокина еще не выразили вам и миссис Маккракен нашу глубочайшую благодарность за ваше гостеприимство и за те действительно счастливые дни, которые мы провели в Йеллинг-Хилл в вашем обществе и обществе ваших друзей. Мне действительно жаль, что легкие мозоли на моих руках – постоянная память о тех днях – исчезают. Это, однако, не означает, что с их исчезновением также ослабевают и мои воспоминания о Йеллинг-Хилле. Напротив* (из письма Сорокина Маккракелу от 2 августа 1924 г.).

С начала учебного года в 1924 г. Питирим Сорокин был принят на работу в качестве профессора в Университет Миннесоты. Контракт был заключен на год и предполагал половинную оплату работы за полную ставку. Выбора у Сорокина не было, и он согласился. По истечении срока контракта он получил предложение о его продлении на тех же условиях. Конечно, жить на половинное жалование было трудно. Приходилось решать еще и проблемы Елены Петровны, связанные с получением докторской степени и ее дальнейшим трудоустройством. Этими проблемами Сорокин делится с Маккракеном, иногда в юмористической форме, получая обратно такую же реакцию.

– *Миссис Сорокина все еще занята своими проклятыми хромосомами, и мне приходится самому готовить себе обеды* (из письма Сорокина Маккракелу от 31 января 1925 г.).

⁶ Перевод писем выполнен Н. С. Сергиевой.

– При мысли, что ученый говорит о «проклятых хромосомах», Вас следует доставить в церковный суд дарвинизма и вколоть семь смертоносных бактерий, если вы не исправитесь. Что такое простые обеды в глазах цитолога? (из письма Маккракена Сорокину от 5 февраля 1925 г.).

Получив предложение о переходе в Гарвард, Сорокин делится им с Маккракеном и получает обоснованный и дружеский совет принять это предложение: *Гарвард – плохая лаборатория для сельской социологии, но очень хорошая для социологии урбанизма. Это холодное суровое место, полное зависти и предрассудков. ... В Америке в целом поступление в Гарвард всегда рассматривалось как повышение по службе. Нельзя отрицать, что Вы можете основать научную школу, более влиятельную, если она будет в Гарварде, а не где-либо еще. Его лингвистика, философия, физика, история (в меньшей степени) и политология современны и актуальны. В искусстве и музыке это академическое образование по сравнению с Йельским университетом. Колумбия больше придерживается «государственной» школьной системы. Несомненно, в Гарварде больше имен первого (американского) ранга, чем где-либо еще. ... Я советую вам идти. Вы все еще молоды и ужасно полны энергии. Ваша жена могла бы найти замечательную работу в дендрарии Арнольда и в Рэдклиффе. В Новой Англии все еще есть свое очарование. Вам не нужен творческий отпуск. Вы сделали великие дела для Миннесоты, но социология выиграла бы больше от кафедры в Гарварде, объединившись с наукой, чем от Северо-Запада. В конце концов, возможно, Ваша лучшая работа лежит в этом направлении, не так ли? Моя жена тоже так думает; но, будучи мудрым человеком, она говорит: «Конечно, ты хочешь, чтобы он поступил в Гарвард, чтобы ты мог чаще видеться с ними», – что совершенно верно. Средний Запад для молодежи и будущего, Гарвард для размышлений и консолидации программ – и для среднего возраста. Но если вы пойдете, заключите свой договор заранее, умоляю, не надейтесь на щедрость и великодушие – там их не хватает. Печально, но верно. Позвольте мне от всей души поздравить Вас с оказанной честью (из письма Маккракена Сорокину, конец 1929 – начало 1930 г.).*

Научные успехи Питирима Сорокина всегда служили для него предметом гордости, тщательно маскируемой иронией: *В течение этих лет, так или иначе, я выполнял свои обязанности профессора – профессора социологии, основателя и заведующего кафедрой социологии в Гарварде, и извел много бумаги. Прилагаемый список моих публикаций и их переводов показывает, что не только я, но и множество других людей изводят хорошую бумагу на переводы и публикацию моих работ на многих языках. В настоящее время существует значительная литература о моей «болтовне», и в последние годы о моих трудах было написано несколько докторских диссертаций и книг (из письма Сорокина Маккракену от 25 ноября 1952 г.).*

Сообщая о своих успехах, Питирим Сорокин никогда не забывал поблагодарить чету Маккракенов за их неоценимую помощь в начальный период его пребывания в Америке, создании предпосылок для его

успешной карьеры: *Посылая книгу Коуэлла, я не собирался возлагать на вас бремя ее чтения. Я просто отправил ее в качестве доказательства того, что не все мои труды, похоже, были пустым переводом бумаги и что с этой точки зрения самая щедрая помощь, которую вы и миссис Маккракен оказали мне после моего прибытия в эту страну, возможно, также не была совсем бесполезной. Хотя все эти годы я писал вам очень редко, мы с миссис Сорокиной всегда испытывали к вам глубокую благодарность как за помощь, так и за предоставленную нам привилегию дружбы. С течением времени это чувство скорее усиливалось, чем уменьшалось* (из письма Сорокина Маккракену от 10 февраля 1953 г.).

Последние письма, находящиеся в нашем распоряжении, относятся к 60-м гг. XX в., когда оба корреспондента уже отошли от активной академической и административной деятельности, испытывали проблемы со здоровьем, но неизменным в их письмах остается чувство дружбы и благодарности судьбе за встречу на жизненном пути: *Дорогой Питирим! Ваша книга [A Long Journey] и ваше письмо пришли как раз в тот момент, когда я ложился в больницу для очередного обследования своего состояния. ... Ничто не могло бы доставить мне столько удовольствия, как чтение вашей книги, что я и сделал в последние дни – вы прямо и правдиво рассказали захватывающую историю – я не могу вспомнить ни одного другого ученого, который сравнялся бы с вашей продуктивностью и вашим признанием коллегами. Это поистине великолепно – как вы смогли оставить позади ужасы прошлого и обрести заново смысл жизни. ... Пожалуйста, передайте вашей жене наши самые теплые пожелания. И этим замечательным сыновьям – еще один великий подарок Америке? Еще раз благодарю вас. Да благословит вас всех Господь. Всегда ваш друг. Нобл Маккракен* (из письма от 2 сентября 1963 г.). Последнее из писем, находящихся в нашем распоряжении, адресовано Марджори Маккракен: *Дорогая Марджори ... Сейчас и в последнее время я неважно себя чувствую, и мой преклонный возраст все больше мешает моим путешествиям и выполнению обязательств по чтению лекций. В течение этой зимы я был вынужден отменить десять лекций в десяти университетах Северной Каролины, которые должны были быть прочитаны через пять дней, и несколько лекций в Университете Флориды и в Мехико. Однако преклонный возраст пока не мешает моей писательской деятельности, которую я продолжаю вести довольно стабильно. ... Я надеюсь, что вы и Нобл находитесь в добром здравии и продолжаете свою образовательную, культурную и писательскую деятельность. Если по какой-либо случайности вы окажетесь в окрестностях Бостона, мы были бы рады и счастливы, если бы вы посетили нас, особенно в мае, когда в моем саду цветут азалии и рододендроны. С наилучшими пожеланиями вам и Ноблу. С большой благодарностью и искренне ваш П. А. Сорокин* (из письма Сорокина М. Маккракен от 15 апреля 1964 г.).

Еще 28 октября 1924 г. Маккракен писал Питириму Сорокину: *«...не забывайте, что расстояние и время – это термины, которые не имеют никакого значения в нашей дружбе»*. Последующие четыре десятка лет доказали истинность этого утверждения.

1. Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2. (1922–1968 годы). Архангельск, 2009. 488 с.
2. Сапов В. В. Идол революции // Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. С. 7–44.
3. Сергиева Н. С., Смит Роджер В. Питирим Сорокин в Вассар Колледже: по материалам местной прессы // Наследие. 2021. № 2 (19). С. 50–69.
4. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография / пер. с англ., общая редакция, предисловие и примеч. А. В. Липского. М.: Моск. рабочий; ГЕРРА, 1992. 303 с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_73

Историко-социологическая концепция П. А. Сорокина: сущностные характеристики

Владимир Михайлович Теребихин,

кандидат философских наук, эксперт,
Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)
e-mail: v.terebikhin@mail.ru

***Аннотация.** В статье доказано, что в «системокомплекс» сорокинских многомерного и одновременно интегрального научного наследия органично входит и его авторская, оригинальная историко-социологическая концепция. Представлены ее сущностные характеристики, основные конституенты, исследовательские историко-социологические установки.*

Как известно, история социологии как составной части истории социальной мысли исследует процессы зарождения, становления, функционирования, развития социологической дисциплины и ее функционирования в обществе, смены исследовательских парадигм, форм структурирования, определения предметной области, взаимоотношения с другими социально-гуманитарными науками. Рассмотрение социологии в разрезе ее исторического развития является ключом к пониманию современ-

ных процессов в ней, важным фактором прогнозирования и определения перспектив социологической науки и ее вклада в общественный прогресс.

В плеяду наиболее известных ученых — историков социологии, внесших значительный вклад в становление и развитие истории социологии, несомненно, входит выдающийся макро-социолог Питирим Сорокин.

Его научное наследие, его труды применительно к истории социологии являются теорией и методологией истории социологии, вкладом в развитие историко-социологической науки и важнейшим источником истории социологии, вкладом в одну из суботраслей истории социологии — «источниковедение истории социологии».

Изучение его трудов в области макросоциологии и истории социологии позволяют сделать вывод, что в комплекс сорокинского многомерного и одновременно интегрального научного наследия органично включена и его авторская, оригинальная историко-социологическая концепция. Данный вывод подтверждается следующими аргументами:

Во-первых, Питирим Сорокин является автором историко-социологической монографии «Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия)». Как известно эта книга (в которой цитируется более 700 авторов) служила учебником по истории социологии нескольким поколениям студентов и аспирантов американских колледжей и университетов.

Кроме того, Питирим Сорокин является автором раздела по истории социологии в «Общедоступном учебнике социологии». Этому посвящена глава IX «Краткая история социологии и характеристика главнейших направлений в области социологической мысли».

Интересно, что в этом учебнике социологии он номинировал историю социологии как «генетическую социологию», заимствовав эту категорию из трудов своего учителя М. М. Кова-

левского, в том числе его работы «Генетическая социология как учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности, политической власти и психической деятельности» (1910).

Во-вторых, историко-социологический анализ является одним из важнейших исследовательских методов научного творчества П. А. Сорокина.

Историко-социологические оценки — постоянный компонент практически всех его трудов, статей и публикаций, как самых ранних (датируемых 1911 годом), так и работ позднего периода его научного творчества.

Как нам представляется, в общий институциональный дизайн, «системоконцепт» историко-социологической концепции Сорокина можно включить следующие структурные компоненты:

- номинирование категории «социология»;
- обоснование актуальности историко-социологического исследования;
- комплекс исследовательских, методологических установок в изучении истории социологии;
- методологические ориентации, классификация (типология) школ и направлений в истории социологии на основе выделения фундаментальных теоретико-методологических принципов «школ», представленных «наиболее типичными работами»;
- установление оценочных нормативов по концептуальным параметрам не только «школ», но и стилей мышления в социологии;
- прогноз развития социологии.

Рассмотрим главные характеристики, основные конститuenty, исследовательские историко-социологические установки общей историко-социологической концепции Сорокина.

Во-первых, общепринято, что история социологии опирается на теоретико-методологическую базу общей социологии. В этом смысле важна авторская трактовка категории «социоло-

гии» как «первое ядро» историко-социологической концепции, основы проектирования и структурирования исследователем истории социологии классификационных схем, являющихся важнейшим компонентом авторской историко-социологической концепции.

В историко-социологическом наследии Сорокина категория «социология» представлена во всех его основных трудах. К наиболее поздним (1965–1967 гг.) относится следующая сорокинская трактовка категории «социология». «Социология — это обобщающая теория структуры и динамики: а) социальных систем и скоплений; б) культурных систем и скоплений; в) личностей в их структурном аспекте, главных типах, взаимосвязях и личностных процессах» [5, с. 49].

Во-вторых, раскрывая далее структуру концепции истории социологии Сорокина, следует отметить, что в системе методологии историко-социологического анализа, исследовательской методике, историографической рефлексии социологии, Питирим Сорокин использовал сочетание дескриптивно-регистрационного (описательного) и аналитико-дискриминационного исследовательских подходов. Он полагал, что в историко-социологическом исследовании важен не анализ ограниченного числа отдельных социологических теорий, а критическое обозрение главных течений социологической мысли в поле общей социологии, в котором теории тех или иных социологов исследуются только лишь в том случае, если они выступают типологическими, самыми эффективными иллюстрациями того или иного течения общей социологии.

В-третьих, Питирим Сорокин являлся сторонником интернализма. Как известно из философии науки, интернализм, в отличие от экстернализма, признает движущей силой развития науки факторы, связанные с внутренней природой научного знания. Главную движущую силу развития науки составляют

внутренние потребности самой науки, ее цели, проблемы и программы исследования.

Питирима Сорокина, прежде всего, интересовал имманентный ход социологических идей. Только после правильного воссоздания этого хода можно будет попытаться найти адекватную детерминацию его в биографическом, социально-политическом и национально-культурном контекстах. Как справедливо считал И. Голосенко, «в этом отношении он сознательно оставался в рядах “русской традиции истории социологии”, заложенной еще Н. Кареевым и объединявшей усилия крупнейших социологов — М. Ковалевского, В. Хвостова, Н. Тимашева и других» [2, с. 19].

Проектируя «логическую конструкцию» типологии (классификации) в каждом теоретическом направлении, он обнаруживал относительно самостоятельные вариации, подвиды или «школы», поэтому предлагал в первую очередь анализировать не сочинения индивидуальных социологов, а фундаментальные теоретико-методологические принципы «школ», представленные «наиболее типичными работами». Этот типологический подход, полагал он, является более экономным, ибо позволяет не утонуть в море фактов, и более систематичным, чем чисто «хронологический и биографический» подход к истории социологии.

В архитектонике историко-социологической концепции Питирима Сорокина представлен комплекс из четырех типологий классификационных схем. Первые две ранние классификационные схемы изложены им в «Общедоступном учебнике социологии» (1919 г.), третья классификация дана в «Современных социологических теориях» (1928 г.), четвертая классификация представлена П. Сорокиным в «Социологических теориях сегодня» (1965 г.) [4, с. 401–402, 24–27].

Следует отметить, что классификационная схема П. Сорокина, представленная им в «Современных социологических теориях», установила оценочные нормативы по концептуальным

параметрам не только «школ», но и стилей мышления в социологии.

Однако свою характеристику наиболее продуктивного среди них «социологического» стиля мышления, указавшего перспективу развития новейшей антиредукционистской социологии, Сорокин сформулировал, отталкиваясь от традиционного классифицирования социологических теорий, придав ему тем самым эвристическое измерение.

В 60-х гг. Сорокин пытался в своих историко-социологических работах сконструировать чрезвычайно широкие классификационные рубрики, включающие в себя нередко несколько традиционно «номенклатурных» школ.

Он проделал путь от классификационных схем в «Доступном учебнике социологии» и «Современных социологических теориях» 1925 г. к предельно инклюзивной и отвлеченной типологии 1965 г., представленной в «Социологических теориях сегодня». Для ее создания им используются общенаучные характеристики: «номинализм», «сингуляризм», «атомизм», «систематичность» и «системность», «тоталитарность» и «нетоталитарность» и т. д.

К этой классификации Сорокина подвело осознание новой ситуации в немарксистской социологии середины 60-х гг., когда наметилась реальная конвергенция социологических школ, ведущая в перспективе ко все большей интеграции социологической теории. «Поэтому спонтанный переход западных социологов в 70-е годы на рельсы «парадигмального» подхода был не данью очередной методологической моде, а скорее шагом, объективно подготовленным всем предшествующим развитием социологической дисциплины, в том числе и Питиримом Сорокиным» [1, с. 65].

Как справедливо считает И. А. Голосенко, «стремление объединить некоторые познавательные координаты, скажем — реализм и номинализм, социальное и культурное и т. п., встречаются, по мысли Сорокина, у многих исследователей, но дисциплинированность и глобальное (философское) объединение их в

одну объяснительную модель предлагает только его личная “интегральная социология”» [2, с. 23].

Как мы уже отмечали, в архитектуру институционального дизайна историко-социологической концепции Сорокина включен прогноз развития социологии. Приведем развернутые тезисы П. А. Сорокина о прогнозе контуров социологии будущего:

1. «Любой прогноз о будущем ходе науки или о какой-либо творческой деятельности можно делать лишь в предположительном плане. Мое предположение заключается в том, что следующий период общей социологии, вероятно, будет периодом большого социологического синтеза, крупных интегральных систем социологии».

2. «В созидании значительного социологического синтеза и крупных социологических систем новейший период был куда беднее, чем вторая половина девятнадцатого века и начало двадцатого».

3. Сегодняшняя социология выявила столько фактов, что она часто не знает, что с ними делать. Точно так же в своем анализе различных — важных и не очень — методов исследования она стала столь мелочно привередливой, как “ангелология” средневековых схоластов».

4. «Дальнейшие исследования в этом направлении будут проводить не к большим и лучшим научным плодам, а к постепенно сокращающейся производительности, не к новым прорывам, а к усиливающейся стагнации и рутинизации социологии».

5. «Нравится нам это или нет, но сегодня социология стоит на перепутье: одна дорога ведет ее к новым вершинам великого синтеза и более верным системам социологии, другая — к набору банальных, шаблонных, механистических догм, лишенных творческого порыва и познавательного роста».

6. «Мое предположение заключается в том, что из этих двух дорог социология выберет путь творческого роста и в конечном счете войдет в новый период великих синтезов. Я надеюсь, что

этот прогноз может оказаться столь же удачным, как и мои предыдущие предсказания касательно динамики социокультурной жизни человечества, которые я делал в конце 1920-х годов» [3, с. 46].

1. Алиева Д. Я. Историческая саморефлексия в современной социологии // Социологический журнал. 1995. Т. 4. С. 50–67.

2. Голосенко И.А. Питирим Сорокин как историк социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 18–30.

3. Сорокин П. А. Разнообразие и единство в социологии // Черновики Питирима Сорокина : сборник архивных материалов / сост. Н. Ф. Зюев. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 44–74 .

4. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии // Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. 592 с.

5. Сорокин П. А. Сходства и расхождения между двумя социологическими системами // Зюев Н. Ф. Черновики Питирима Сорокина : сборник архивных материалов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 44–74.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_80

П. А. Сорокин и газета «Воля народа»

Александр Иванович Терюков,

старший научный сотрудник, кандидат исторических наук,

Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого

(Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: aiter2006@yandex.ru

Аннотация. После раскола в апреле 1917 г. партии социал-революционеров и выделения из них фракции правых эсеров они стали вы-

пустить свою газету «Воля народа». В статье рассматривается роль П. А. Сорокина в редакции этого печатного органа, приводится фамильный состав редколлегии газеты, их основные биографические данные и прослеживается судьба этих деятелей после Октябрьской революции.

Все исследователи общественно-политической и научной деятельности Питирима Александровича Сорокина не могут пройти мимо его работы в петроградской газете «Воля народа». Именно его публицистическая деятельность в этой газете в 1917 г. вывела его на первые роли в партии эсеров, в частности в правой её части, и сделала его имя известным всей стране, а также привела в число противников партии большевиков после Октябрьской революции [12, с. 42–55]. Кем был П. А. Сорокин к началу 1917 г.? Подающим надежды ученым-юристом, автором книг и научных статей, рядовым членом партии эсеров. И работа в этой газете перевернула его жизнь. В общей сложности им было опубликовано более 100 статей и заметок [15]. Сводка этих его газетных статей была опубликована Ю. В. Дойковым [9]. Список Ю. В. Дойкова позднее был дополнен В. С. Русановой [13, с. 81–83].

Согласно данным различных справочников, газета выходила в Петрограде с 29 апреля 1917 г. по начало 1918 г. [3, с. 107]. Она считалась ежедневной литературно-политической газетой правого крыла Партии социал-революционеров [19, с. 106–121]. Несколько раз в конце своей деятельности прикрывалась властями и выходила под другими именами: «Воля» (Петроград); «Воля вольная» (Петроград); «Вольная» (Петроград); «Народная» (Петроград); «Воля народная» (Петроград); «Воля свободная» (Петроград); «Воля страны» (Петроград); «Воля земли» (Петроград). Например, отсутствуют номера за 26, 27, 30 ноября 1917 г. По данным Российской национальной библиотеки, всего вышло 180 номеров. На газете напечатан её девиз — *«В борьбе обретишь ты право свое»*. Редакция располагалась

на ул. Бассейной, д. 35/37, сегодня это ул. Некрасова. Там находилась контора газеты, которая работала с 10.00 до 16.00 часов. Редакция также извещала об условиях подписки. Они были разные. На 8 месяцев — 15 руб., на 4 месяца — 7 руб. 50 коп., на 2 месяца — 4 руб., на 1 мес. — 2 руб. В рознице она стояла 12 коп.

Недавно выяснилось, что в Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга сохранился архив редакции газеты — ЦГИА СПб. Фонд 1698, в котором хранится громадный массив статей, писем редакторам, резолюций собраний членов Партии эсеров на заводах и армейских частях и т. д., высказываний различных европейских социалистов о ситуации в России. Особо стоит отметить материалы об отношении к войне, по национальному и религиозному вопросу. Всего 45 дел, которые сформированы по тематическому принципу.

В первом номере новой газеты указана редакционная коллегия, которая вела всю работу по её изданию. В то время это были довольно известные общественные деятели, хотя сегодня о них знают только историки, занимающиеся историей России начала XX века. Мы должны помнить, что все они оказывали определенное влияние на становление П. А. Сорокина как политического деятеля. Членами редакции состояли А. А. Аргунов, А. И. Гуковский, В. С. Миролубов, П. А. Сорокин, Е. А. Сталинский. Кто из них что курировал и за какие проблемы отвечал, не отмечено.

Издателем газеты была **Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская (1844–1934)** [18], одна из самых колоритных деятельниц февральских событий 1917 г., известная как «бабушка русской революции». Так её называли потому, что она включилась в русское революционное движение в еще в эпоху «Народной Воли», а позднее стала одной из основателей и лидеров партии социалистов-революционеров, а также её боевого крыла — Боевой организации. Первый раз была арестована в 1874 г. и приговорена к 5 годам каторги по т. н. «Процессу

193». Считается первой русской женщиной-каторжанкой. Была освобождена в 1896 г. и стала бороться с российским социал-демократическим движением. Стала одним из руководителей партии социал-революционеров. Принимала участие в организации ряда террористических актов. В 1907 г. была выдана Е. Азефом, арестована и снова сослана в Сибирь. Вернулась в Петроград в 1917 г. и активно включилась в политическую деятельность. Стала одним из лидеров правых эсеров, выступив за разрыв с большинством партии. Не приняла Октябрьскую революцию, эмигрировала за границу, где продолжила антисоветскую деятельность. Проживала в Париже и Праге. Умерла в Праге в 1934 г. [2; 6; 10].

Андрей Александрович Аргунов (1866–1939), из дворян, один из лидеров партии эсеров. Родился в городе Енисейске Енисейской губ. Окончил Томскую гимназию, учился на юридическом факультете Московского университета, но не окончил, ибо был исключен в 1890 г. за участие в студенческих волнениях. В 1896 г. организовал в Саратове Союз социалистов-революционеров, стал одним из основателей партии эсеров. Издавал эсеровскую нелегальную газету «Революционная Россия». В 1901 г. был выслан в Восточную Сибирь на 8 лет. В 1905 г. бежал из ссылки. На 1-м съезде партии эсеров (29 ноября 1905 — 4 января 1906 г.) избран членом ЦК партии эсеров. В 1908–1909 гг. входил в состав комиссии ПСР по расследованию провокаторской деятельности Е. Азефа [1, с. 47–79]. Несколько раз арестовывался, жил в эмиграции. В 1917 г. вернулся в Россию. Был избран во Всероссийское учредительное собрание по списку ПСР. После Октябрьской революции был арестован 2 января 1918 г., содержался в одной камере с П. А. Сорокиным в Петропавловской крепости, но освобожден по ходатайству левых эсеров. В 1918 г. член Союза возрождения России. Принимал участие в работе Уфимского государственного совещания. Как член Комиссии членов Учредительного собрания был из-

бран заместителем Н. Д. Авксентьева в составе Директории. После событий 18 ноября 1918 г. в Омске, после разгона адмиралом А. В. Колчаком правительства Директории был арестован, а затем выслан за границу. Через Китай выехал в Европу. В 1919 г. издал в Париже книгу «Между двумя большевизмами», посвященную событиям 1918 г. в России. В 1920 г. был на белом юге России, сотрудничал в екатеринодарской газете «Утро Юга». В 1921 г. жил в Тифлисе, работал в отделении Московского народного банка. Затем жил в эмиграции в Чехословакии. В 1922 г. вышел из ПСР, один из лидеров эмигрантской организации «Крестьянская Россия — Трудовая крестьянская партия». В 1931 г. вошёл в состав известной эмигрантской газеты «Руль» в Берлине, сотрудничал в ряде печатных органов эмиграции. Скончался в Праге [5; 7; 8].

Александр Исаевич Гуковский (1865–1925) — российский революционер, эсер, публицист. Присяжный поверенный, председатель Череповецкого земского собрания (1917), редактор журнала «Современные записки» (1920–1925). Родился в Одессе в еврейской семье. Учился в Ришельевской гимназии в Одессе. В 1883 г. — студент Венского университета; в 1884 г. поступил на юридический факультет Московского университета. На студенческой скамье А. И. Гуковский познакомился и подружился с будущими организаторами эсеровской партии — М. Р. Гоцем, П. П. Крафтом, А. А. Аргуновым. В конце ноября 1889 г. был исключён из Московского университета за связь с членами разных нелегальных организаций. В 1890 г. осужден к высылке на три года в Восточную Сибирь с последующим запретом проживания в столицах и университетских городах. Во время пребывания в Петербургской одиночной тюрьме выбросился в лестничный пролет с четвертого этажа. Остался жив, но причинил себе телесные повреждения. Вследствие чего ссылка в Сибирь ему была заменена нахождение под полицейским надзором по месту жительства родителей в Одессе. В 1895 г. получил разрешение сдать испытательные экзамены при юридическом фа-

культете Новороссийского университета. Проживая в Одессе, занимался частными уроками, переводами и сотрудничеством в местных изданиях. В 1898 г. получил разрешение на временное проживание в Петербурге для производства операции. Постоянно находился под наблюдением полиции. Летом 1902 г. А. И. Гуковский переезжает в Петербург, вступает в партию эсеров. Занимается публицистической деятельностью. В 1904–1905 гг. находился в ссылке в Архангельске. В 1906–1917 гг. проживал в г. Череповце, где занимался адвокатской и общественной деятельностью в качестве члена и товарища председателя Череповецкой земской управы. В феврале 1917 г. возвращается в Петербург, участвует в организации газет «Дело народа» (орган ЦК ПСР), затем «Воля народа», делегат III и IV съездов ПСР. Избирается в Учредительное собрание от Череповца. Не принял Октябрьскую революцию. 2 января 1918 г. был арестован, но в феврале 1918 г. освобожден и уехал в Архангельск. Там он становится одним из членов «Верховного управления Северной области» во главе с народным социалистом Н. В. Чайковским. Избирался городским головой Архангельска. В октябре 1919 г. на него было совершено покушение одним из местных монархистов. Поправившись, А. И. Гуковский уехал в эмиграцию во Францию, где продолжил антисоветскую деятельность. Покончил жизнь самоубийством 17 января 1925 г. в Париже, не вынеся свое болезненное состояние [4; 11].

Евсей Александрович Сталинский (1880–1953) — журналист, публицист, политический деятель, эсер. О нем известно совсем немного. В 1908–1917 гг. парижский корреспондент журнала «Русское богатство». Во Франции находился в эмиграции. После Февральской революции возвращается в Россию и сотрудничает с рядом петроградских газет. Становится одним из членов редакции газеты «Воля народа». В 1919 г. снова уехал в Париж, где сотрудничал в ряде эмигрантских изданий, например «Воля России», «Социалист-революционер» и т. д. [14; 16,

с. 361]. В 1940 г. выехал в США, где и скончался в 1953 г. Был близок к Народно-трудовому союзу.

Из членов редколлегии в Советской России остался только В. С. Миролубов, который, по-видимому, отвечал за литературный раздел газеты. Его биография не несет информации о его революционной деятельности, но он сотрудничал с газетой «Народная Воля». Возможно, он был привлечен к этому делу как профессиональный издатель и журналист.

Виктор Сергеевич Миролубов (1860–1939), оперный певец, журналист, издатель [17, с. 443–446]. Родился в Москве, в семье профессора Московской духовной академии. Окончил в Москве классическую гимназию и в том же году поступил в Московский университет. Будучи студентом, был близко знаком с писателями Н. Г. Михайловским, Н. Н. Златовратским, Г. И. Успенским, А. Н. Плещеевым и другими писателями «разночинного толка». За участие в студенческих беспорядках был исключен из университета и сослан в Самару, где устроился в одну из колоний «толстовцев» вблизи города. Именно в Самаре был замечен его прекрасный голос и при участии местных меценатов был направлен в Италию для обучения пению. После пятилетнего пребывания в Италии В. С. Миролубов в 1893 г. возвратился в Москву и был принят в Большой театр, где исполнял в течение нескольких лет оперные партии второго плана. В 1897 г. покинул сцену, переехал в Петербург и занялся издательской и редакторской деятельностью. Наиболее удачным его проектом был «Журнал для всех». Поднял журнал на высокий уровень, превратил его, при необычайной дешевизне, в один из самых популярных в стране изданий, привлек к участию в её издании талантливых молодых писателей разных направлений и групп (Л. Андреева, А. Арцыбашева, А. Ахматову, И. Бунина, Е. Чирикова, М. Горького, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, Д. Мережковского, А. Чехова и др.). Под влиянием Д. Мережковского в начале 1900-х увлекся религиозно-философскими вопросами, что послужило причиной длительного охлажде-

ния его дружбы с А. М. Горьким. Был одним из членов-учредителей Религиозно-философского собрания в Петербурге (1901–1903), имевшего своей целью устранение отчужденности между церковью и интеллигенцией, представителями т. н. «нового религиозного Сознания», регулярно участвовал в заседаниях Собрания. С 1906 по 1913 г. находился в эмиграции, был амнистирован в связи с 300-летием Романовых. В 1914–1915 гг. редактировал в Петрограде «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» и другие средства массовой информации прогрессивного характера. В 1917 г. сотрудничал в газете правых эсеров «Воля народа». После революции под воздействием А. М. Горького остался в России и продолжил свою редакционно-издательскую деятельность, в основном в изданиях кооперативного и артельного направления. В частности, с 1921 по 1925 г. был редактором журнала кооператоров «Артельное дело», куда привлек Л. Карсавина, А. Ф. Кони, С. Ф. Платонова, П. А. Сорокина и др., помещавших здесь статьи по разнообразным, но по не кооперативной тематике (о Ф. М. Достоевском, голоде, войне, милитаризации общества, нравственности и т. п.). С 1926 г. работал в Публичной библиотеке, но скоро был уволен. В 1931–1932 гг. работал редактором научно-популярной серии Издательства АН СССР.

2 января 1918 г. газета была закрыта в числе других газет буржуазно-либерального направления в ответ на покушение В. И. Ленина (Ульянова). П. А. Сорокин вместе с другим членом редакции А. А. Аргуновым был арестован и находился в Петропавловской крепости до конца февраля 1918 г.

1. Аргунов А. А. Азеф в партии С.-Р. // На чужой стороне (Берлин; Прага). 1924. № 6. С. 157–200; № 7. С. 47–79.

2. Брешко-Брешковская Е. Скрытые корни русской революции. Отречение великой революционерки. 1873–1920 / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 336 с.

3. Воля народа [Пгр. 1917] // Периодическая печать в России в 1917 г. Л.: ГПБ, 1987. Ч. I. С. 107.

4. Егоров А. Н. А. И. Гуковский: страницы жизни // Череповец: Краеведческий альманах. Вологда: Легия, 1999. Вып. 2 (гл. ред. выпуска С. Г. Карпов). 536 с. (Серия «Старинные города Вологодской области»).

5. Ерофеев Н. Д. Аргунов Андрей Александрович // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века : энциклопедия. М., 1996.

6. Коварский Б. Е. К. Брешковская. Автобиография бабушки русской революции. Петроград: Партия социалистов-революционеров, 1917. 32 с.: портрет.

7. Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОСПЭН, 1997. 511 [1] с.

8. Морозов К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М.: РОСПЭН, 1998. 622 с.

9. Питирим Сорокин. «Своевременные мысли» : библиографический указатель статей, опубликованный в газете «Воля народа» 29 апреля — 28 декабря 1917 года / составл. и вступ. ст. канд. истор. наук Ю. В. Дойкова. Архангельск, 1993. 14 с.

10. Попов И. И. Е. К. Брешко-Брешковская. Бабушка русской революции. М.: Задруга, 1917. 40 с. (Революция и история. [Серия популярных исторических брошюр / под ред. А. М. Васютинского, В. Н. Перцева и К. В. Сивкова]; № 30).

11. Протасов Л. Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. М.: РОСПЭН, 2008. 460 [3] с.: ил., порт.

12. Русанова В. С. Русские революции 1917 года и П. А. Сорокин (историографический аспект) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 6. С. 42–55.

13. Русанова В. С. Неизвестные газетные статьи П. А. Сорокина 1917 г. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–2. С. 81–83.

14. [Сталинский Е.] Пути революции. Прага: Воля России, 1925. 308, [1] с.

15. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / изд. подгот. [и послесл. написал В. В. Сапов]. М., 1994. 559 с.

16. Струве Г. П. Русская литература в изгнании / общ. ред. В. Б. Кудрявцева и К. Ю. Лаппо-Данилевского; составл. и вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. М.: СП «Русский путь»; Париж: УМСА-press, 1996. С. 361.

17. Шилов Л. А. Миролубов Виктор Сергеевич // Сотрудники РНБ — деятели науки и культуры : биографический словарь / [редкол. Л. А. Шилов (гл. ред.) и др.]. СПб., 1995. Т. 2. С. 443–446.

18. Федоров М. В. Е. К. Брешко-Брешковская и газета «Воля народа» // Женщина в массовой коммуникации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

19. Федоров М. В., Стриженый В. А. Газета правых социалистов-революционеров «Воля народа» в борьбе за массы в 1917–1918 годах // Труды Академии художеств. Культура и философия. СПб., 2006. С. 106–121.

РАЗДЕЛ 2. СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ
ПРАКТИКИ ПО ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ
В КОНТЕКСТЕ ВЗГЛЯДОВ П. СОРОКИНА

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_90

**Современный национальный вопрос: ответ
П. А. Сорокина**

Константин Валерьевич Аршин,
кандидат философских наук, ученый секретарь,
Федеральный исследовательский центр картофеля имени А. Г. Лорха
(Люберцы, Россия)
e-mail: Kosta-10@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос эволюции взглядов П. А. Сорокина на национальный вопрос, начиная с социологической публицистики 1910–1920-х гг. и заканчивая его фундаментальной работой «Социальная и культурная динамика». Автор приходит к выводу, что в течение своей творческой жизни П. А. Сорокин рассматривал национальный вопрос как элемент социальной динамики, характерный для Общества в условиях бедствий. Соответственно, ответ на национальный вопрос виделся им в преодолении эгоизма в пользу творческого альтруизма и трансформации человека в соответствии с идеалами грядущей суперсистемы.

Этнические конфликты являются одними из наиболее жесточайших и долгих. Во второй половине XX столетия наблюдалось более 300 этнических конфликтов, периодически переходивших в стадию насилия. Причем протекали они не только в странах

третьего мира, что позволяло бы «списать» их на недостаточную развитость и «цивилизованность» их участников, но и в благополучной Европе (Белфаст) и Северной Америке (Квебек). В конце XX столетия по окончании холодной войны многие конфликты перешли в «замороженную» стадию, однако другие, наоборот, вспыхнули с новой силой, явив миру ужасы бесчеловечного отношения людей с себе подобными, коих человечество не видело с завершения Второй мировой войны (геноцид в Руанде и война в бывшей Югославии). Даже XXI век, когда, казалось бы, глобализация должна была стереть границы и возвестить взаимопроникновение культур, националистическое и этническое насилие все еще играет значительную роль в вопросах взаимоотношений наций и этнических групп, оставляя нерешенным национальный вопрос.

В связи с изложенным представляется крайне важным обратиться к наследию одного из величайших социологов XX века Питирима Сорокина, который по праву может называться «мастером социологической теории», попытавшись в его многогранном наследии отыскать ответ на современный национальный вопрос, который бы позволил его решить.

Прежде всего, следует отметить, что П. Сорокина едва ли можно назвать специалистом в области национального вопроса. В отличие от многих своих современников он не посвятил вопросу национализма отдельной книги, в которой бы представил свое видение процессов формирования и взаимодействия наций и этнических групп. Тем не менее в своих статьях и книгах, посвященных другим вопросам, он касался темы национальных отношений, демонстрируя глубокое понимание данных процессов, предлагая свое видение того, что же лежит в основе национальных противоречий, и оригинально их разрешая.

Прежде всего, говоря о причинах национальных противоречий, следует обратиться на трактовку П. А. Сорокиным таких фун-

даментальных понятий, как нация и этнос. К изучению указанных феноменов он обратился в период Революции 1917 г., что было обусловлено, в первую очередь, значительным вниманием к национальному вопросу, вызванному революционным преобразованием на так называемых национальных окраинах бывшей Российской империи. Важно отметить, что в своей трактовке нации и этноса П. А. Сорокин стоял на методологической позиции теории факторов, почерпнутой им из социологии народничества. Указанная теория противостояла монистическим теориям в социологии, прежде всего экономическому материализму. Сам П. А. Сорокин так формулировал ее суть: «Вместо того чтобы спрашивать, какой фактор является главным, а какой — второстепенным, следует просто ставить вопрос: находятся ли явление А и явление Б в причинной связи? Если, например, повышение цены хлеба сопровождается всегда увеличением числа преступлений — этот факт говорит о наличии связи между ними. Исследователю остается точно изучить эту связь, а не заниматься пустым возведением одного фактора в ранг первой гильдии, в другого — в ранг третьей гильдии» [5; 11].

В рамках указанного подхода необходимо рассматривать теорию нации П. А. Сорокина, которая выстраивалась им в ряде публицистических статей, хотя и написанных на «злобу дня», но несущих в себе прозрения на столь сложный вопрос, как национальные отношения. В данном случае необходимо обратить внимание на две его статьи, написанные П. А. Сорокиным с разницей в 50 лет, — «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство» (1917) и «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» (1967). Первая статья написана относительно молодым человеком, пребывающим в самой гуще революционных событий, в которых национальный вопрос рассматривается как один из важнейших на повестке дня, вторая же принадлежит перу убеленного сединой старца, признанного корифея социоло-

гии. Тем не менее, как указывалось выше, сам феномен нации рассматривается П. А. Сорокиным с единых методологических позиций. И хотя, казалось бы, он приходит к разным выводам о феномене нации, эта разность выводов на самом деле лишь кажущаяся, попытка показать это представлена ниже.

Итак, в первой статье «Национальность, национальный вопрос и социальное равенство», анализируя существующие в тот момент подходы к выявлению сущности феномена нации, П. А. Сорокин приходит к выводу, что «национальности как единого социального элемента нет, как нет и специальной национальной связи» [2, с. 248]. К такому выводу он приходит, анализируя и последовательно опровергая такие подходы к определению понятия нации, как: нация — единство крови; нация — единство языка; нация — единство исторической судьбы, экономических интересов и т. д.; нация — политическое единство, обусловленное проживанием населения на территории одного государства. Как следствие, нация — фантомное понятие, под которым не скрывается никакого социального феномена. Ведь фактически объединение людей как социальное целое возможно только в том случае, если «это соединение по своим социальным функциям или социальной роли представляет нечто единое, когда его части действуют в одном направлении и преследуют одни цели» [2, с. 248]. Объединение людей, которых называют нацией, не имеет социальных функций, заключает П. А. Сорокин, равным образом она не играет какой-либо социальной роли. Следовательно, говорить о том, что нация как особое по своей природе объединение людей существует, было бы ошибкой. В похожем смысле трактуется им и национальный вопрос. Коль скоро нация — всего лишь фантом, созданный воображением плохих социологов, то и национального вопроса не существует. А то, что называется национальным вопросом, — это главы «общего учения о правовом неравенстве членов одного и

того же государства». При этом, пишет П. А. Сорокин, «выкиньте из “национальных” причин [неравенства] причины религиозные, сословные, имущественные, профессиональные, “бытовые” и т. д. — и из “национальных ограничений” не останется ничего» [2, с. 249]. Как следствие, делает заключение П. А. Сорокин, национальных проблем и национального вопроса не существует, поскольку он фактически сводится к общей проблеме неравенства, которая выступает в различных видах в связи с тем, что вызывают ее различные социальные факторы. И задача социолога заключается в том, чтобы изучить эти факторы, тем самым снизить их негативное влияние. Соответственно, как только это произойдет, накал межнациональных конфликтов значительно снизится, но произойдет это лишь в тот момент, когда вопрос социального неравенства будет решен.

В статье «Основные черты русской нации в двадцатом столетии» П. А. Сорокин уже не столь отрицательно настроен к понятию «нация». Однако и здесь он выступает против монистических теорий объяснения нации, страдающих от редукции столь сложного понятия, как нация, к какому-то ее фрагменту, или отождествления понятия «нация» с совокупностью индивидов. Для П. А. Сорокина нация «является многосвязной (многофункциональной), солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группой, по крайней мере отчасти осознающей факт своего существования и единства» [3, с. 466]. Соответственно, как функциональная группа нация характеризуется тем, что каждый ее член является гражданином определенного государства; владеет языком, определяющим его культурные ценности, и разделяет с другими такими же индивидами общую историю; проживает на территории, которую населяли его предки. Отличие нации от государства, языковой общности или этноса, по мысли П. А. Сорокина, заключается в том, что нация имеет многофункциональный характер, то есть нация является

нацией только тогда, когда «группа индивидов принадлежит к одному государству, связана общим языком и территорией <...> [когда] является многосвязным социальным организмом, объединенным и сцементированным государством, этническими и территориальными связями» [3, с. 466].

Казалось бы, в данном случае мы имеем дело с противоречием. Так, молодой П. А. Сорокин отрицает существование нации как таковой, но зрелый П. А. Сорокин, наоборот, утверждает ее существование. Однако противоречие это лишь кажущееся. Использование многофакторного подхода обеспечивает понимание того, что даже для молодого П. А. Сорокина в его полемическом запале нация все-таки была реальным феноменом, который не наблюдался в Российской республике, родившейся в результате событий февраля 1917 г., поскольку русская нация находилась в кризисе, а иные группы не имели тех черт, которые присущи нации.

Важный момент в рассуждениях П. А. Сорокина занимает вопрос кризисного состояния современных социумов, зримым воплощением которых служат национальное государства, а также рост конфликтов, в том числе на национальной и этнической почве. Этот момент связывается им с кризисом современной чувственной суперсистемы, в результате которого она теряет своей конструктивный характер и все больше склоняется к социокультурным патологиям, воплощением которых служат «многочисленные, противоречащие друг другу «мнения» беспринципных фракций и «псевдосознания» различных групп давления» [4, с. 808]. И, напротив, наблюдается исчезновение универсального сознания с его универсальными ценностями свободы и равенства. Вместо них «разразятся войны, революции, мятежи, общество захлестнут волнения и зверства» [4, с. 808.] А как указывалось выше, молодой П. А. Сорокин связывал исчезновение национального вопроса именно с торжеством

свободы и равенства, созданием государства «на почве равенства прав всех входящих в нее личностей, а поскольку они образуют сходную группу, то и народов» [2, с. 251].

Каков же выход из сложившейся ситуации? Представляется, что в данном случае человечество в условиях перехода от одной суперсистемы к другой едва может избежать страданий, которыми этот переход чреват. Но оно может уменьшить интенсивность этих страданий, а также длительность периода, в течение которого придется эти страдания переносить. Для этого необходимо обратиться к созидательному альтруизму, который должен стать основой ценностной картины мира человека через его альтруистическую трансформацию, приемы которой изложены в работе «Главные тенденции нашего времени» [1].

1. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М.: Институт социологии РАН, 1993. 195 с.

2. Сорокин П. А. Национальность, национальный вопрос и социальное равенство // Сорокин П. А. Человек, Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 245–251.

3. Сорокин П. А. Основные черты русской нации в двадцатом столетии // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 463–489.

4. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб.: Издво Русского христианского гуманитарного университета, 2000. 1056 с.

5. Сорокин П. А. Теория факторов в социологии народничества // Сорокин П. А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. С. 8–11.

Доверие как иммунитет к кризисной ситуации⁶

Татьяна Анатольевна Гужавина,
кандидат философских наук, доцент, в. н. с.,
Вологодский научный центр РАН
(Вологда, Россия)
e-mail: tanja_gta@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается взаимосвязь фактора доверия и кризиса. Современное общество испытывает кризисные явления в самых разных областях своей жизни. На основе анализа целого ряда теоретических источников, а также понимания П. Сорокиным цивилизационного кризиса как кризиса, связанного с нравственностью, отмечается, что для выхода обществу необходимо опереться на определенный нравственный идеал, который, в свою очередь, базируется на альтруизме. Трактовка Сорокиным кризиса в таком контексте стала результатом эволюции его взглядов от конкретно-исторического к универсалистскому подходу. На наш взгляд, таким интегрирующим механизмом может стать доверие, обладающее потенциалом для солидарности акторов в социуме.*

Кризисные ситуации, возникая как в жизни отдельного человека, так и общества с завидной регулярностью, требуют особого внимания и исследования. Интерес вызывают вопросы о поводе начала кризиса, его глубинных причинах, о возможных последствиях для общества и человека. Чаще всего кризисы рассматриваются с позиций двух методологических позиций. Один подход представляет собой конкретно-историческое толкование наблюдаемой дисфункции социального состояния на основании имеющейся в распоряжении исследователя фактической информации.

⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» № 20-011-00326.

Итогом анализа становится понимание поводов и ближайших причин, возможных мер по преодолению. Исследований такого характера достаточно много. Второй связан с универалистским подходом, который ориентирован на объяснение более глубоких источников кризиса, его долговременности, тотальности, ценностных и институциональных оснований [9]. Видение и объяснение кризиса именно в таком контексте встречается и у европейских авторов, таких как К. Маркс, О. Шпенглер, А. Тойнби, и у российских, среди которых назовем Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, И. А. Ильина, П. А. Сорокина.

По мнению исследователя творчества П. А. Сорокина И. А. Голосенко, в своем понимании кризиса социолог эволюционировал от конкретно-исторического подхода к универалистскому. Исследуя вначале конкретные формы и проявления «русского кризиса» в виде войны, голода, эпидемии и т. п., он переходит к осмыслению кризиса всей мировой культуры [9].

Не дав определения собственно самого понятия, П. Сорокин активно использует его в своих работах, анализ которых и дает возможность получить представление о понимании социологом сущности феномена. Он рассматривает кризис как объективную часть исторического процесса, который часто становится предтечей перехода к новому типу социокультурной суперсистемы. Дезинтеграция старой суперсистемы проявляет себя в обострении антагонизмов, дисфункции институтов, распада ценностных систем, кризисе морали и права [9].

Понимание П. Сорокиным сущности кризиса и трактовка его как ключевого признака трансформации социокультурных суперсистем в полной мере находят подтверждение в современной ситуации, где сошлись различные проявления кризиса: экономический, ярко проявивший себя в 2008 и 2014 гг., пандемический, начавшийся в 2019 г. и продолжающийся в настоящее время [8], разворачивающийся на территории Европы геополитический.

тический, сопровождающийся военными действиями⁷. Кризисные явления затрагивают сферу морали, где исчезают и взаимно меняются местами понимание добра и зла, ярким примером чего стала так называемая культура отмены, представляющая собой современную форму остракизма [15], различные формы буллинг-поведения, теперь и в Интернете [4]. Кризисные явления ярко дают о себе знать в сфере семейных отношений [5], образования [13] и здравоохранения [2]. Практически везде можно найти те или иные кризисные явления. Фактически множественные конкретные кризисные явления складываются в определенную систему, которую можно рассматривать как разворачивающийся глобальный кризис общества, его культуры и непосредственно самого человека. П. Сорокин считал, что, если брать дисфункциональные состояния различных сфер жизни общества в отдельности и попытаться их преодолеть — это не даст позитивного эффекта [12].

Исследование кризиса представляет собой важный шаг в его преодолении, поскольку позволяет не только получить необходимые знания, но и найти опыт результативного выхода из сложившейся ситуации. Но, по мнению П. Сорокина, «пока прославление силы и конкуренции лежит в основе нашей культуры, мало надежд на просвещенное и гуманное преодоление конфликтов и страданий» [16]. Социолог утверждает, что «решение вопроса о нравственном прогрессе человечества обуславливается характером нравственного идеала» [16], основой которого может быть только альтруистическое поведение. Иначе человечество просто не могло бы существовать.

Возникает проблема поиска интегрирующего механизма. Что может уберечь человечество от «войны всех против всех»?

⁷ Геополитический кризис: последствия для Европы // ЭКОНС. Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/geopoliticheskiy-krizis-posledstviya-dlya-evropy/> (дата обращения: 30.03.2022).

Что может стать основой взаимодействия и обеспечить устойчивость всех общественных отношений? На наш взгляд, в качестве базового интегрирующего механизма, имеющего огромный потенциал для кооперации акторов в социуме, можно рассматривать доверие. Значимость доверия во многом определяется тем, что оно возникает как результат обобщения ряда конкретных отношений, оно как бы надстроено над ними, оно не связано с какими-либо специфическими потребностями, но сопровождает другие отношения. По этой причине доверие определяют как метаотношение [3]. Доверие представляет собой важную составляющую общечеловеческого в современном обществе. Именно человек, по утверждению В. Н. Тарасевича, является носителем доверия. Оно способно стать препятствием «одичанию» человека, обуздать животные инстинкты, выполняя функцию хранения социального от биологического [14]. В нормальных условиях доверие существует как бы подспудно, скрыто и не всегда доступно анализу и наблюдению. В условиях кризиса, когда наблюдаются процессы раскола, дисфункция институтов, ослабление действенной эффективности моральных норм, актуализируются скрытые возможности доверия, которое, по мнению исследователей, связано с воплощением в нем инстинктивного начала [14, с. 20], оказывая тем самым влияние на человеческую деятельность, становясь основой человеческой ментальности. Но с развитием общества идет и изменение в самой сущности доверия. Современное доверие более рационально, чем традиционное. Это связано с тем, что большую роль наряду со сформировавшимися традиционными устоями (доверие родным, друзьям, учителю и т. п.) начинают играть рациональные доводы, формирующиеся на основе научного знания, которое с опытом поколений превращается в предпосылку доверия. Доверие важно тем, что обеспечивает предсказуемый характер окружающего нас мира. Именно эта его функция особенно важна в условиях кризиса.

Взаимосвязь кризиса и доверия возможно рассмотреть на кризисе, вызванном распространением пандемии коронавируса.

Пандемия имела не только последствия для здоровья человека, но она затронула практически все сферы жизни общества. Она затронула экономику⁸, политику [10], сферу коммуникации [9]. В условиях пандемии упала предсказуемость поведения и следование устоявшимся нормам, усилилась неопределенность, ставшая чертой социальной реальности. Неопределенность сделала практически невозможным контроль за ситуацией.

Прежде всего, неопределенность дала о себе знать в восприятии собственного состояния. По данным социологических опросов⁹, которые мы будем использовать в качестве иллюстрации, в 2019 г. 70% респондентов оценивали свое состояние как нормальное и прекрасное, в 2020 г. их доля снизилась до 61 %. Некоторое снижение показателя можно наблюдать и по данным за 2021 год (рис.). Падение продолжилось и в 2021 г. Так, в феврале доля оценивающих свое состояние как нормальное и прекрасное составила 59,9%¹⁰. Соответственно произошел скачок той доли жителей области, кто испытывает страх и тоску. По данным опросов, она составила 30–32 % в 2020–2021 гг.

⁸ ВВП России в 2020 году снизился на 3,1 %. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10598143> (дата обращения: 10.02.2022).

⁹ Анализировались данные мониторинга общественного мнения, проводимого ВолНЦ РАН, и данные опросов, проводившихся в рамках гранта РФФИ «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе», проект № № 20-011-00326\20. Опрашивалось население Вологодской области старше 18 лет. Выборка квотная, репрезентативная, случайная на этапе отбора респондентов. Объем выборочной совокупности составил 1500 человек. Опрос проводился в двух крупных городах области Вологде и Череповце и восьми районах области с преобладанием сельского населения.

¹⁰ Эффективность государственного управления в оценках населения. Вологда: ВолНЦ РАН, 2022. Вып. 1 (51). С. 39.

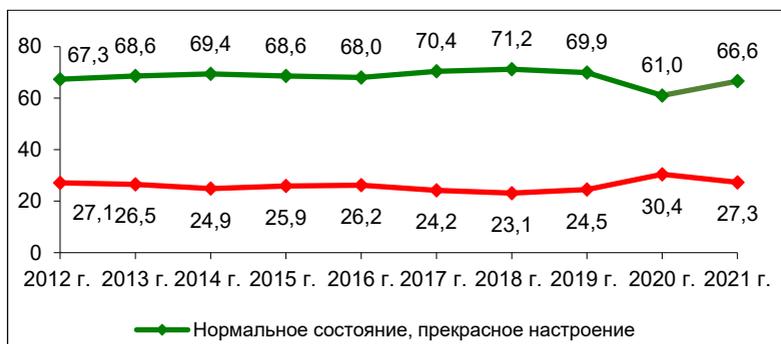

Рис. Динамика показателя социального настроения (в % от числа опрошенных)¹¹. Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН за период с 2012 по 2021 г.

Полученные данные не позволяют оценить ситуацию как крайне трудную, скорее можно говорить об адаптации населения к ситуации пандемии, о некотором снижении напряжения. Ряд факторов могли способствовать этому: начало вакцинации, снятие ряда ограничений, экономическая стабилизация. Обратим внимание на рациональный момент, который включает в себя получение необходимой и достаточной информации о пандемии и коронавирусе. К сожалению, доля непроверенной, порой откровенно лживой информации достаточно велика. Исследователи Кемеровского государственного медицинского университета проанализировали информационное пространство пандемии и пришли к заключению о скрытых целях фейковой информации, состоящих не только в создании нездорового ажиотажа вокруг пандемии, но и в провоцировании недовольства, паники, а возможно, и беспорядков [1]. Существует даже «Энциклопедия коронавирусных слухов и фейков»¹², собранная

¹¹ Распределение ответов на вопрос «Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?»

¹² Энциклопедия коронавирусных слухов и фейков. Пополняемый каталог толков вокруг пандемии. URL: <https://nplus1.ru/material/2020/04/08/coronarumors> (дата обращения: 17.01.2022).

исследователями Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

По полученным в ходе исследования данным, на сегодняшний день в российском обществе нет ведущего авторитетного субъекта как источника информации о пандемии и ее последствиях (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «При получении информации о коронавирусе чье мнение вызывает у Вас наибольшее доверие?» (в % от числа опрошенных, данные 2020 г.)

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы области	Среднее по опросу
Родственников, знакомых	33,0	56,3	52,2	49,1
Своего врача	37,0	31,5	37,7	36,3
Мнение Президента, его оценки	27,5	45,8	23,4	28,9
Мнение губернатора	19,8	28,3	25,7	25,0
Мнение мэра / главы города	14,5	26,8	21,8	21,3
Представителей экспертного научного сообщества, в т. ч. врачей-эпидемиологов	21,8	20,3	20,4	20,6
Журналистов центральных официальных СМИ (в том числе ведущих программ о здоровье)	14,0	23,0	9,6	13,3
Журналистов в Интернете, блогеров	15,5	18,8	7,5	11,5
Мнение премьер-министра, членов правительства	15,3	12,8	6,6	9,7
Источник: данные опроса «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» 2020 г.				

Преобладает доверие близкому кругу, родным, знакомым. Здесь доверие основано на межличностных отношениях, на существующем личном опыте общения. Остальные варианты, предложенные респонденту, позволяют судить о доверии абстрактным системам — здравоохранению, властным структурам различного уровня, науке, СМИ и т. п. Они обеспечивают взаи-

мосвязь индивида и института, становясь, по терминологии Э. Гидденса, «точками доступа» к абстрактным системам. И доверие мнению людей, включенных в институциональную систему, имеет важное значение для преодоления ситуации неопределённости, тогда как низкий уровень доверия только усиливает ее.

Институциональные структуры в период пандемии приняли на себя всю основную дополнительную нагрузку по организации жизни в новых условиях, поэтому к исходящей от них информации наибольшее внимание. И доверие ей становится важным условием преодоления кризиса. В большей степени респонденты продемонстрировали доверие мнению представителей государственных структур, Президенту, Губернатору, мэру (табл. 1). Важным фактором стала достоверность информации, что способствовало формированию общественного доверия в этот период.

Оценивая ситуацию, сложившуюся в области, можно увидеть, что в целом уровень доверия в условиях пандемии изменился незначительно в сторону понижения. Индикатором межличностного доверия служат ответы на вопрос «Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?» (табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Кому можно доверять, на Ваш взгляд, в наше время?» (в % от числа ответивших)

Показатель	2011	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	Изменение (+/-), 2021 к		
											2020	2019	2011
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Только самым близким друзьям и родственникам	56,5	52,5	53,4	55,7	61,1	64,2	56,6	54,0	53,9	55,8	+2	+2	-1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
В наше время никому нельзя доверять	24,7	27,9	27,9	23,5	25,5	24,8	27,0	27,4	26,5	25,2	-2	-2	0
Большинству знакомых мне людей можно доверять	16,1	15,2	12,2	12,6	11,0	10,0	13,3	14,9	16,2	16,2	0	+1	0
Доверять можно всем людям без исключения	2,5	1,6	3,1	2,5	2,4	1,0	1,9	2,4	3,3	2,8	0	-2	0
Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН. Вопрос задаётся 1 раз в год.													

Имеющиеся данные свидетельствуют о достаточно стабильном уровне недоверия в регионе. В категории недоверяющих практически каждый четвертый. Но фактически они имеют достаточный, хотя и более узкий по сравнению с остальными волонжанами радиус доверия. 90 % из них полностью и в основном доверяют членам семьи.

Несмотря на трудность ситуации, порожденной пандемией, она расширила круги доверия. Наблюдается рост показателя в отношении таких агентов взаимодействия, как соседи. В отличие от родственников это уже категория слабых связей (Гранновентер). Это тем более значимо, поскольку в городской среде соседи могут не знать друг друга в лицо и годами не сталкиваться друг с другом. Соседи стали оказывать помощь друг другу, контакты стали более интенсивными (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете...?» Вариант ответа «полностью и скорее доверяю» (в % от числа ответивших)»

<i>Вариант ответа</i>	<i>2016 г.</i>	<i>2017 г.</i>	<i>2019 г.</i>	<i>2020 г.</i>
Членам семьи, родственникам	93,8	94,4	90,8	92,1
Друзьям	81,3	81,0	79,7	86,5
Соседям	53,7	44,2	45,1	60,2
Знакомым	51,4	52,5	н/д	53,3
Коллегам	52,0	51,0	42,2	53,8
Врачам	74,4	79,2	н/д	42,7
Учителям	82,4	85,5	н/д	45,3
Ученым	64,5	68,2	н/д	45,4
Прохожим	17,0	17,5	17,4	18,4
Людям в общественных местах	19,3	18,5	н/д	16,5
Источник: данные опроса «Коллективные действия и социальный капитал в российском обществе» 2020 г.				

Пандемия, несмотря на то, что сама по себе спровоцировала в обществе кризисную ситуацию, вызвала противоречивые последствия. Негативным последствием можно считать падение уровня социального капитала в обществе по причине снижения инвестиций в форме времени, затрачиваемого на контакты. С другой стороны, пандемия способствовала расширению доверия и в межличностном пространстве, и по отношению к абстрактным системам. Данные, полученные в ходе наблюдения за социальными процессами, позволяют сделать вывод о возможности расширения доверия, необходимости этого процесса. Именно доверие стало в дальнейшем условием для возобновления роста социального капитала в территориальном сообществе. Это позволяет нам

рассматривать его как интегрирующий механизм, способствующий преодолению кризисных явлений.

1. Акименко Г. В., Начева Л. В., Лопатин А. А. и др. Инфомедия: фейковые новости в условиях пандемии // Вестник общественных и гуманитарных наук. 2021. № 2 (3). С. 43–52.

2. Александрова О. А. Кризис российского здравоохранения: «эксцесс исполнителя» или запрограммированный результат? // ЭВР. 2021. № 1 (67). С. 63–71

3. Антоненко И. В. Интегративный потенциал доверия: мета-отношение и функции // Вестник университета (Государственный университет управления). 2012. № 1. С. 104–108.

4. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.

5. Булгакова С. А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // Инновационная наука. 2016. № 5–1 (17). С. 215–217.

6. Геополитический кризис: последствия для Европы // ЭКОНС. Экономический разговор. URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/geopoliticheskiy-krizis-posledstviya-dlya-evropy/> (дата обращения: 30.03.2022).

7. Голосенко И. А. Проблема кризиса общества и культуры в социологии Питирима Сорокина // Российская социология: Историко-социологические очерки. М.: Изд-во Росс. гос. гуманитарного у-та, 1997. С. 127–154.

8. Курюкин А. Н. COVID-19 как вызов экономике, социуму, политике // Мир (модернизация, инновации, развитие). 2020. Т. 11. № 3. С. 250–265.

9. Михайлова Е. А. Доверие: результаты коронавирусного стресс-теста // Социодиггер. 2021. Т. 2. Вып. 1–2 (7): ДОВЕРИЕ. URL: <https://sociodigger.ru/3d-flip-book/2021vol2-7/> (дата обращения: 20.01.2022).

10. Решетников А. В., Присяжная Н. В., Павлов С. В., Вяткина Н. Ю. Восприятие пандемии COVID-19 жителями Москвы // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 138–143.

11. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
12. Сорокин П. Существует ли нравственный прогресс человечества? // ЖССА. 2015. № 2. С. 15–31.
13. Степанов В. И. Кризис образования в современной России и пути его преодоления // Вестник ТГПУ. 2014. № 11 (152). С. 193–198.
14. Гарсевич В. Н. Современное доверие: содержание и кризис // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Т. 3. № 4. С. 18–26.
15. Филиппович Ю. С., Стрекалов Г. С. О некоторых особенностях феномена «культура отмены» // Коллекция гуманитарных исследований. 2021. № 1 (26). С. 36–41.
16. Sorokin P. A. Reconstruction of Humanity. Bombay, 1958. Pp. 100–103.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_108

О. Шпенглер и формирование метода исследования социальной и культурной динамики в социологии П. А. Сорокина

Николай Александрович Головин,
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e-mail: n.golovin@spbu.ru

***Аннотация.** Рассматривается связь историософии культуры немецкого философа О. Шпенглера и исследование социальной и культурной динамики российско-американского социолога П. А. Сорокина. В отличие от существующих точек зрения о преемственности Сорокина в отношении Шпенглера на материалах анализа рассмотрения проблематики социальной эволюции в творчестве Сорокина от ранних сочинений Сорокина (1914) до «Современных социологических теорий» (1928) доказано, что их мировоззренческие позиции являются*

изначально независимыми и оригинальными, отмечены принципиальные методологические различия их исследования культуры.

Вводные замечания. Одновременно с высокими оценками масштабного социологического исследования динамики европейской культуры на протяжении 2,5 тысяч лет социологом П. А. Сорокиным у исследователей его творчества встречается суждение о том, что оно является лишь продолжением идей влиятельного историософского сочинения немецкого философа О. Шпенглера (1880–1936) «Закат Европы». Например: социолог П. А. Сорокин «... в XX в. будет продолжать шпенглеровскую парадигму в науке», «в XX в. шпенглеровскую линию продолжали такие ученые, как А. Тойнби и П. Сорокин», названные ученые аргументировали и углубили идеи Шпенглера и Данилевского [7; 16; 23; 29–30]. Другой пример: подход Сорокина к проблемам исторической социологии аналогичен шпенглеровскому: «По мнению О. Шпенглера, современный период характеризуется переходом от старой европейской культуры к новой культуре, носителем которой будут славянские народы, а центр ее будет расположен в Евразии. Развивая эту мысль дальше, П. Сорокин считал, что...» [1, с. 135, 136]. «Во многом благодаря влиянию Освальда Шпенглера Питирим Сорокин (1889–1968) стал последовательным приверженцем циклической теории исторического развития» [2, с. 435]. Встречаются заключения о косвенном влиянии идей Шпенглера на исследования культуры Сорокиным. В связи с такими суждениями необходимы некоторые уточнения.

Прежде всего, отметим, что общность культурологических исследований у Сорокина и Шпенглера сводится лишь к ответу на вызов времени, «интереса эпохи» (Марк Вебер), состоящем в беспрецедентном кризисе европейской культуры и общества, выразившемся в Великой войне 1914–1918 гг. Если бы рассматриваемые сочинения: книга Шпенглера «Закат Европы» (1918, 1922) и сочинение «Социальная и культурная динамика» (1937,

1941, далее — «Динамика»), по многим оценкам, самого цитируемого в мире социолога Сорокина, отвечали бы лишь запросу своего времени, то они уже давно были бы забыты, но это не так. Оба шедевра имеют глубокое научное содержание, основанное на самостоятельности методологического подхода обоих к общему предмету — истории европейской культуры. Для доказательства этого тезиса достаточно проследить отношение к предмету (истории культуры), складывающееся у Сорокина в довоенных исследованиях российского периода вплоть до публикации первого замысла «Динамики» на страницах «Современных социологических теорий» (1928, далее — «Теории»). Ограничимся лишь этими рамками творческой биографии Сорокина.

Разработка Сорокиным методологии изучения культурной динамики в российский довоенный период. Межвоенный период (1918–1939) — время первого большого кризиса в науках о культуре, повлекшего за собой пересмотр дисциплинарных картин мира, отказ от понятия социального прогресса как обещаний лучшего будущего теоретиками общества XIX века. В историософском сочинении Шпенглера «Закат Европы» идея прогресса отклоняется и доказывается, что в живой реальности есть лишь «биографии великих культур и отношения между ними» [6, с. 69], что в нашей части света — Европе — есть лишь две великие культуры: античная (VII в. до н.э. — III в.) и западноевропейская культура (1000–2200). Примечательно, что концепцию своего сочинения Шпенглер создал еще до Великой войны (1911).

Начинающий российский социолог Сорокин, будучи в непосредственном контакте со своими учителями (историк и социолог Н. И. Кареев, социологи М. М. Ковалевский и Е. В. Де Роберти) и без какого либо отношения к сочинению Шпенглера (которое, повторимся, еще только создавалось) также исследует научную картину мира, обратившись к редкостному для него

философскому анализу бытия (общества) в категориях «становления» и «ставшего». Разработка методологии исследования судьбы культур в тех же философских категориях «становления» и «ставшего» Шпенглера представляет собой лишь проявление общенаучного контекста, обеспеченного влиятельнейшей немецкой классической философией.

В статье «Обзор теорий и основных проблем прогресса» (1914) Сорокин классифицирует теории социальной эволюции, во-первых, на признающие лишь конечное число форм социального устройства, что неизбежно влечет за собой циклические концепции социальной эволюции. Теории второго типа допускают вариативность самих этих форм, то есть признают уникальность каждой из них. «Отсюда следует, что процесс эволюции — не круг и не линия, а кривая причудливой формы, но еще важнее то, что он неповторим и необратим во времени, — заключает Сорокин и поясняет. — Эволюция здесь тождественная понятию истории» [3, с. 600]. Понятию прогресса, в котором он разочаровался из-за его оценочности, следовательно, ненаучности, противопоставляются безоценочные теории социальной эволюции, описывающие постоянные тенденции того или иного эволюционного ряда. Будучи подтверждены эмпирически, они становятся общезначимыми: ведь в них речь идет не о должном, а о сущем. При отказе от оценочных высказываний теория прогресса станет теориями эволюции. Вот уже сформировавшийся объективизм Сорокина как гносеологическая позиция исследования социальной и культурной динамики.

Реферируя теорию социальной эволюции «наиболее знаменитого из современных философов» Бергсона [3, с. 671], Сорокин представляет читателю ее основную идею как творческий порыв: «Этот порыв, исходящий из одной точки, идет не по одному пути, а распространяется во все стороны, как радиусы из центра... Сначала этот поток разделился на два в создании *растительного* и *животного* царств. Затем в самом живот-

ном царстве на существа инстинктивные и на существа с интеллектом (например, человек)..., — он заключает, — нам незачем следить за дальнейшим развитием любопытной конструкции Бергсона» [3, с. 604–605]. Однако при всей объективности такой оценки в сочинениях Сорокина тех лет о проблематике времени (связанной с методологией социального конструктивизма), в отличие от Бергсона, ничего нет. Именно с объективистской позиции, являющейся методологической предпосылкой будущей «Социальной и культурной динамики» (далее — «Динамика»), Сорокин будет критиковать Шпенглера, который в качестве автора «Заката Европы» во многом следует конструктивистской методологии Бергсона и своему вкусу к математике как идеалу теории.

Критика концепции судьбы культур Шпенглера в «Теориях». После выхода в свет «Заката Европы» Сорокин оказался среди тех, кто искал у его автора концептуальный плагиат, в том числе у русских мыслителей (Н. Данилевский и К. Леонтьев) [5; 49, с. 634–635]. Отнеся сочинение Шпенглера к явлениям моды, Сорокин считает само это явление примечательным для науки [5, с. 486]. В его систематизации теорий эволюции, охватывающей и самого Сорокина, оба отнесены к представителям «непериодических циклов» культурной динамики [5, с. 647]. В связи с этим Сорокин, пока «не приводя доказательств», высказал в «Теориях» ряд гипотез о социальной и культурной динамике, которые мы опускаем, сохранив их обобщение: «Изучая все больше разные повторяющиеся социальные явления, мы все больше приближаемся к решению важной социологической проблемы: что в постоянно изменяющемся процессе истории относительно постоянно, а что — временно, что носит универсальный характер, а что — чисто локальный, какие отношения между двумя или более явлениями эпизодичны, а какие действительно каузальны». Он планирует подготовить монографию по данной проблеме [5, с. 650–652]. Таким образом, в этом пер-

вом замысле «Социальной и культурной динамики» [4, с. 740] содержится признание научной значимости «Заката Европы» Шпенглера, но с критической оценкой его сочинения о закате Европы.

Развивая замысел динамики исследования культур, Сорокин обобщает в «Теориях»: «Как мы видели, термины “социальная динамика”, “механика” и “социальная физиология” были изобретены давно. Их целью было исследование “движений” или процессов, происходящих в пределах социальной группы и культурного комплекса. Хотя, если судить с чисто количественной точки зрения, в этой области и были получены кое-какие результаты, но в качественном отношении сделано в ней было совсем немного». Далее им отмечается вклад в социологию представителей культурной антропологии, которые «подробно изучили регионы, изменения, маршруты, быстроту, препятствия и благоприятные условия перемещения и распространения тех или иных весомых достижений культуры...». Сорокин констатирует: «Они послужили примером для последующих глубоких исследований перемещения и распространения различных культурных черт в рамках современного развитого общества. Накопление точных и количественных данных об этих явлениях позволяет нам построить индуктивную теорию социальной циркуляции, перемещения, распространения, исчезновения, модификации, комбинации и разъединения компонентов культуры, а благодаря этому и «динамику» культурных комплексов». Он продолжает: «Вторая группа исследований в сфере социальной динамики имеет дело с такими явлениями, как территориальная миграция, перемещение, обособление и концентрация индивидов. Исследования эти начались гораздо раньше. Поскольку занимались ими главным образом статистики, они уже дали хорошие результаты, свободные от какой бы то ни было спекуляции. В качестве разновидности подобного рода исследований можно назвать работы, посвященные изучению миграции из

села в город и наоборот...» Таким образом, область «социальной физиологии» постепенно расширялась, и в настоящий момент уже предпринимаются первые попытки построить общую, но опирающуюся на факты теорию социальной мобильности. Одна из таких попыток была предпринята автором этих строк в его книге «Социальная мобильность» [5, с. 656–658].

Примечательно, что здесь в «Теориях» зафиксировано одно из важнейших методологических различий исследований социальной и культурной динамики Сорокина и судьбы культур Шпенглера. Оно состоит в применении статистического анализа эмпирических данных, реализованном в дальнейшем в «Динамике», но сформулированном уже в «Теориях». Шпенглер предпочитает применять к исследованию динамики культур теорию, следующую из новейших достижений математики (теория множеств и операций над ними) и на давно установленной, но неточно описываемой организменной аналогии, влекущих за собой в конечном счете вывод о судьбе, а не о динамике культур и общества. В подтверждение этому достаточно привести признание Шпенглера: «Я люблю глубину и изящество математических и физических теорий, рядом с которыми эстетик и физиолог смотрятся просто халтурщиками» [6, с. 84]. В этом отношении методологии Шпенглера и Сорокина в исследованиях культуры совершенно самостоятельны и соотносятся как математика и статистика, связанная с обработкой реального эмпирического материала.

Так, еще в российский период в творчестве Сорокина без какого-либо влияния Шпенглера складываются методологические предпосылки, сделавшие «Динамику» масштабной антитезой «Закату Европы», состоящей в непрерывности европейской культуры, в которой различаются две мегаволны, а не только лишь ответом на общий интерес того времени к кризису культуры и поиску путей восстановления общественной теории. Они получили дальнейшую кристаллизацию в «Теориях» и были

масштабно реализованы в «Динамике» и связанных с ней последующих книгах. Таков совершенно самостоятельный социологический подход Сорокина к исследованию социальной и культурной динамики и его беспрецедентно мощная реализация.

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00451.

1. Афанасьев В. В. Историческая социология Данилевского, Шпенглера и Сорокина // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 129–137.

2. Афанасьев В. В. Либеральное и консервативное // Шпенглер О. Политические произведения. М.: Канон+, 2009. С. 223–526.

3. Сорокин П. А. Ранние сочинения: 1910–1914 гг. / сост., вступ. ст. В. В. Сапова, коммент. В. В. Сапова и С. Н. Казакова. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2014. 832 с.

4. Сапов В. В. Комментарии // Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021. С. 689–741.

5. Сорокин П. А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А. К. Конюхова и В. В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2021. 912 с.

6. Шпенглер О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории : [в 2 т.] Т. 1: Образ и действительность / пер. с нем., предисл. И. И. Маханькова. М.: Академический проект, 2009. 648 с.

7. Хренов Н. А. Из истории становления науки о культуре: Освальд Шпенглер как предшественник Питирима Сорокина // Наследие. 2019. № 2 (15). С. 9–35.

Крупные социальные трансформации: П. А. Сорокин и русская историческая школа

Анастасия Александровна Кутузова,
преподаватель-исследователь кафедры истории
и методики преподавания общественно-правовых дисциплин
института истории и права,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
e-mail: azzazell-x@mail.ru

Аннотация. Вопросы взаимодействия научных школ и отдельных ученых является одними из наиболее актуальных. Изучение связи крупнейших научных сообществ в рамках рассмотрения проблемы крупных социальных трансформаций позволит как расширить представление об исследуемом объекте, но также и определить точки соприкосновения различных концепций, возможности научной интеграции, сотрудничества и взаимодействия.

Исследуя путь развития науки, мы часто обращаемся к вопросу преемственности, связей между учеными и целыми научными школами, своеобразных связующих нитей, ведущих нас из века XIX в век XX и далее в XXI век. Эти связи многообразны и многочисленны, здесь присутствует и тема международных контактов, международного поля общения ученых и исследователей, научной коммуникации, разрывов сотрудничества и его возобновление. О преемственности можно говорить в первую очередь именно на уровне метода. Проблематика может варьировать, концепция может изменяться, терминология может пересматриваться. Но метод — это та черта, та характеристика, по которой мы узнаем научную школу. Научные школы в таком случае и существуют благодаря этой трансляции метода: метода научного исследования, с одной стороны, и метода преподавания, метода живого взаимодействия с учениками — с другой.

Изучение прошлого так или иначе подводит к тем событиям, которые обусловили коренные трансформации как на уровне отдельного государства, так и на мировом. Здесь мы можем говорить о революционных потрясениях и сменах общественно-политического строя и социальной системы, военных столкновениях, распаде и появлении новых государственных образований. Крупные социальные трансформации, несмотря на очевидность своего значения и степени воздействия, по-прежнему вызывают огромное количество вопросов. И представители различных научных сообществ, исследовательских школ по-разному интерпретируют как отдельные аспекты социальных изменений, так и феномен в целом. Особое внимание привлекают те научные школы, которые выделились именно благодаря изучению подобных явлений в прошлом. В частности, это «русская историческая школа», широко известная на международном уровне, лицом которой является Николай Иванович Кареев (1850–1931). Научное наследие «l'école russe» содержит в себе уникальные и полномасштабные исследования по новой истории, особое место в которых уделяется историческому процессу, эволюции, революции и прогрессу.

В труде «Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории» Николай Иванович Кареев определил общие корни понятий «революция» и «эволюция» следующим образом: «это нечто, скрытое, развёртывается, раскрывается, как бы себя обнаруживает». Оба понятия он связывает с категорией прогресса [3, с. 157]. Можно сделать вывод, что революция выступает как определенное следствие существующих, но не проявившихся ранее в полную силу и не воспринятых руководящими правительственными кругами факторов. Так, Великая французская революция конца XVIII века стала необходимостью на пути развития исторического процесса — Франция столкнулась с необходимостью перемен, реализовать которые мирным путем оказалось невозможно, с точки зрения историка

[5, с. 62]. И указанная тенденция продолжилась в младшем поколении «русской исторической школы», в частности в трудах Я. М. Захера (1893–1963). Великая французская революция конца XVIII века была неизбежным рубежом, изменившим не только французскую государственность, но и ставшим своего рода «водоразделом» для всей европейской истории.

Иной демонстрацией тезиса Н. И. Кареева стали революционные события февраля 1917 г. Это было *«событие огромной важности, широко открывшее пути России в её благополучное будущее»*, с которым ученый связывал новые возможности для страны [2, с. 16]. Революция была возможным вариантом развития исторического процесса, хотя и не предпочтительным.

В то же время при рассмотрении особенностей восприятия крупных социальных трансформаций следует обратить внимание на то, что яркой особенностью «русской исторической школы» стало сосуществование различных подходов к изучаемому объекту, как методологических, так и идейных. И это отразилось в многогранности научного анализа. Н. И. Кареев был одним из первых ученых в отечественной исторической науке, кто отстаивал необходимость применения *«междисциплинарного подхода в изучении сложных общественных явлений»* [2, с. 16]. Позиция Кареева связана здесь с раскрытием характеристики концилиационного метода. В «Теории исторического знания» он писал: «Здесь речь должна идти только о настоящем, синтезе, и этим путем я старался всегда идти, не останавливаясь на чисто отрицательных результатах критики чужих теорий. Такое сопоставление противоположных решений одних и тех же вопросов в целях, во-первых, их критики, которая вылущивала бы в каждом решении возможное в нём зерно истины, и, во-вторых, синтеза добытых результатов сделалось даже одним из обычных методов моих историологических рассуждений» [3, с. 17]. И он же говорит об основателе метода французском

философе и социологе А. Фуллье [1]. Во введении исследователь писал о том, что «необходимо следовать методу, который включает в себя три основных аспекта: 1) построение одной за другой различных систем, повторяющихся посредством включения в себя одного и того же объекта; 2) из каждой системы исключаются ложные или неполные категории; 3) определяется сходство систем и формируется единая концепция рассматриваемого объекта. По мнению философа и социолога, в процессе научного изыскания и применения различных концепций для объяснения рассматриваемого объекта не следует делать поспешные выводы об общей картине исследования исходя только из отдельных положений. В данной ситуации необходим синтез (объединение и примирение) научных положений [1]. Как прогрессивные, так и консервативные научные доктрины могут в той или иной степени происходить из определенной научной области (для Фуллье это — естествознание). Реальное примирение этих доктрин — в свободе мысли и суждения исследователя. Таким образом, социолог говорит о либерализме, который является принципом изучения биологического и политического мира. Многие исследователи, по его мнению, игнорируют живой характер общества и относятся к нему как к неодушевленному механизму. Это люди, которые называют себя по преимуществу людьми порядка, представляя социальный порядок по тому же типу, что и материальный и органический порядок. Метод «примирения» привел Фуллье к возникновению проблемы, столь же интересной для социологии, как и для философии истории, — проблемы общественного сознания. Этот метод стал центральным в методологии «русской исторической школы».

Когда мы говорим о Питириме Александровиче Сорокине, мы подразумеваем человека неординарного, связанного так или иначе со многими выдающимися исследователями — истори-

ками, социологами, политологами, культурологами и т. д. П. А. Сорокин отстаивал позицию, что общество необходимо рассматривать и изучать как сложные социокультурные системы, находящиеся в постоянном динамическом изменении. И именно здесь применяется интегральный подход социолога, подразумевающий использование интуитивного, рационалистического и эмпирического методов. Питирим Александрович смог представить уникальную концепцию крупных трансформаций, причем соединив в этом и социологию, историю, политическую науку, антропологию и биологию. Сопоставление и постановка русско-американского социолога в один ряд с русской исторической школой в рамках рассматриваемой темы связано с тем, что П. А. Сорокин неоднократно контактировал с Н. И. Кареевым, был учеником его близкого друга — М. М. Ковалевского, учился вместе с Я. М. Захером на юридическом факультете Петроградского университета — о близком общении ученых упоминается сегодня в многочисленных статьях, сборниках и монографиях. Столь близкое знакомство с представителями выдающейся научной школы не могло не оказать влияния на П. А. Сорокина. Понимание подхода к исследованию сложных социальных явлений, трактовка причин, особенностей и последствий крупных социальных трансформаций позволяет выявить научную преемственность, сохранение и развитие ряда положений «русской исторической школы» в научных штудиях П. А. Сорокина.

Крупные социально-культурные трансформации связаны с наличием определенных противоречий и нарушений. Ученые, продолжившие линию исследований и методологическую традицию Н. И. Кареева, акцентировали внимание на проблемах социально-экономического положения общества в период революций, слома духовной сферы жизни общества, борьбы с религиозными институтами, построения новой образовательной системы, стрем-

ления к формированию новой экономической системы, политической сферы жизни общества. П. А. Сорокин выделял пять основных групп нарушений: политические, социально-экономические, национальные и сепаратистские движения, волнения на религиозной почве, смешанный тип нарушений или волнения, связанные со стремлением к особым целям [6, с. 669]. Одной из главных причин появления «социальных нарушений», по мнению П. А. Сорокина, является неизбежное изменение любой социокультурной системы, когда ее доминирующие формы, достигнув предела своих потенциальных возможностей, начинают клониться к упадку [4]. Причинами практически любой революции, с точки зрения социолога, выступают ущемление базовых инстинктов и дезорганизация власти (социального контроля).

Для Сорокина, как и для представителей «русской исторической школы», этапы революционного процесса, в рамках которого идет кардинальная трансформация общественных систем, не вызывают вопросов или же сомнений. Он выделяет аналогичные этапы — восходящий и нисходящий. В то же время между ними располагает военный период [7, с. 240–243]. Казалось бы, Н. И. Кареев, говоря о примере слома общественного строя, о Великой французской революции конца XVIII века, выделяет лишь два этапа. Однако в данном случае следует сделать оговорку. Николай Иванович, как и его ученики, отводит значительную роль термидорианскому перевороту, который и соответствует военному «пику» революционных событий. Таким образом, концепция стадийности революционного процесса П. А. Сорокина соотносится с периодизацией революции (на примере революции Франции) школы Н. И. Кареева.

Для Сорокина также особым вопросом выступает социальное поведение в период крупных социальных трансформаций. В книге «Революция и социология» он отмечал следующее: «Я опасался экстремистов и психологии толпы, для которых были

характерны вседозволенность и безнаказанность, и в то же время взаимопомощь, эмоциональная неуравновешенность, беспорядок, паника, энтузиазм и т. д.» [7, с. 227]. Поведение человека представляет собой сложный комплекс актов. Сорокин отмечал, что революции биологизируют человека, сокращают все базовые свободы, ухудшают экономическое и культурное положение низших классов [7, с. 19]. Следовательно, самыми революционными и радикально настроенными будут те социальные группы, у которых ущемляется самое большое количество базовых инстинктов.

Родоначальник концилиационного метода, столь широко использованного «русской исторической школой», А. Фуллье в конце XIX века обращался к такой проблеме, как поведение и роль масс на разных этапах общественного развития, в том числе и в период революции, — имеется в виду его труд «Психология французского народа» (1898 г.). В наиболее сложные времена, в период революционных трансформаций наблюдается пробуждение «животных инстинктов». Люди отказываются от рационального повеления в пользу сиюминутных побуждений [8]. Проблема социальной истории, истории «снизу» также присутствует и в научных исследованиях Н. И. Кареева и иных исследователей, принадлежащих «русской исторической школе», в обращении внимания на плебейские движения, на появление леворадикального движения с ярким и показательным названием «Бешеные».

Таким образом, можно отметить наличие множества точек соприкосновения П. А. Сорокина и выдающихся научных традиций дореволюционной и советской исторической науки. Благодаря интегрализму Сорокина методологические принципы «русской исторической школы» продолжают использоваться и развиваться.

Сегодня наша наука находится на новом, переломном этапе своего развития. Возникают интернет-технологии, которые

очень упростили коммуникацию, оптимизировали поиск информации. Но, с другой стороны, обстоятельства времени вынуждают нас все чаще взаимодействовать не напрямую, а дистанционно. Поэтому вопрос о том, как будут сохраняться научные школы, как будет сохраняться живая научная преемственность, сейчас актуален в развитии науки не только в национальном, но и мировом масштабе.

1. Fouillée A. La science sociale contemporaine (2e édition). Paris, 1885 // Цифровая библиотека «Gallica». URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k242911.texteImage> (дата обращения: 05.03.2021).

2. Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 32 с.

3. Кареев Н. И. Историка. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. СПб., 1913. 320 с.

4. Ломоносова М. В. Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. С. 34–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-kak-sotsialnoe-yavlenie-v-nauchnom-nasledii-pitirima-sorokina-1> (дата обращения: 01.03.2022).

5. Мягков Г. П. Наставница в роли ученицы (Теоретические исследования Р. Ю. Виппера в координатах науки и идеологии) // Рубеж (альманах социальных исследований). 1994. № 5. С. 59–87.

6. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ, 2000. 1055 с. С. 669.

7. Сорокин П. А. Социология революции. М.: Астрель, 2008. 784 с.

8. Фульье А. Психология французского народа. СПб.: Изд-во Ф. Павленкова, 1899. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Fulle/IstFrNar_Index.php (дата обращения: 03.03.2022).

Отражение социально-культурных трансформаций на общественном сознании и исторической памяти (на примере памяти о советском периоде)

Анастасия Александровна Кутузова,
преподаватель-исследователь кафедры истории
и методики преподавания общественно-правовых дисциплин
института истории и права,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
e-mail: azzazell-x@mail.ru

Дмитрий Александрович Кошелев,
руководитель АНО «Инфоцентр»,
создатель проекта «Дорогие товарищи»

Аннотация. П. А. Сорокин особое внимание в своих историко-социологических работах уделял особое внимание проблемам социально-культурных трансформаций. Говоря о трансформациях в историческом / глобальном масштабе, социолог имел в виду качественное изменение разных типов культур, а также связанные с ним социальные трансформации.

Распад Советского Союза представляет собой не просто распад государственного образования, это слом социально-культурной системы, уникальной по своим характеристикам. Существование в течение семи десятилетий советского государства наложило неизгладимый отпечаток на сознание, культуру, мировоззрение советских граждан. Даже по прошествии тридцати лет со времени прекращения существования СССР память о нем, его влияние присутствуют в современном российском обществе. С течением времени и временном отдалении событий советского периода крайне сложно объективно рассматривать советское прошлое со стороны рядового обывателя

— данное время обрастает многочисленными мифами, излишне упрощенными интерпретациями, жестким разделением на «черное» и «белое» [1]. В то же время чаще всего рассуждения и исследовательский интерес сосредоточен на советском прошлом в масштабе всего государственного образования и коллективная и индивидуальная память относительно особенностей советского периода представлена обобщенно, без особых спецификаций. Учитывая многонациональность советского государственного образования, структура и содержание исторической памяти неодинакова в восприятии отдельных социальных общностей, проживающих на определенной территории. Особым примером выступает Республика Коми. Память об этом периоде, в частности его советском времени, крайне важна для понимания особенности повседневной жизни, истории повседневности, ценностей, вопросов формирования социальной общности в советскую эпоху на территории Коми края.

Говоря о Коми земле, необходимо принимать во внимание уникальные условия развития территории, многонациональность населения, трудности построения взаимоотношений между коми и русскими, присутствие и функционирование структурных подразделений ГУЛАГа, приоритетность добывающей промышленности на северных территориях. Советский период стал особым временным промежутком, связанным с крайне противоречивыми оценками итогов существования Коми земли. Как было отмечено ранее, изучение исторической / коллективной памяти и механизмов ее формирования на примере Республики Коми представляется актуальной проблематикой современной исторической и политической науки. Исследование исторической памяти, особенностей трансформации социально-культурной системы на отдельно взятой территориальной общности невозможно без привлечения эмпирических данных. В феврале 2022 г. было проведено исследование памяти о советском прошлом посредством проведения анкетирования. В выбо-

рочную совокупность респондентов были включены активные пользователи социальных сетей, постоянно проживающие в Республике Коми, в возрасте 18 лет и старше. В опросе приняло участие 650 человек. Распределение респондентов по типам социальных сетей отвечает общероссийским тенденциям по популярности социальных сетей среди интернет-пользователей [2]. Данные опроса репрезентативны по структуре пользования основными социальными сетями жителями Республики Коми и отражают срез мнений наиболее активных пользователей популярных социальных сетей.

Проведенное исследование было направлено на выявление не только особенностей восприятия исторической памяти как феномена, его компонентов, образов, которые связаны в сознании людей с советской эпохой, но также и тех механизмов, инструментов влияния, факторов, которые необходимо учесть при изучении, сохранении и формировании исторической памяти о конкретном периоде в историческом развитии государства. Для всех респондентов, практически без исключения, СССР выступает известной категорией истории XX века. Знание о существовании советского государства, его структуре (количественном составе), дате образования не дают в полной мере оценить оценочный компонент памяти. В связи с этим в рамках исследования были использованы ассоциативные ряды.

Изучение ассоциаций, возникающих при размышлении о советском прошлом и Советском Союзе как особом государственном образовании, позволяет говорить о том, что оценочный спектр включает в себя в основном положительные характеристики. Чаще всего опрошенные ассоциируют СССР с несколькими категориями — стабильностью (17 %), мирным и дружественным сосуществованием (16 %), с категорией «великая страна», которой можно было гордиться (12 %). При обращении к научно-исследовательским трудам можно отметить, что именно с приходом на территорию проживания Коми советской

власти связывается стабильность социально-политической ситуации, возможности образования Автономной Коми области. При анализе оценочного компонента исторической памяти целесообразно обратиться к общему восприятию исторического периода. Высказывание положительных ассоциаций пользователями социальных сетей, участвующих в исследовании, было проверено посредством выяснения отношения к распаду СССР. Как продемонстрировано выше, подавляющее большинство респондентов (68 %) сожалеют о распаде СССР.

Историческая, коллективная память связана не только и не столько с отдельными событиями и датами, сколько с личностями, символизирующими конкретную историческую эпоху. Историк Н. И. Кареев отмечал, что *«прагматическая сторона истории, можно сказать, есть совокупность отдельных человеческих поступков, относящихся одни к другим, как причины и следствие. Само собой, разумеется, далеко не все человеческие поступки входят в состав прагматической истории, а с другой стороны, те, которые в него входят, имеют в нем далеко не одинаковое значение: во-первых, отдельный поступок принадлежит истории лишь тогда, когда играет ту или иную роль в событии или движении, вызывающем новые прагматические факты, т. е. когда он включен как хотя бы самое маленькое звено в длинную цепь причин и следствий прагматического процесса, а не остается от нее в стороне; во-вторых, самая роль, какую в разных событиях и движениях играют отдельные поступки»* [3, с. 13–14].

История Советского Союза полна событий, которые вызвали как негативную, так и позитивную реакцию. События и их интерпретация позволяют определить факторы, в значительной степени влияющие на формирование исторической памяти, возникновение определенных ассоциативных рядов и стереотипов. Крайне редко человек воспринимает конкретное событие в полной степени рационально и объективно. Личностное восприятие

позволяет объяснять события через систему образов, которые понятны большинству населения.

Наиболее яркие события, значимые для общества, персонафицированы. Они связаны с фигурой человека-героя, тем самым позволяя подтвердить или опровергнуть ранее рассмотренный вопрос о «герое / антигерое» советской эпохи. Событие запоминается посредством яркой личности, приобретая отдельные черты легенды или мифа. Отталкиваясь в повседневной интерпретации окружающей действительности от конкретных и упрощенных образов ярких событий в прошлом, человек формирует и свое мировоззрение, и историческую память. Наиболее запоминающиеся события демонстрируют преодоление трудностей, решение насущной проблемы / задачи, содержат некий соревновательный / конкурирующий аспект.

Для определения характерных черт памяти о советской эпохе целесообразно рассмотреть дуальное противопоставление «герой» / «антигерой». С фигурой героя связан ряд факторов, создающих возможность называть того или иного человека героем или же антигероем. Фигура героя возникает в ситуации беды, трудности — это может быть война, ситуация глубокого социально-экономического кризиса, необходимость противостоять врагу и т. д. Советский Союз, как уже было отмечено ранее, неоднократно сталкивался с многочисленными трудностями на пути создания, развития, распада. И в кризисные моменты развития советского общества возникают фигуры «героя» и «антигероя». Опрос позволил выявить несколько знаковых фигур в истории советского государства. Каждый второй респондент (47%) называет летчика-космонавта Юрия Гагарина в качестве героя советской эпохи. Его имя связано с преодолением трудностей, восхождением в совершенно новый мир (космос), причем его героизм не национален, он всемирен. В то же время факт героизма Ю. Гагарина ежегодно демонстрируется, о нем упоминается. На втором и третьем месте по значимости

И. Сталин (20%) и Г. Жуков (18%). Эти имена напрямую связаны с защитой государства от нападения фашистской Германии. Формирование героического образа И. Сталина и Г. Жукова связано как с событиями Великой Отечественной и Второй мировой войны, так и с созданием и поддержанием образов великих полководцев и после военных событий.

С другой стороны, в числе антигероев, в первую очередь, названы политические деятели советской эпохи второй половины XX века — М. Горбачев (29%), Б. Ельцин (15%), Н. Хрущев (12%), а также Л. Берия (11%). Согласно современным историкам и политологам, таким как В. В. Согрин, в качестве причин распада СССР следует иметь в виду целый комплекс факторов, как субъективных, так и объективных. Среди субъективных предпосылок исследователь выделяет сепаратистские устремления региональных политических лидеров (Б. Ельцин), а также непоследовательную политическую линию центрального руководящего звена (М. Горбачев). К объективным причинам В. В. Согрин относит опять же политику М. Горбачева, но уже в экономической сфере [6, с. 86–87]. Его выводы подтверждаются исследованием В. С. Смирнова [5, с. 91–93]. Имя М. Горбачева как отрицательного героя отождествляется с распадом СССР (ФОМ, март 2021 г.). Присутствие Б. Ельцина в перечне негативно оцениваемых деятелей советской эпохи связано как с его политикой, направленной на достижение независимости РСФСР от СССР, расформирования Советского Союза, так и с первыми годами постсоветского периода существования российского государства. Как продемонстрировано, негативное отношение к общественно-политическим деятелям связано с попранием советских ценностей. Восприятие Н. Хрущева в данном случае весьма показательно: его резкая позиция, связанная с развенчанием культа личности Сталина, кардинальная трансформация советской экономики, не всегда отвечающая существующим реалиям развития, неоднозначная позиция во внешней политике,

передача ряда территорий в пользование другим республикам СССР — все эти факторы резко противопоставляли наиболее ярким руководителям советского государства, стоящим у его основания и первых десятилетий существования.

С героями советской эпохи связаны и наиболее выдающиеся события, которые должны быть сохранены в памяти, по мнению опрошенных. Пользователи социальных сетей выделили два основных события, которые, по их мнению, являются наиболее значимыми как для всего общества, так и для отдельного человека: полет Ю. Гагарина как символ начала освоения космоса (36%), Великая отечественная война (35%). Оба события наполнены глубоким смысловым содержанием, демонстрацией неимоверных усилий, самопожертвования. Опять же в центре данных событий люди, причем их подвиги неоднократно запечатлены в кинематографе, литературе, музыке.

Если государственная и политическая трансформация в 1990-х гг. состоялась, то в отношении социально-духовной составляющей общественной жизнедеятельности сложно выразить однозначное мнение. Советский период ознаменовал особое состояние общественной мысли. Несмотря на то что знание истории своего государства крайне важно изначально, опрошенные особенно обратили внимание на необходимость сохранения памяти о советском периоде. Обращение к прошлому посредством формирования исторической памяти, а также внедрение памяти в современные социальные практики может выступать в качестве инструмента интерпретации современного состояния общества, а также приспособления к постоянным переменам. Постоянные и кардинальные изменения обуславливают возникновение ситуации неопределенности, в рамках которой один из выходов состоит в обращении к прошлому государства, общества и отдельного человека: *«проблема изучения образов прошлого приобретает особую значимость во времена глобальных исто-*

рических разломов, в переходные периоды, в ситуациях выбора дальнейших путей развития» [4, с. 157–164].

Проблема сохранения исторической памяти или осуществления коммеморативных практик предполагает сосредоточение внимания на двух основных моментах: сохранении памяти о произошедших событиях (укрепление в сознании образов, положительных оценок, положительного отношения к конкретному феномену) и преодолении конкретного прошлого (отказ от учета и использования полученного опыта в конкретный исторический период, необъективные оценки истории, в данном случае стирание памяти о советском прошлом и сосредоточение исключительно на негативных моментах — репрессии, дефиците и т. д.). Сохранение исторической памяти на сегодняшний день требует создания системы государственно-частного партнерства органов государственной и муниципальной власти, общественных организаций, интернет-сообществ для сохранения и распространения важнейшего компонента общественного сознания и коллективной памяти.

Историко-культурная среда сегодня становится ключевым понятием современного общества и представляет собой не отдельную область государственного регулирования, а сложную многоуровневую систему. В современном мире исторические компоненты выступают основой развития общества. За счет потенциала исторической памяти и успешной координации деятельности в сфере сохранения памяти о прошлом может быть достигнута стабильность и преемственность.

1. 25 лет спустя: СССР глазами молодежи. Что знают и думают о Союзе те, кто его уже не застал. URL: <https://primpress.ru/article/9705> (дата обращения: 03.03.2022).

2. Гаинтбаева С. Аудитория шести крупнейших соцсетей в России в 2020 году: изучаем инсайты. URL: <https://ppc.world/articles/>

auditoriya-shesti-krupneyshih-socsetey-v-rossii-v-2020-godu-izuchaem-insaytu/ (дата обращения: 28.02.2022).

3. Кареев Н. И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд. Санкт-Петербург, 1914. С. 13–14 // Государственная публичная историческая библиотека России. URL: <http://elib.shpl.ru/nodes/8537> (дата обращения: 01.03.2022).

4. Мысливец Н. Л. Образы прошлого в исторической памяти: теоретико-методологический аспект // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 157–164.

5. Смирнов В. С. Экономические причины краха социализма в СССР // Отечественная история. 2002. № 6. С. 91–110.

6. Согрин В. В. Политическая история современной России, 1985–2001: от Горбачева до Путина. М.: ИНФРА-М: Весь мир, 2001. 272 с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_132

Идея конвергенции П. А. Сорокина и социокультурные альтернативы современному цивилизационному кризису

Юрий Владимирович Попков,
доктор философских наук, профессор,
Институт философии и права Сибирского отделения РАН
(Новосибирск, Россия)
e-mail: yuripopkov54@mail.ru

***Аннотация.** В статье автор привлекает внимание к идеям П. А. Сорокина о конвергенции как имеющим важное значение в настоящее время – в ситуации современного цивилизационного кризиса. Их актуальность демонстрируется на примере Китая, в экономике которого проявляются очевидные эффекты конвергенции. Именно благодаря этому КНР стала одной из самых сильных и влиятельных стран в мире. Предлагаемая духовно-экологическая стратегия развития общества соотносится с положениями теории конвергенции и рассматривается в качестве социокультурной альтернативы*

современному доминированию техногенно-потребительской модели социального устройства.

Как известно, за несколько последних столетий человечество знало две фундаментальные модели общественного развития, альтернативные в своей основе, — капитализм и социализм. С точки зрения цивилизационного подхода, рассматриваемого в диахроническом измерении, их можно трактовать как различающиеся типы глобального цивилизационного устройства. В настоящее время влиятельные эксперты в области мирового развития выступают с жесткой критикой доминирующего ныне типа [см., например: 1; 15]. Так, в юбилейном, пятидесятом по счету, докладе Римского клуба представлена всеобъемлющая критика капитализма и отстаивается неизбежность перехода к иной парадигме развития, во многом предполагающей, по сути, социалистические принципы. «Старый мир обречен, новый мир неизбежен», — таков главный вывод экспертов [14]. Об исчерпанности нынешней модели капитализма, доминирующей в большинстве стран современного мира, и необходимости ее качественного преобразования заявил недавно В. В. Путин [12]. Речь, таким образом, идет о глобальном цивилизационном кризисе и поиске иного парадигмального варианта развития будущего.

Фиксируя проблемность и противоречивость текущей ситуации, отметим два важных обстоятельства. Во-первых, после распада СССР принципы социализма были во многом дискредитированы. В то же время они не сошли окончательно с исторической сцены, причем это касается не только высокой теории, но и общественной практики. Идеи социализма опять становятся все более популярными. Во-вторых, преодоление обозначенного выше кризиса — по сути, очередного кризиса капитализма — вряд ли возможно путем фронтального отрицания абсолютно всех его важных составляющих. Очевидно, что

перспектива общественного прогресса так или иначе связана с определенным сочетанием характерных особенностей обеих моделей социального устройства. Следовательно, речь может идти о таком варианте развития, который выдающийся социолог П. А. Сорокин называл конвергенций.

Впервые он затрагивает данную тему во время Второй мировой войны, в книге «Россия и Соединённые Штаты» (1944). Недавно эта книга была впервые переведена на русский язык [11]. Озабоченный послевоенным переустройством общества в таком его варианте, который бы предотвращал крайние формы проявления конфликтов между ведущими державами, П. А. Сорокин дает широкомасштабный сравнительно-исторический социокультурный анализ развития США и СССР. По его мнению, между ними не существует фундаментальных противоречий. Возможно, такое впечатление у него складывалось в силу того, что во время этой войны они были союзниками. Ученый делает акцент на сходстве культурных, социальных, институциональных, ментальных черт в развитии двух стран. В итоге он приходит к выводу о возможной конвергенции данных различающихся общественных систем. Позднее обосновывает положение о формировании на основе взаимной конвергенции США и СССР смешанного социокультурного типа [14]. Такое интегральное образование — как продукт «сближения» капитализма и коммунизма через усвоение лучших сторон обеих систем — выдающийся исследователь рассматривает в качестве желаемого типа общества.

Роль и значение выдвинутой идеи конвергенции В. А. Медведев — известный исследователь творчества П. А. Сорокина — оценивает следующим образом: «В условиях острейшей конфронтации на мировой арене это была смелая постановка вопроса, идущая по существу вразрез с официальной идеологией как того, так и другого из враждующих блоков. Она оказала огромное влияние на общественную мысль во всем мире, в том числе и в России» [6, с. 299].

Известно, что среди исследователей существуют разные оценки теории конвергенции: от характеристики ее как утопической до признания в качестве имеющей важное значение, причем не только для теории, но и для социальной практики [2; 4; 9]. Обращение к практике является в данном случае вполне оправданным, поскольку, как следует из классического представления, именно практика является критерием истинности той или иной теории. И реальная действительность дает основания для позитивного вывода по данному вопросу.

Для подтверждения этого факта обратимся к наиболее яркому современному примеру — опыту Китайской Народной Республики. Как отмечает М. В. Седельников, «осуществление синтеза социализма и отдельных методов капитализма в этом государстве отражает современную точку зрения на теорию конвергенции как взаимообусловленную интеграцию определенных элементов социалистической и капиталистической систем» [10, с. 43]. Важно при этом отметить, что «конвергентная модернизация» социалистической системы в разных ее проявлениях здесь сопровождается серьезными достижениями в сфере научно-технического прогресса [Там же].

Именно благодаря проведению грамотной и по-настоящему государственной политики, нацеленной на удачное сочетание фундаментальных принципов социализма и элементов рыночной экономики, Китаю удалось добиться таких результатов, которые выдвинули его в число ведущих государств мира. Специалисты прогнозируют превращение его в сверхдержаву и новый гегемон мировой экономики [см., например: 5; 7; 8].

В то же время очевидно, что Китай — это уникальный случай. Полномасштабное повторение его опыта в других странах вряд ли возможно в силу специфичности исторического пути развития данного государства. Поэтому открытым остается вопрос о перспективной цивилизационной модели будущего при том, что конвергенция определенных элементов и механизмов

двух общественных систем будет в ней, по-видимому, неизбежной.

Проблема цивилизационной перспективы актуализировалась в самое последнее время в связи с конфликтом на Украине, который вывел отношения России и Запада на уровень открытого жесткого противостояния. В этой ситуации у нашей страны появился исторический шанс отказаться от следования в фарватере находящейся в кризисном состоянии цивилизационной стратегии развития, которая может характеризоваться как техногенно-потребительская, и перейти к альтернативной, духовно-экологической стратегии, возможно, встав в авангарде этого цивилизационного движения. Обоснованию такой перспективы посвящены в последнее время усилия моих барнаульских коллег [3]. Недавно опубликована их новая монография с моим участием, в которой развивается данная тема с акцентом на роли сибирского макрорегиона (как обладающего всеми необходимыми для этого ресурсами) в реализации обозначенной цивилизационной перспективы [13].

Наши представления в своих основаниях перекликаются с фундаментальными положениями П. А. Сорокина о значении нематериальных факторов в развитии общества, а также самой теории конвергенции в отдельных ее составляющих. Это касается, например, признания необходимости формирования смешанной экономики с учетом важной роли в ней кооперации (о выполнении ей не только экономических, но и значимых социальных функций он писал еще в российский период своей научной деятельности), критического отношения к потребительству, целевой установки на развитие творческой личности и др.

Фундаментальной основой предлагаемой цивилизационной модели как возможного нового типа глобального мироустройства является кардинальный пересмотр базисных приоритетов развития, где экономическое и политическое развитие

должны выступать не целью, а средством личностного роста и достижения общего блага. Данная стратегия предполагает возвращение к феномену естественного во всем комплексе его проявлений, начиная от реальной коэволюции, доминирования экологических императивов социальной деятельности, заканчивая высшими духовными ценностями и полноценной (двуполой) семьей.

1. Валлерстайн И. После либерализма: пер. М. М. Гурвица, П. М. Кудюкина, П. В. Феденко / под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.

2. Дашичев В. И. Теория конвергенции и путь России: от ошибок прошлого к выбору будущего // *Пространство и Время*. 2011. № 4(6). С. 72–85.

3. Иванов А. В., Фотиева И. В., Шишин М. Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.

4. Кара-мурза С. Г. Утопия конвергенции // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 1. С. 7–24.

5. Комолов О. О. Глобальная экспансия КНР и новые тенденции в мировой экономике // *Общество и экономика*. 2022. № 3. С. 118–128.

6. Медведев В. А. Актуальность взгляда Питирима Сорокина на главные тенденции нашего времени // *Питирим Сорокин и социокультурные тенденции нашего времени*. М.; СПб. МФК Изд-во СПбГУП, 1999. 393 с.

7. Небренчин А. С., Небренчин С. М. КНР — сверхдержава XXI века: российско-китайские перспективы. М.: АНО ЦСОиП, 2017. 116 с.

8. Островский А. В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: Издательство МБА, 2020. 496 с.

9. Плотников В. А. Теория конвергенции и тенденции развития цивилизации (по материалам международного мемориума, посвященного 80-летию Г. Н. Цаголова) // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 3 (65). С. 132–140.

10. Седелников М. В. Современные аспекты теории конвергенции: опыт синтеза капитализма и социализма в Китае // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 4 (34). С. 43–52.

11. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2018. 640 с.

12. Стенограмма заседания дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedaniya-diskussionnogo-kluba-valdai-21-10-2021.html> (дата обращения: 25.10.2021).

13. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / под ред. А. В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

14. Sorokin P. A. Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type // International Journal of Comparative Sociology. 1960. No 1. Pp. 143–176.

15. Von Weizsaecker E., Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. 2018: Springer. 220 p.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_138

П. А. Сорокин о роли исторического метода в социологии

Вера Сергеевна Русанова,

преподаватель кафедры истории России и зарубежных стран,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
e-mail: vera.petrashun@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется взгляд П. А. Сорокина на роль и место исторического метода в социологических исследованиях, а также предпринимается попытка ответить на вопрос, что

П. А. Сорокин понимал под историческим методом и какое место в его «исследовательской лаборатории» занимал данный методологический инструмент.

Настоящая статья представляет собой продолжение разговора об «исследовательской лаборатории» П. А. Сорокина как историка-социолога [1]. В русле рассматриваемой проблематики видится необходимым подробнее остановиться на следующих вопросах: каким образом в работах российско-американского ученого соприкасаются (соединяются) историческая и социологическая науки, в чем проявляется эта междисциплинарность, что Сорокин понимал под историческим методом применительно к социологическим исследованиям и какое место этот метод занимал в «научной лаборатории» мыслителя? Ограничиваясь рамками статьи, сосредоточим внимание на двух последних вопросах.

Внесем еще одну ясность. В настоящей публикации не планируется подробно останавливаться на раскрытии понятия «научная лаборатория» историка (социолога), ее характерных чертах и особенностях, так как это уже было сделано автором в ряде докладов предшествующих конференций [2; 3]. Лишь отметим, что впервые вопрос о правомерности использования понятия «исследовательская лаборатория» применительно к ученым-гуманитариям был поставлен В. П. Золотаревым [4; 5].

Итак, что же П. А. Сорокин вкладывал в понятие «исторический метод»? Обратившись к «Тезисам о роли исторического метода в общественных науках» («Theses on the Role of Historical Method in the Social Sciences»), читаем: *«Под историческим методом изучения и исторической интерпретацией социокультурных явлений понимаются все методы и интерпретации, которые используют и основаны на использовании социокультурных исторических фактов»* [6, р. 235]. Иными словами, все, что связано с анализом исторических данных, конкретных фак-

тов, явлений, событий в истории человечества, Питирим Александрович относит к историческому методу. Далее по тексту можно видеть, что все события, явления и процессы, происходящие в обществе, представляют собой, по Сорокину, цепочку конкретных фактов, совершившихся в определенное время и скрепленных причинно-следственными связями. Задача социолога как раз таки обнаружить, выявить эти исторические факты с целью проследить и проанализировать интересующий процесс с момента его рождения до трансформации или завершения. П. А. Сорокин продолжает: «В идиографическом исследовании уникальных, неповторимых социокультурных явлений <...> *разнообразие исторического метода является основным методом познания*, особенно «происхождения, развития и изменений» такого явления на протяжении всего его существования и в меньшей степени его специфических, менее изменчивых характеристик, поскольку *без изучения его изменений мы часто не можем обнаружить, какие из его черт изменчивы, а какие сравнительно постоянны и статичны*» [6, р. 235–236]. Социолог замечает, что роль исторического метода становится важна для исследователя на стадии анализа и проверки эмпирических данных и в науках типизирующих, призванных осуществлять широкие обобщения, исходя из полученных данных. Он пишет: «<...> когда номотетическая гипотеза достигает стадии эмпирической проверки, роль исторического метода на этой стадии становится весьма важной, часто неоспоримой, независимо от того, является ли номотетическое обобщение или единообразие каузальным или каузально значимым, или вероятностным, или имманентным типом. Исторический метод становится неотъемлемой частью практически всех методов проверки эмпирической правильности обобщающей теории или формулы единообразия» [6, р. 237]. По-видимому, П. А. Сорокин, указывая на необходимость применения исторического метода в общественных науках, понимает под ним не только интерпретацию социо-

культурных явлений (фактов), но и осуществление сравнительного анализа, «наблюдения вариаций [изучаемого] явления».

Однако, говоря об общественных науках, социолог, на наш взгляд, упускает из вида, что цели исторического и социологического исследований могут различаться, вследствие чего интерпретация исторических фактов и данные их сравнительного анализа также будут отличны. Он, скорее, несколько абсолютизирует роль и значение исторического метода для наук об обществе, но обоснование необходимости использования сравнительного метода в социологии видится вполне убедительным.

Стоит отметить, что идея применения сравнительного анализа социокультурных (исторических) данных в социальных исследованиях, высказанная П. А. Сорокиным, во многом перекликается с мыслью Н. И. Кареева о значении метода сравнения как для исторических, так и для социологических исследований. Н. И. Кареев пошел дальше своего ученика. Он, как отмечает М. Ф. Румянцева, предложил «весьма оригинальный способ <...>, разделяя сравнительно-исторический и сравнительно-социологический методы» [7, с. 398]. Заглянем в «Историку» Николая Ивановича, где читаем: «Следует поэтому в сравнительном изучении различать сравнительно-историческое и сравнительно-социологическое: оба пользуются для сравнения историческими (или этнографическими) фактами, но историка интересуют лишь факты, между которыми можно установить генетическую связь, социолога же — преимущественно факты, свидетельствующие о наличности в каждом примере одинаковой причины, приводящей к одинаковому следствию» [8]. Тем не менее «сравнительное изучение исторических фактов представляет собою мост, перекинутый с берега истории на берег социологии» [8]. И с этим утверждением сложно не согласиться.

Если обратиться к вопросу о том, каким образом использование исторического метода осуществлялось в работах самого П. А. Сорокина, то, безусловно, самым ярким примером ана-

лиза, сопоставления и интерпретации социокультурных фактов является его многотомный труд «Социальная и культурная динамика». Сам социолог подчеркивал, что «исторический метод представляет собой также один из основных методов проверки самых широких номотетических теорий и философий истории» [6, р. 240], так как все крупные ученые (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби) строили свои теории развития общества на «полном или неполном временном ряде соответствующих исторических случаев».

М. Т. Иовчук, один из участников советской делегации, принимавший участие в международной социологической конференции (Вашингтон, 1962), также указал, что свою культурологическую концепцию движения истории, представленную в «Социокультурной динамике», П. А. Сорокин в целом «называет историческим методом в социологии и с этой точки зрения критикует все другие теории. <...> Он призывает к познанию многих факторов истории, — добавляет Михаил Трофимович, — в их связях и взаимоотношениях» [9].

Важно отметить, что доклад П. А. Сорокина на Вашингтонской конференции вызвал дискуссию. Так, Г. В. Осипов, упоминая о полемике по поводу тезисов доклада социолога о роли и значении исторического метода для социологии, заметил, что П. А. Сорокин стремился доказать несостоятельность социологии как науки без овладения ею историческим методом [9]. Советские делегаты отметили и то, что российско-американский социолог идеализирует исторический метод и что его использование не является новшеством в теоретико-методологическом отношении.

Тем не менее, можно заключить, что к концу жизни П. А. Сорокин существенно пересмотрел свои представления о задачах, функциях и роли исторического метода в социальных науках. Он отводит использованию корпуса исторических данных в социологии первостепенное значение, и исходя из этого

лидирующее положение в его методологическом арсенале занимает историко-сравнительный или (по терминологии Н. И. Кареева) социолого-сравнительный метод, базирующийся на интерпретации исторических фактов (событий, явлений). А сами науки — история и социология — видятся П. А. Сорокину как смежные, интегрируемые области гуманитарного знания, между которыми еще в начале 1920-х гг. наш земляк проводил жесткие разграничения, что может говорить об определенной эволюции его взглядов.

1. Русанова В. С. П. А. Сорокин как историк России 1917–1945 годов : автореф. ... дис. канд. ист. наук. Самара, 2022. 21 с.

2. Русанова В. С. Исследовательская лаборатория П. А. Сорокина // XXIX годичная сессия Ученого совета (Февральские чтения): Национальная конференция, 11 февраля — 15 марта 2022 г. / Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2022.

3. Русанова В. С. «Научная лаборатория» П. А. Сорокина (к постановке вопроса) // Сорокинские чтения (круглый стол) «Интеллектуальное наследие П. А. Сорокина (к 100-летию выхода в свет «Системы социологии)», 24 март 2022 / ГБУ РК «Центр «Наследие» Питирима Сорокина». Сыктывкар, 2022.

4. Золотарев В. П. Об исследовательской лаборатории С. М. Соловьева // Гуманитарные знания в системах политики и культуры : сб. науч. статей. Казань, 2000. С. 122–125.

5. Золотарев В. П. Об исследовательской лаборатории В. О. Ключевского (1841–1911). URL: <https://mybiblioteka.su/11-31340.html> (дата обращения: 22.05.2021).

6. Sorokin P. A. Theses on the Role of Historical Method in the Social Sciences // TRANSACTIONS OF THE FIFTH WORLD CONGRESS OF SOCIOLOGY. Vol. 1. 1962. Pp. 235–254.

7. Румянцева М. Ф. Сравнительно-историческое исследование: проблемы метода // Методические материалы к лекциям. М., 2005. С. 385–411.

8. Кареев Н. И. Историка (Теория исторического знания). Пг., 1916. URL: http://dugward.ru/library/kareev/kareev_istorika.html (дата обращения: 10.04.2022).

9. Из стенограммы заседания Ученого совета ИФ АН СССР 25 сентября 1962. Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1071. Л. 84-150 / В тылу врага. Питирим Сорокин, Эрих Фромм, Уолт Ростоу, глазами советских участников V международного социологического конгресса (Вашингтон. 2–8 сентября 1962) / подг. текста и публ. П. Е. Фокина. URL: <http://russophile.ru> (дата обращения: 30. 05. 2021).

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_144

Правящий отбор в эпоху революции: случай Парижской коммуны

Игорь Евгеньевич Тюгашев,

магистрант,

Новосибирский национальный исследовательский

государственный университет

(Новосибирск, Россия)

e-mail: tgshgr@yandex.ru

***Аннотация.** В статье обсуждается данная П. А. Сорокиным в его работе «Социология революции» оценка социального состава и деятельности Совета Парижской коммуны. По его оценке, ее деятельность протекала в разрушительный период революции, и на правящие места были выдвинуты лица профессий, неспособные справиться с поставленными задачами. Анализ показал, Совет Коммуны имел широкий профессиональный состав, благодаря чему социальные преобразования были компромиссными, антикризисными и решали задачи по стабилизации общественной жизни. Таким образом, деятельность Парижской коммуны завершала ее разрушительный период и начинала новый, стабилизационный период революции.*

Размышляя о характере социального отбора в период революций, П. А. Сорокин приводит в качестве примера Парижскую революцию 1870–1871 гг. По его оценке, на правящие места были выдвинуты лица, принадлежавшие к совершенно иным

профессиям (красильщики, механики, аптекари, рабочие и т. п.), неподготовленные и неспособные справиться с соответствующими задачами [6, с. 450–451]. Такой отбор присущ первому, разрушительному периоду революции [6, с. 450]. На следующем, созидательном этапе революции, как полагал П. А. Сорокин, «если бы не было даже подавления Коммуны, нет сомнения, что с восстановлением нормальной работы механизма отбора большинство этих выскочек было бы сброшено обратно» [6, с. 451].

Для обозначения социального отбора на правящие места представляется удобным использовать евразийский термин «правлящий отбор», который как раз и обозначал существующий во всяком государстве отбор в правящий слой [8, с. 505]. Приведенные П. А. Сорокиным категории профессий включают рабочих, ремесленников, мелких буржуа. В связи с профессиональной разнородностью формировавшегося правящего слоя возникает вопрос о характере его политики.

Сегодня существуют два основных подхода в интерпретации социальной природы Парижской революции 1870–1871 гг. Ф. Энгельс полагал, что «в Коммуне заседали почти исключительно рабочие или признанные представители рабочих и постановления ее отличались решительно пролетарским характером» [11, с. 195]. Данную интерпретацию поддержали В. И. Ленин и советские историки. Сам К. Маркс, в конце концов утверждал, что «большинство Коммуны вовсе не было социалистическим и не могло им быть» [3, с. 132]. Такова сейчас и позиция немарксистской зарубежной и современной российской историографии: Парижская Коммуна — радикальная буржуазно-демократическая революция с социалистическими тенденциями [9, с. 101]. В настоящей статье мы постараемся уточнить социальный состав Совета Коммуны и характер его реформ.

Выборы в Совет Коммуны состоялись 28 марта 1871 г. В Совет Коммуны должны были избираться 92 депутата от 20

округов Парижа. Всего было избрано 86 депутатов. Запрета избирать одних и тех же персон в округах не было. Поэтому О. Бланки, А. Арну, Э. Варлен, Ш. Делеклюз, А. Тейс, Г. Флуранс стали представителями сразу от двух округов (каждый от разных). 17 депутатов сразу же вышли из Совета в знак протеста против восстания. Таким образом, в конце марта 1871 г. в Совете Коммуны насчитывалось 68 депутатов. На дополнительных выборах 16 апреля было доизбрано 17 депутатов.

Кто именно стал управлять Коммуной? По Н. М. Лукину, депутатов из рабочих было 27, П. М. Керженцеву — 34, А. И. Молоку — 31, Е. Е. Козловой — 33 [2, с. 31]. Судя по имеющимся персональным данным избранных, 28 депутатов были рабочими материальной сферы труда [12]. Это были представители самых разных профессий: токари, механики, сапожники, шляпники, красильщики и др. По большей части такие рабочие были заняты ручным немеханизированным трудом и работали в малых коллективах, если не в одиночку. Количество служащих оценивается от 6 до 13. Таким образом, по максимальным суммарным оценкам количество рабочих едва ли будет превышать половину от всех депутатов. Остальные же депутаты были выходцами из интеллигентских и мелкобуржуазных слоев: врачи, журналисты, художники, учителя, торговцы. Такая ситуация вполне объяснима тем, что представителям рабочего класса труднее завоевать популярность среди широких слоев населения.

В среде коммунаров можно выделить три господствовавших политических течения: неоякобинство, бланкизм и прудонизм.

Неоякобинцы были республиканцами и сторонниками централизованного управления. Они рассчитывали повторить успех Великой Французской революции и восстановить идеалы свободы, равенства и братства. Конкретной социально-экономической программы они не имели [13, с. 71].

Прудонисты составляли в Совете Коммуны меньшинство, но именно они по большей части являлись организаторами со-

циально-экономических реформ. Прудонисты выступали против крупной частной собственности и эксплуатации, но поддерживали собственность мелких хозяйств. Они планировали создание равноправного общества взаимопомощи на основе кооперативных предприятий, обмена, беспроцентных кредитов путем плавного реформистского перехода из буржуазного общества [10, с. 451–468].

Бланкисты в деле построения социализма рассчитывали на диктатуру узкой группы революционеров, а не на рабочий класс. В социально-экономических реформах они полагались на прудонистов [1].

Подавляющее большинство избранных парижанами депутатов в Совете Коммуны слабо обращали внимание на рабочий класс как на политическую силу. Даже левое крыло прудонистов в Парижской Коммуне было против участия рабочих в политической деятельности, не говоря уже о бланкистах и неоякобинцах [4, с. 345]. Хотя около 30–40 человек в Совете были членами I Интернационала, но только 2–3 человека воспринимались как близкие к марксизму или научному социализму [2, с. 33].

В части социальных преобразований был ликвидирован ночной труд пекарей. Минимальная оплата труда введена только для рабочих, выполнявших заказы национальной гвардии. Под управление рабочих переданы только брошенные предприятия, так что буржуазия, оставшаяся в Париже, сохраняла свою собственность на средства производства. Был введен запрет на продажу вещей из ломбардов, хотя их предлагали полностью ликвидировать. Ломбардам лишь 20 мая было поручено вернуть предметы стоимостью до 20 франков. Отменены задолженности по квартплате. Выплата по коммерческим векселям была отсрочена на 3 года (в США после Гражданской войны отсрочку дали на 5 лет). Установлен потолок в оплате чиновникам, но учителей-женщин не уравнивали в оплате с учите-

лями-мужчинами. Брошенные квартиры буржуа предоставлялись в пользование бездомным, но все имущество опечатывалось [4, с. 374–384; 5, с. 34–38].

Постановления конгрессов Интернационала выполнялись очень выборочно. Постоянная армия заменена на национальную гвардию, образование стало бесплатным. Но от национализации железных дорог и введения 8-часового рабочего дня в Совете отказались. Огромным делом для Парижской Коммуны стала бы национализация Французского банка, где хранилось 3 млрд франков. Но вместо этого в банк был назначен делегат-прудонист Ш. Белэ, который под залог просил у банка выделять кредиты. Всего, таким образом, Париж получил 16 млн франков, в то время как Тьеру банк одолжил в 16 раз больше — 257 млн [5, с. 34–38; 7].

Данная политика вполне закономерна для прудонистов. Для них важно было сохранить банки, классовый мир и сотрудничество. Ж. Валес предполагал родство пролетариата и «трудовой буржуазии» [10, с. 250–251]. Члены Совета Ф. Журд, Ш. Лонге и Г. Лефрансе были против ликвидации ломбардов, так это значило бы причинить ущерб собственности. Э. Рулье заявлял, что декретом об отмене ночного труда в пекарнях уничтожает свободу договора, сделок, ставит Коммуну на путь коммунизма, нежели коммунализма [4, с. 116].

Итак, в составе Совета Парижской Коммуны пролетарии, особенно материальной сферы производства, не имели большинства. Гораздо большую роль играли представители мелкой буржуазии и интеллигенции.

Хотя рабочий класс принял реальное участие в управлении, депутаты Совета не воспринимали рабочий класс как политическую силу. Они проводили реформы и принимали полумеры, которые не затрагивали коренным образом буржуазные устои общества.

Социальные преобразования были компромиссными и решали часть проблем широких слоев населения. Это были по-настоящему демократические и социальные преобразования, действенные антикризисные меры. Парижская Коммуна приобрела форму свободной автономной республики и была самым демократичным, самым социальным государством своего времени.

Если говорить о революции 1870–1871 гг., то деятельность Парижской коммуны, строго говоря, завершала ее разрушительный этап и начинала новый этап революции. Совет Парижской Коммуны со своим широким профессиональным составом депутатов решал задачи по стабилизации общественной жизни.

1. Бланкисты // Советская историческая энциклопедия / под ред. Е. М. Жукова. М., 1962. Т. 2. С. 484–485.

2. Козлова Е. Е. Состав совета Парижской Коммуны // Французский ежегодник 1981. М.: Наука, 1983. С. 24–35.

3. Маркс К. Маркс — Фердинанду Домела Ньюенгейсу, 22 февраля 1881 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1964. Т. 35. С. 130–133.

4. Парижская Коммуна 1871 г. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 1. 556 с.

5. Парижская коммуна 1871 г. (Время — события — люди) / под ред. А. И. Молока. М.: Политиздат, 1870. 288 с.

6. Сорокин П. А. Листки из русского дневника. Социология революции / сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. 848 с.

7. Тарасов А. Н. Мать беспорядка [Электронный ресурс] // Скепсис: научно-просветительский журнал. 2009. 9–23 июля. URL: https://scepsis.net/library/id_2715.html (дата обращения: 13.03.2020).

8. Трубецкой Н. С. Избранное / [сост., авторы вступ. ст., коммент. О. В. Волобуев, А. Ю. Морозов]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 616 с.

9. Чемоданов И. В. Парижская Коммуна. Что это было? // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 1–1. С. 98–102.

10. Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 744 с.

11. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1962. Т. 22. С. 189–201.

12. Élections municipales du 26 mars 1871 à Paris [Электронный ресурс] // Wikipédia L'encyclopédie libre que chacun peut améliorer. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/%C3%89lections_municipales_du_26_mars_1871_%C3%A0_Paris (дата обращения: 13.03.2020).

13. Merriman J. Massacre. The life and death of the Paris Commune of 1871. New Haven and London: Yale University press, 2014. 336 p.

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ
НАСЛЕДИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА
И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ
СОВРЕМЕННОСТИ

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_151

**К вопросу о региональной
«интеллектуальной идентичности»**

Николай Федосеевич Зюзев,

доктор философских наук, профессор кафедры философии,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина;
старший научный сотрудник,
Международный центр социальных исследований
(Сыктывкар, Россия)
e-mail: nzyuzev@gmail.com

Аннотация. Успешное экономическое и культурное развитие российских регионов невозможно без ясной и привлекательной идеи об их своеобразии, уникальности исторической судьбы и перспективах на будущее. Иначе говоря, каждый регион нуждается в определении своей идентичности, или своего «лица», что далеко не ограничивается лишь экономикой, историей, географией, языком или границами. Привлекательный образ региона создать нелегко — особенно если там не так легко найти высокооплачиваемую работу, а климат отнюдь не «курортный». Чтобы людям хотелось жить на данной территории, у них должны быть поводы ею гордиться — а гордость не может обуславливаться только материальными причинами.

Одним из факторов привлекательности может служить высокая научная — и в целом интеллектуальная — репутация региона. Но при этом надо учитывать, что она складывается не только из наличия учебных и научных учреждений. Необходимо также создавать атмосферу особого внимания и интереса — со стороны властей и населения — к ученым, образованию, научной мысли и научной традиции. Добиться этого в провинции — это очень сложная задача. Талантливые люди, как правило, на периферии не задерживаются. Дар и амбиции зовут их «покорять Париж», и они, уезжая в столицы, обычно теряют связь с малой родиной навсегда.

Однако «трудно» не означает «невозможно». Как показывает практика, при должном желании и усилении можно вернуть имя ученого и прочно связать его с регионом. Именно так было с Питиримом Сорокиным, связанным с Коми землей лишь ранним детством, но теперь благодаря деятельности Сыктывкарского государственного университета и Центра «Наследие» его имя стало брендом, который воспринимается как органическая часть имиджа республики. Конечно, этого не удалось бы добиться без поддержки руководства Коми республики.

Вместе с тем вызывает сожаление, что в тени остаются другие значимые имена, исторически также прочно связанные с Коми. Например, Лев Карсавин, выдающийся представитель русской философской школы Серебряного века, чья судьба закончилась трагически в заключении в лагере под Интой. Представитель того же поколения, что и Сорокин, также отправленный в эмиграцию на «философском пароходе», он был до ареста профессором Вильнюсского университета, и его имя пользуется огромным уважением в этой стране. В этом году у Карсавина двойная круглая дата — 140 лет со дня рождения и 70 лет со дня смерти. Думается, что это хороший повод, чтобы вернуть внимание к Карсавину и его идеям, сделать их предметом научного интереса в республике. Тем более что это

создает возможности широкого сотрудничества с российскими и литовскими коллегами.

Практически игнорируется в республике философское наследие Василия Васильевича Налимова (связанного с Коми через своего отца, выдающегося этнографа Василия Петровича Налимова, уроженца села Вьльгорт). Человек трагической судьбы, чудом выживший в заключении на Колыме, Василий Налимов был одним из крупнейших русских философов позднего советского периода. К сожалению, большая часть его оригинального философского наследия остается неизвестной отечественным специалистам. Свои главные книги он печатал в США на английском языке, и они недоступны ни рядовому читателю, ни даже ученым.

Память об ученом и политике Револьте Пименове еще сравнительно свежа. Но его научное наследие — а Пименов был автором интересных исторических и политологических трудов и теорий — по сути, лежит невостребованным. Очень важно его тексты, несмотря на всю неоднозначность их содержания, не только спасти от забвения, но и найти им подобающее место в истории интеллектуальной мысли республики.

Парадоксально, но даже Каллистрат Жаков, учитель Сорокина и первый коми профессор философии, изучен в Коми лишь частично — в его художественном наследии. Но он совершенно неизвестен как философ. Его главный философский труд «Лимитизм» издавался единственный раз в Риге в 1929 г. В Коми республиканской библиотеке хранится единственный ксерокопированный экземпляр этого издания. Когда специалисты Сыктывкарского университета подали заявку на переиздание книги в 2022 г. по государственной программе издания социально значимой литературы, она была отвергнута. О каком уважении к научному наследию региона (и гордости за его научный потенциал) вообще может идти в таком случае речь, если оно попросту замалчивается? Можно привести и

другие примеры. Скажем, забыты социально-политические проекты одного из создателей Коми автономии Дмитрия Батиева, позднее обвиненного в «национализме» и репрессированного. Вообще надо помнить, что общественная мысль существует не только в форме философских трактатов и монографий, но и в виде живой дискуссии на страницах газет и журналов, в виде выступлений на разного рода встречах и заседаниях или даже частных записок, дневников, мемуаров и т. д. В этом смысле внимания заслуживает огромный объем материала и множество имен. Например, такая яркая личность, как Геннадий Анатольевич Юшков, талантливейший коми писатель и общественный деятель, чье 90-летие со дня рождения отмечается в этом году. Изучение его публицистических текстов и архивных записей было бы важным вкладом в сохранение интеллектуальных богатств региона.

Совершенно очевидно, что задачу создания у республики высокой научной репутации невозможно реализовать без организационной и моральной поддержки Правительства и Госсовета Республики. Предлагается на основе Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (и с учетом успешного опыта этого вуза по исследованию и популяризации творчества выдающегося социолога) принять государственную программу по исследованию творческого наследия философов и социальных мыслителей, чьи имена связаны с Республикой Коми. Реализация такой программы станет важным шагом по улучшению имиджа республики, освободив ее от привычных стереотипов (ГУЛАГ, тюрьмы, лесоповал и морозы) и представив ее в новом свете — как современной, обращенной к науке, познанию, исторической памяти и будущему — что, собственно, и является основой патриотического отношения к своей родине, как большой, так и малой.

«Пути любви»: опыт измерения чувств в социологии

Лариса Юрьевна Логунова,

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологических наук,
Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)
e-mail: vinsky888@mail.ru

Антонина Николаевна Уткина,

кандидат социологических наук, доцент
Беловский институт (филиал)
Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия)
e-mail: uan69@bk.ru

Аннотация. Социология — это наука о счастье человека в мире людей. Этой метафоричной и точной мыслью в начале своей научной карьеры П. А. Сорокин определил предмет социологии. Ему удалось социологизировать проявление чувств, неподвластных научным, юридическим, духовным институтам общества. Создателя теории мобильности, интегральной социологии в научном мире называют автором теории альтруистической любви, «адептом и апостолом любви».

Самое мощное и безопасное оружие во Вселенной — это любовь, спокойствие, благодарность, прощение, фактор обретения здоровья и долголетия, защита от неудач.

Концепция социологии любви [5; 9; 10] определяет, что бескорыстная любовь — это сила, способная остановить межличностные, межгрупповые и международные конфликты, превратить враждебные отношения в дружеские. Если ненависть рождает ненависть, то Любовь преумножает любовь. Бескорыстная и мудрая любовь является жизненной силой, необходимой для физического, умственного и нравственного здоровья [2].

Понятия «альтруизм» и «любовь», согласно П. А. Сорокину, синонимичны. Альтруистическое поведение проявляется в кри-

зисных ситуациях, когда люди объединяют усилия в противостоянии общей угрозы (наводнение, пожар, военная агрессия). И тогда они становятся братьями «в некотором особенном смысле». Взаимопомощь есть способ производства любви, который обеспечивает социальной группе фундамент благополучия.

Опубликованные П. А. Сорокиным постулаты социологии любви вызвали насмешки коллег. Но социолог отстаивал свое видение мира, наполненного энергией любви, «в котором Бог и природа, истина, доброта и красота, религия, наука, искусство и этика были объединены в единой гармонизированной системе». Он объявил альтруистическую любовь одним из важнейших предметов познания, которая будет «наиболее важной областью исследований в будущем». При всей критичности, с которой можно отнестись к некоторым умозаключениям социолога, очевидно, что он сформулировал рецепт самосохранения человечества.

«Пути и власть любви» — это глубокая идея для формирования фелицитарной методологии в социологических исследованиях. Но продолжений исследований влияния любви на жизнь социума не последовало. Определилась проблема методологического значения работы П. А. Сорокина в социологии, связанная с отсутствием методики изучения человеческих чувств. Измерению любви нет места в эмпирическом мире. В науке нет единицы измерения этой энергии. П. А. Сорокин подчеркивал, что энергия любви несводима к скалярным физическим величинам, ее свойства качественные, не количественные. Мы можем грубо оценить, когда ее интенсивность, экстенсивность, чистота, длительность больше или меньше. Она как айсберг: только малая часть его является видимой, эмпирически воспринимаемой и наблюдаемой [5, с. 123].

Парадокс заключается в том, что любовь — центральная тема в человеческих отношениях, но в науке о человеке ей практически нет места. Наука проявляет внимание к изучению пре-

ступников, душевнобольных, индивидов, живущих в условиях эксклюзии. Жизнь святых, гениев, просто счастливых людей выпадает из сферы интересов современных ученых. Взаимопомощь, любовь, сострадание оказываются на периферии исследований политических взаимодействий, экономического поведения. Следовательно, ученым легче анализировать типы действий социопатов, чем уникальный эмпирический материал о жизни счастливых людей.

В науке не сложился опыт работы с методическими инструментами для измерения того, что не проявляет себя с визуальной очевидностью. Измерительных техник и социологического инструментария для изучения чувств не существует. Доказывать существование того, что трудно квалитетировать, — благодарное занятие для исследователя. Нет инструмента измерения факта — нет факта! Личность в социологии описывается в проекциях социальных статусов и ролей, рассматривается в качестве исполнителя социальной функции. Экономическая и менеджеральная рациональность не может понять суть действий, основанных на чувствах и эмоциях, а не на ориентации на цель.

Абсурдно считать, что антропоморфная функция, рожденная для выполнения социальной пользы, способна любить, быть счастливой. Отсутствие чувств — это шоковое состояние. Получается, что социология — это наука без человека и без его счастья, исследующая социально ориентированное существо в состоянии шока. Личность, которую изучает наука о человеческих отношениях, есть функционирующая субстанция, лишенная эмоций, желаний, включенная в машину социальных институтов. Человек выглядит правильной, поведенчески предсказуемой конструкцией рационально выбирающей стратегии с ориентацией на социально одобряемые нормы и правила.

В качественной парадигме гуманитарных наук сложился терминологический аппарат для исследования сферы чувств. Наукой востребованы исследования чувств, значимых для ста-

новления социально и психологически здоровой личности. Феноменология оперирует категориями «опыт», «смысловые структуры», «чувства», «интенции» (В. Дильтей, Э. Гуссерль, А. Шюц). Переживания делают человека полноценной, «исполненной» личностью (К. Роджерс) [4]. Сопровождаемые энергией чувств «личностный рост», «самоактуализация», «потребность в совершенстве», по мнению А. Маслоу, есть универсальные тенденции развития человека» [3, с. 26]. В. Э. Франкл рассматривает любовь как пространство, где реализуются ценности переживания [7]. Любовь есть переживание Другого во всем его своеобразии и неповторимости. Ценность личности любимого реализуется в переживаниях любящего.

Любовь трактуется в понимающей социологии как форма поведения. Это, по мнению Г. Зиммеля, «великая формообразующая категория сущего», исключая эмпирические измерения. По его мнению, любовь больше, чем жизнь. Она противоречива, так как отрицает сама себя, отчуждается от социальных правил жизни. Она трансцендентна и жизненно опосредована. Трагедия Ромео и Джульетты обусловлена мерой их любви [1].

Таким образом, «понимающая» позиция видит категорию «любовь» методологическим инструментом, теоретической универсалией для объяснения явлений духовной жизни людей. Она сопрягается со всеми сферами желаний человека в его жизни, такими как благополучие, здоровье, свобода, гармония отношений. По мнению А. И. Стронина, разные уровни любви обладают общим признаком — возможностью и способностью быть самодостаточным чувством человека. Настоящая любовь не требует взаимности. «Мать любит дитя, даже не любящее ее, патриот любит отечество, даже ненавидящее его, филантроп любит человека, даже не могущего его любить либо незнающего его. Чем количественнее предмет любви, ... тем любовь возвышеннее, чем единичнее, тем эгоистичнее» [6, лист 47].

Категория «любовь» становится инструментом для объяснения степени здоровья и благополучия человека, причины их наличия или отсутствия. П. А. Сорокин доказывает, что благополучие рождается из альтруистического настроения, благородных поступков человека, обеспечивающих ему здоровье и долголетие. Любовь лечит и оживляет ум и организм индивида, проявляет себя как решающий фактор жизненного, ментального, морального и социального благополучия и развития индивида [5, с. 130]. Социолог представил данные сравнительного анализа историй жизни христианских святых, изучив продолжительность жизни 3090 католических и 415 русских ортодоксальных святых. Их возвышенное альтруистическое поведение обеспечило им более продолжительную жизнь, чем их менее альтруистичным современникам. Альтруисты живут дольше эгоистов. «Добрый и приветливый человек дольше живет, у него меньше проблем со здоровьем в отличие от недоброго и одержимого ненавистью человека» [10, р. 61].

Благодаря чувству любви, человек обретает позицию «выше опыта». Это позиция ноологического свойства, почти божественная суперпозиция, которая позволяет ему увидеть лучший вариант выхода из затруднительных ситуаций. Эта позиция основана на опыте сострадания и мудрости. Когда Бог страдает, он становится человеком. Когда человек любит, он становится Богом. Любовь делает личность в ее переживаниях уникальной, перевоплощает индивида в человека, а человека в праведника. Люди тянутся к праведникам, им свойственно подражать в своих действиях героическим поступкам. «Духовное творчество и бескорыстная любовь великих учителей человечества вдохновляет легионы учеников и последователей. Скромность добрых поступков нравственно облагораживает окружающих» [5, с. 123].

Любовь надстраивается над жизнью современного прагматика. Любящим человеком трудно манипулировать, его личностные диспозиции практически не поддаются осмыслению в

социологии управления. Он принимает решения с установкой на жертвенность, его альтруизм вне рамок действия маркетинга и менеджмента, его смыслы противоречат всем теориям рационального выбора. У любящих людей редко бывает накоплено богатство. Их поведение противоречит логике обычного человека, заботящегося о материальном благополучии своей семьи. Но это благополучие другого рода — согласие с природой своего сердца, обеспечивающее человеку здоровье, долголетие, богатство духовного опыта. Самый богатый тот, кто может подарить любовь. История не помнит имен тех удачливых граждан, которым св. Франциск Ассизский раздал свое богатое наследство. Но нищий св. Франциск вошел в историю в качестве примера следования христианским заповедям любви.

Любовь мешает жизни организаций и институтов, она вторгается в бюрократический порядок, несет ему угрозу своей иррациональностью. Политики лукавят, говорят о важности любви в жизни общества. Определяя стабильность общественного устройства, управляемость общественным сознанием граждан более актуальными ценностями, чем свобода личности, они практически отрицают свободу, которая является составляющей чувства любви. Для любви нет места в обществе, управляемом законами бюрократии. Любовь приобретает политический смысл — это свобода не быть управляемым.

Сексуальная интимная часть любви — это свобода общения, способ познания людьми друг друга. Акт любви аналогичен акту творчества, в результате которого рождается произведение искусства или новый человек. Любовь становится категорией, объясняющей процессы социального и художественного творчества.

Любовь — неисчерпаемый жизненный ресурс, который можно производить, накапливать, распространять, передавать по наследству, считает П. А. Сорокин. Это «бесконечный универсум», который облагораживает, поддерживает и воссоздает

биологическую, социальную и культурную жизнь человечества [5, с. 123]. Можно объяснить войны и битвы санкцией отказом от альтруистических позиций инициаторов конфликтов. Никакие политические средства не смогут предотвратить будущие самоубийственные войны, установить гармоничное устройство в человеческом универсуме» [5, с. 123]. Концепция мира и геополитических взаимодействий покоится на увеличении производства и распространения энергии неэгоистической любви. Мы получаем эпидемии, геокатастрофы как реакцию ноологической оболочки планеты на нелюбовь, которую направляем на партнера по взаимодействиям макро- или микроуровня.

На микроуровне неудачи объясняются отсутствием необходимого запаса любви для построения пространства благополучия. Сколько бы человек ни жаловался на отсутствие удачи, пока он не начнет с благодарностью воспринимать кризисную ситуацию, накапливая любовь, его будут преследовать неудачи. Потомок, получивший богатство, принимает в наследство запас любви, накопленный предыдущими поколениями его родственников, выраженный в материальных ценностях. Здоровье членов рода — это запас любви, передаваемый младшим поколениям. Потомки могут накопить еще больше любви и преумножить богатство. Наоборот, недостойное поведение приводит к разорению, страданиям, неудачам в отношениях, болезням. Личности и целые социальные группы, испытывающие неудобства бедности, утратили, израсходовали запас любви. Столкнувшись с кризисной ситуацией, они поставлены в условия необходимости производства любви. С такой позиции можно объяснять безденежье учителей в России, которые в условиях кризиса института образования имеют возможность исполнять свой долг любви к ученикам.

Производство энергии любви заключается в повседневных практиках жертвенности. Мать жертвует своему ребенку жизнь, время, внимание, гражданин жертвует своей стране способно-

сти, исполняет гражданский долг. Чем затруднительнее производство любви, тем проблематичнее достижение благополучия. Любая организация, не учитывающая интересы сотрудников (их комфорт, необходимость восполнять ресурсы здоровья), не проявляющая заботу об их будущем, нежизнеспособна. Создание благотворительных мероприятий и фондов, добровольное пожертвование части прибыли сохраняет фундамент энергии любви для успехов.

Малоизученной в науке остается тема влияния методик духовных практик, медитаций, танцев, художественного творчества как способов накопления любви на гармонизацию отношений людей на микро- и макроуровнях. Практически не изучается опыт процветания «счастливых организаций», работающих на идее понимающего менеджмента, бережно относящегося к кадровым ресурсам.

Любовь — это будущее человечества. Альтернативные варианты развития мира людей ведут к тупику: войнам, конфликтам, самоуничтожению. Это игры амбиций персоналий разного уровня. Энергия любви, накапливаясь и приумножаясь, рождает сверхлюбовь — особое состояние общественного сознания, о котором писал Т. де Шарден. Так рождается ноосфера — мыслящая оболочка планеты. «Точка Омега» становится кульминацией этого процесса, когда индивидуальные сознания, наполненные любовью, объединяются в сверхсознание — «дифференцированное единство». Смысл дальнейшего развития человечества — укрепление ноосферы. Т. де Шарден определяет векторы будущего развития: многократный рост значения науки в жизни общества; определение человека в качестве главного объекта научных исследований; соединение постулатов науки и религии [8]. Возникновение сверхсознания связано с накоплением энергии любви. Эту форму сознания, как отмечает П. А. Сорокин, современная наука не признает.

Таким образом, П. А. Сорокин сделал вклад в осмысление человеческих отношений. Любовь как теоретический конструкт помогает расширить границы социологического понимания мира людей. При всей гипотетичности концепции социологии любви проблема ее исследования заключается в проблеме измерения неочевидного. Но игнорировать то, что современной науке о человеке трудно измерить, — значит недооценивать опыт «величайших побед человека в области истины, красоты и добра» в развитии общества. Самое мощное и безопасное оружие во Вселенной — это любовь, спокойствие, благодарность, прощение, фактор обретения здоровья и долголетия, защита от неудач.

1. Зиммель Г. Созерцание жизни // Избранное : пер. с нем. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга, 2014. 557 с.
2. Медведько Ю. Питирим Сорокин за 90 минут. М.: Аст; СПб.: Сова, 2006. 94 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. : пер. с англ. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
4. Роджерс К. Р. Становление личности: Взгляд на психотерапию : пер с англ. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 416 с.
5. Сорокин П. А. Тайнственная энергия любви // Социс. 1991. № 8. С. 121–137; № 9. С. 144–159.
6. Стронин А. И. Теория личности (по материалам рукописи) : монография / авт.-сост. научного исследования К. К. Оганян. М.: ИНФРА-М, 2012. 144 с.
7. Франкл В. Э. Человек в поисках смысла : пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
8. Шарден де П. Т. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М.: Прогресс, 1965. 296 с.
9. Sorokin P. Altruistic love: A study of American «good neighbours» and christian saints. Boston, 1950. 253 p.
10. Sorokin P. The ways and power of love: Types, factors and techniques of moral transformation. Boston, 1954. 552 p.

Культурный и технологический портрет современной социальной реальности

Александр Иванович Лойко,

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой «Философские учения»,
Белорусский национальный технический университет
(Минск, Республика Беларусь)
e-mail: alexander.loiko@tut.by

Аннотация. В статье рассмотрена проблема сопряжения культурного и технологического портретов современной социальной реальности. На основании системной методологии П. Сорокина ставится задача изучения разной по скорости динамики цивилизационных процессов. Показано, что портрет современной социальной реальности формируют коммуникации цифровых экосистем. В этом портрете нарастает присутствие институциональная нормативная компонента. Она призвана стабилизировать ментальное здоровье общества в условиях сопряжения инфодемии, датадемии с коронавирусной пандемией.

С позиции широкого понимания культуры портрет социальной реальности предполагает такую характеристику, как социальная мобильность. Эта характеристика обосновывается бурным развитием цифровых технологий, удаленных форм труда, гибкими формами е-занятости. Из высокой социальной динамики технологических перемен следует феномен неопределенности. Он делает неясной ситуацию соотношения старой и новой нормальности. Учеными МГУ имени М. В. Ломоносова на основе методологии Т. Куна была осуществлена реконструкция философских оснований неопределенности через динамику парадигм модерна и постмодерна [1].

Н. Н. Талей одним из первых предложил видеть неопределенность как часть социальной реальности. Сформулированная

им концепция включает ряд принципов. Первый принцип гласит, что нелинейная динамика неожиданных событий имеет объективный характер. Второй принцип поясняет, что события, которые происходят очень редко и неожиданно, оказывают значительное влияние на социальную мобильность. Таким неожиданным событием может быть эпидемия [2]. Третий принцип трактует неопределенность как ресурс роста общества [3].

В 2020 г. ООН представила доклад «Социально умные устойчивые города». Отдельным пунктом в нем выделена пандемия [4]. Город и эпидемия стали постоянной темой исследований [5]. По итогам системного подхода к социальной реальности выявлены основные содержательные компоненты ее культурного и технологического портрета. В этом портрете коммуникация имеет цифровой и опосредованный характер. Работодатели активно используют режим удаленной работы. Приоритетом является гигиена сотрудников и рабочего места. Целью — снижение рисков распространения вируса. Эта ценность детерминировала архитекторов и дизайнеров. Разработаны и внедрены офисы-трансформеры.

Управление персоналом ориентировано на эффективное использование основных каналов коммуникации и общность целей. Вследствие этого ускорилось внедрение цифровых технологий. Доминантной стала концепция цифровых платформ и цифровых экосистем. Это основные координаторы оказания услуг участникам сетевой коммуникации, как производителям, так и потребителям. Реализацией стали маркетплейсы. Они вошли в институт сервисной интеграции. Выросла роль сервисных интеграторов и сетевых платформ взаимодействия участников социального пространства. Произошло переосмысление логистики, маркетинга и ритейла. Используются результаты исследований в области поведенческой экономики.

Приоритетной стала системная инженерия. Менеджеры создают принципы работы цифровой экосистемы. Разработчики

проектируют сетевую инфраструктуру. Юристы думают о том, как создать соответствие между технологическими процессами и нормативными компонентами институциональной деятельности финансово-технологических компаний. Произошла конвергенция институциональных структур социального пространства. Ее обеспечивают внутренние и внешние цифровые экосистемы.

Внутренняя цифровая экосистема трансформировала корпоративное пространство деятельности сотрудников. Внешняя цифровая экосистема осуществила конвергенцию услуг на основе интернета вещей. Она интегрирована с пользователем социальной сети, являющимся потребителем услуг и сервисов. Ключевым фактором является технология единого входа. Это коммуникация единой учетной записи во множестве цифровых сервисов. С помощью одного логина и пароля пользователь входит в различные сервисы и переходит между ними без повторной проверки учетных данных.

В результате с данными, которые вводятся в информационную систему, можно работать в других информационных системах. Агрегация данных создает возможность пользоваться инструментами аналитики. Профессиональная деятельность социальных акторов во многом стала связанной со сбором данных, рекламой и координацией коммуникации участников социальной сети в потребительском сегменте услуг. Возникла гибридная реальность человеко-машинного взаимодействия социальной реальности с мобильными сервисами. Возросла роль центров больших данных, поскольку данные о пользователе архивируются в режиме обратной связи.

Цифровые экосистемы сформировали свою архитектуру с уровня поисковых систем. Они стали результатом конвергенции поисковых услуг. В их числе сервис почты, агрегатор новостей, реклама, словари и сервис поиска работы. С расширением набора сервисов увеличились ресурсы данных о пользователях этих сервисов и их потребностях.

Новая технологическая реальность создала новые цифровые поколения. Это поколения миллениалов (Y), центениалов (Z) и альфа. Методологическую основу теории поколений сформулировал К. Мангейм [6]. Он сформулировал методiku распознавания поколений по критериям социологии [7]. У. Штраус и Н. Хау локализовали теорию поколений англо-американской спецификой [8].

Первым цифровым поколением стали миллениалы 1982–1995 годов рождения. Это поколение выросло в условиях домашнего уюта и с трудом расстается с родительским домом. Ему нравится то, что родители обеспечивают домашний уют и не могут вмешиваться в его цифровую культуру из-за незнания этой культуры. Индивидуальная свобода и родительский дом так и не сформировали у миллениалов культуру личной безопасности. Это поколение открыто любой информации и само предоставляет конфиденциальную информацию в социальную сеть. Открытость социальной сети объясняется тем, что миллениалы открыли для себя мир информации и на этой основе стали доверять любому источнику информации. Им нужно было, как первому цифровому поколению, накопить опыт для осмысления феномена информации. Им было трудно представить, что на информацию распространяются критерии, применяемые к верификации знаний.

С точки зрения профессиональной деятельности миллениалы соблюдают принципы субординации, выполнения сроков и понимания корпоративной ответственности. Представителям этого поколения свойственна кропотливость, терпение, доведение проектов до финальной реализации. На смену миллениалам пришло поколение Z 1997–2012 годов рождения. Это люди, социализация которых шла в человеко-машинном режиме постоянного ношения с собой айфона или смартфона. Этими людьми выработана культура постоянного опосредованного контакта с людьми. Они не могут находиться даже ограниченное время вне этого контакта. Ими ценится именно опосредованный контакт. Так, де-

вушка, идущая с парнем, находится в режиме постоянного телефонного контакта с абонентом. Парня это не обижает, поскольку он сам находится в режиме опосредованной коммуникации.

Из-за потребности в режиме постоянного контакта поколение Z не переносит одиночества. Оно непрерывно находится в социальной сети. Ценностью для него является возможность диалога в цифровой модификации. Эта модификация созвучна коллаборации молодежи. Поведение формируется реакцией через текст и изображение. В коммуникации особая роль отводится изображению, смайлику, мему. Они стимулируют диалог и формируют основу обратной связи. В результате первичные психические процессы памяти, внимания, мышления трансформируются в социокультурные процессы образа жизни.

Центениалы оказываются в ситуации синергии, консенсуса, участия, переживания, формирования идей, проектов, программ совместной деятельности и социальной активности. Они проходят стадии адаптации к формирующейся ситуации диалога, осмысления организационной структуры и социальной иерархии, трансформации дискуссионной площадки в пространство возможностей для диалога. Коммуникационные процессы регулируются ресурсами культуры, накопленными участниками диалога. В раскрепощенной обстановке тестируется способность каждого отдельного участника сохранять верность диалогу и противостоять эгоистическому стремлению превратить его в монолог.

В отличие от миллениалов центениалы проявляют большую осторожность к социальным сетям. Они не склонны предоставлять избыточную информацию о себе. Для них Интернет стал площадкой для поиска информации, создания собственного бизнеса. Прагматичные интересы доминируют над эмоциональными интересами многочасового общения в социальной сети. Вследствие этого поколение Z рано начинает самостоятельную трудовую деятельность и активно сочетает ее с процессом полу-

чения образования. Это поколение сочетает прагматику с интеллектуальными размышлениями о перспективах человечества. Его волнует экология и неопределенность в социальной динамике. Из-за этого поколению Z свойственна большая тревожность и забота о личном здоровье. Это поколение также беспокоит страх пропустить в жизни что-то значимое. Для него представителей важную роль играет репутация и поиск истины.

Многокомпонентность современной ситуации создает комплекс эмоциональных переживаний, ревности, претензий на лидерство. Высоки риски конфликтных ситуаций. Вследствие этого для поколений Y и Z характерны страх и неуверенность. Это побудило говорить о ментальном здоровье этих поколений в ситуации, когда пандемия усилила эту неуверенность и неопределенность.

Цифровые поколения достаточно позитивно отнеслись к феномену виртуального рынка труда. Под влиянием пандемии сформировалась тенденция усиления роли на рынке труда нестандартных форм занятости. Они характеризуются категориями полной стандартной занятости и нестандартных форм занятости. Сформировалась политика флексиkjюрити [9]. Она включает новые механизмы правового регулирования трудовых отношений на основе социальных моделей занятости. Одной из таких моделей стала e-занятость. Она допускает нахождение работника на расстоянии от работодателя. Удаленная форма занятости обеспечивается цифровыми технологиями. Они создают условия для профессионального общения, контроля, передачи заданий, результатов труда, оплаты труда.

E-занятость является модификацией постоянной работы в конкретной организации. Одной из ее модификаций является фриланс. Эта форма прямых отношений заказчика и исполнителя (индивидуального предпринимателя) через сайт, на котором исполнитель размещает образцы для потенциальных заказчиков. Получив заказ, фрилансер его выполняет и отправляет через социальную сеть продукт, оплата которого производится заказчиком через механизм электронного банкинга. Институци-

ональный статус фриланса имеет правовую регламентацию и регистрацию для осуществления налоговых отчислений от получаемой прибыли. Создана система инфорсментга.

Фриланс зависит от электронных платежных систем. Для него актуальна доступность технологий электронной подписи и электронного документооборота. Для удаленных форм занятости важным является наличие образца электронного трудового договора. Функции отдела кадров переходят в виртуальную сферу.

Информационные платформы рынка труда координируют отношения значительного числа сотрудников. Они представлены биржами труда для IT-специалистов, студентов и выпускников вузов в форме сайтов государственных органов и электронных досок объявлений. Важную роль играют сетевые консультационные образовательные институты рынка труда.

Центениалы обусловили активное использование в профессиональной деятельности экологической терминологии [10]. Культивируется тезис о том, что экосистема организации находится в состоянии динамического равновесия, когда ее развитие соответствует ценностям самоорганизации и адаптации. Ресурсом устойчивости является диапазон толерантности и экологическая среда. Используется механизм экологической синхронизации социальных акторов с сайтами. Эта модель лежит в основе функционирования цифровой экосистемы, которая использует принцип одного окна. Она функционирует в едином мобильном приложении. В условиях роста количества данных она адаптируется к требованиям участников сети.

Цифровая экосистема предполагает серверную инфраструктуру, которая становится ресурсом, поскольку возникает возможность сдавать мощности серверов в аренду на основе принципов коллаборации. В секторе потребительской коммуникации ключевую роль стали играть маркетплейсы и ритейлеры. Доставка заказа на дом трансформировала образ жизни покупателей и их коммуникацию.

Человеко-машинные технологии актуализировали в содержании культурного и технологического портрета социальных акторов трудную проблему сознания. Эта проблема подчинена задачам не только технологического детерминизма, но и культурного. Сторонники технологического детерминизма хотят максимально передать роботам и смартфонам функции сознания человека. Сторонники культурного детерминизма хотят выявить закономерности взаимного влияния функций сознания индивида и функций кибернетических устройств. Эта задача входит в предметное поле когнитивных наук.

Таким образом, культурный и технологический портрет современной реальности выразился в цифровых экосистемах и цифровых поколениях. Особенности поколения центениалов акцентированы на ситуации неопределенности, которая мотивирует участников коммуникации больше внимания уделять рискам, здоровью и безопасности.

1. «Новая нормальность»: новые медиа и политические коммуникации. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2015. 316 с.
2. Талеб Н. Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, 2009. 528 с.
3. Талеб Н. Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2014. 768 с.
4. Социально умные устойчивые города. Женева: ООН, 2020. 93 с.
5. Лойко А. И. Город и эпидемия // Социальные практики и развитие городской среды. Минск: БГУ, 2021. С. 184–188.
6. Mannheim K. Das Problem der Generationen // Kölner Vierteljahreshefte für Soziologie. 1928. Nr.7. Ss. 158–187.
7. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений. Состязательность. Экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8–63.
8. Howe, Neil; Strauss, William (1991). Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company.
9. Лойко А. И. Смарт-индустрия и тренды трансформации рынка труда // Инновационные процессы в науке и технике. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2021. С. 85–87.

10. Loiko, A.I. Technology of digital ecosystems // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2022. № 1 (10). Рр. 51–61.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_172

П. Сорокин: коммуникация в структуре личности

Лариса Егоровна Лойко,

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и идеологической работы,
Академия МВД Республики Беларусь
(Минск, Республика Беларусь)
e-mail: larisa.loiko@tut.by

***Аннотация.** В статье рассмотрена роль коммуникации в структуре личности. П. Сорокин пытался разработать и осуществить программу моральной реконструкции личности. В начале XXI столетия эта программа актуализирована в контексте нарастания рисков социальной и геополитической стабильности.*

П. Сорокин всегда уделял внимание личности [1]. Это была общая направленность на исторический процесс, в котором важно было определить судьбу человека [2]. Мыслителю был чужд космополитизм. Он осмыслял процессы в России на основе патриотического мировоззрения, основанного на механизмах исторической памяти.

Неумение соотнести себя с эпохами истории, выделить общие и особенные черты, указать причины, механизмы, факторы, движущие силы смены эпох и времен нельзя компенсировать объемом учебного материала. Так же как в естествознании основой познания является математика, для приобретения профессиональной социально-гуманитарной направленности необходимы знания по всемирной, региональной, национальной истории. Эти знания должны строиться на ясной и апробированной в науке

методологической основе. В XX веке такой основой стали формационный и цивилизационный подходы. П. Сорокин был сторонником цивилизационного подхода [4]. В нем он отмечал феномен кризиса культуры [3].

В современной техногенной цивилизации быстрыми темпами развиваются средства коммуникации, накоплены значительные объемы информации, что требует их измерения, классификации, повышения полноты, точности. Использование информации при реализации образовательного процесса основывается на индивидуальном подходе. Необходимо минимизировать риски воспитательного процесса за счет повышения точности информации. Ее неопределенность может способствовать манипулированию индивидуальным сознанием, затрагивать гуманитарно-нравственные аспекты духовно-психологического состояния курсанта.

Коммуникация удовлетворяет потребность человека в общении. Особое место в ней занимает утверждение социально значимых ценностей, идеалов, норм, традиций, моральных, религиозных, эстетических предписаний. Формами коммуникации могут быть монолог, диалог, герменевтическое переживание символических форм культуры. Умение понимать и интерпретировать информацию играет важную роль в общении и поведении курсантов. Эта роль повышается в связи с расширением сферы влияния массовой культуры и характерными для нее образцами насилия, агрессии, гипертрофированной сексуальности, нигилизма. Диалог между различными культурами также требует умения понимать свои и уважать чужие ценности. Современная наука в целом успешно отвечает на многие вопросы, связанные с особенностями коммуникационных процессов на уровнях индивидуального и общественного сознания.

Интерес философии к информационно-коммуникативной природе связей в обществе объясняется рядом причин. Во-первых, накопленные в настоящее время объемы информации и развитие средств коммуникации требуют их измерения, классификации, повышения полноты, точности, пропускной способно-

сти при передаче информации. Во-вторых, в социальных технологиях и социальном прогнозировании неопределенность информации может привести к манипулированию общественным и индивидуальным сознанием.

Качественно новый этап в развитии интеллектуальных систем представляет собой искусственный интеллект. Он связан с переходом от доминирования программ к доминированию данных в них; от машинного слова, размещенного в одной ячейке памяти, к векторам, массивам, файлам, спискам, абстрактным типам данных, выполняющим функцию представления знаний и их интерпретации.

Представление знаний в ЭВМ реализуется на основе создания изоморфной структуры человеческого мышления, ее имитационной модели. Эта модель трансформируется в компьютере в зависимости от задач: поиска, оценки, игры, изобретения, распознавания. Следующий этап имитации интеллекта заключается в методологической рефлексии, когда предметом мысли является не только вещь, но и сам факт мышления. В результате происходит переход от классической парадигмы искусственного интеллекта («модель-цель») к неклассической («модель-рефлексия»), что позволяет ЭВМ оценивать предыдущие знания и цели. Признаком эволюции систем искусственного интеллекта является способность этих моделей к самообучению, перестройке, выработке схем целесообразных действий на основе заложенных в них правил.

Техническая система перестает быть нейтральной, как только она используется в контексте манипулирования сознанием человека другим человеком.

Индивидуальные консультации позволяют объяснить курсантам, что в процессе массовой коммуникации присутствует цель воздействия на аудиторию, привлечения ее к сотрудничеству, консолидации общественных усилий в критических ситуациях социальной жизни. Манипулирование подменяет эти цели другими, негативными для отдельного индивида, деструктивными для общества.

Под манипуляцией сознанием понимают действия коммуникатора, направленные на изменение психологических установок, ценностных ориентаций, поведения индивидов и целых аудиторий независимо от их желания. Манипуляция обращена преимущественно к сфере бессознательного как на индивидуальном, так и на коллективном уровнях. Эта сфера обладает непредсказуемостью и включает неосознаваемые формы поведения человека. Важную роль в ней играют инстинкты. Они бывают как конструктивными, обеспечивающими самосохранение человека, так и деструктивными, разрушающими жизнь. Именно к сфере бессознательного обращаются, например, манипуляторы социальных сетей с тем, чтобы достичь намеченных целей.

Курсанты информируются о рисках, связанных с включением в подобные практики. Обращается их внимание на то, что в сознании человека существуют защитные механизмы против манипулирования, в первую очередь когнитивные. Знания как проверенный практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности обеспечивают адекватное отражение мира в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Цели в форме идеального образа предполагаемого продукта деятельности структурируют действия и операции. Мотивы побуждают субъекта к деятельности, активности. В роли мотива могут выступать потребности, интересы, влечения, эмоции, идеалы. От мотива следует отличать мотивировки — высказывания, оправдывающие то или иное действие обстоятельствами. Они могут не совпадать с действительными мотивами поведения и даже сознательно маскироваться. Ценности, убеждения, эмоции, чувства обеспечивают эффективность коммуникационных актов и также защищают сознание человека от манипулирования им.

Коммуникативный процесс представляет собой необходимую предпосылку становления личности. Он обеспечивает связь с курсантами, трансляцию социального и культурного опыта, организацию совместной деятельности. Посредством коммуни-

кации осуществляется управление на различных уровнях управляемой самостоятельной работы. Каждый конкретный акт коммуникации формирует собственную коммуникативную цепь. Составными частями коммуникативной цепи в рамках индивидуальной консультации являются коммуникатор, содержание и курсант. Каждое звено оказывает влияние на эффективность коммуникации.

Преподаватель организует индивидуальную работу. Он формулирует цель, определяет и контролирует коммуникационную тактику; собирает и обрабатывает необходимую информацию; формирует содержание сообщения и берет на себя ответственность за него; транслирует сообщение курсанту. На эффективность деятельности преподавателя влияет его психологическая компетентность. Знание психологических типов личности позволяет определить стратегию коммуникативного процесса, прогнозировать его результаты.

Индивидуальная работа строится на когнитивной основе. Ее содержание составляют знания, поэтому она планируется и контролируется преподавателем. В процессе работы выявляются психологический склад, социальный статус, личностные качества и эмоциональные состояния курсанта, что помогает установить с ним обратную связь. В ней преподаватель регулирует распределение и смену ролей, последовательность обмена мнениями, этапы передачи сообщений, продолжительность коммуникации.

На восприятие информации влияет интеллектуальный уровень курсанта. Высокий уровень образования предполагает двустороннее общение, инициирование самостоятельных оценок. Сообщение в этом случае представляет собой текст, который кроме аргументов преподавателя содержит аргументы противной стороны, сопоставление взглядов. В ситуации с низким образовательным уровнем рекомендуется использовать одностороннее сообщение, содержащее только аргументы преподавателя.

Следовательно, выбор типа коммуникации зависит от пола и возраста, типа психики, характера, уровня образования, уста-

новки на диалог. Управляемая самостоятельная работа позволяет преподавателю учитывая эти факторы формировать гражданскую позицию, стимулировать творческое мышление в образовательном процессе.

1. Дальняя дорога: Автобиография / Питирим Сорокин; [пер. с англ., общ. ред., сост., предисл. и примеч. А. В. Липского]. М.: Изд. центр «Терра»: Моск. рабочий, 1992. 302, [2] с.

2. Кризис нашего времени: социальный и культурный обзор = The crisis of our age / Питирим Сорокин. М.: ИСПИ РАН, 2009. 384, [3] с.

3. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. М.: Academia: LVS, 2005. 588 с.

4. Человек. Цивилизация. Общество / Питирим Сорокин; [общ. ред., сост. и предисл., с. 5-24, А. Ю. Согомонова]. М.: Политиздат, 1992. 542, [1] с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_177

Сравнительный анализ концепций государства в современном глобальном мире в аспекте национальной идентичности

Николай Дмитриевич Найденов,

доктор экономических наук, профессор,
Российский университет кооперации (Сыктывкар, Россия)
e-mail: ND.Naidenov@mail.ru

Татьяна Анатольевна Найденова,

кандидат экономических наук, доцент
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
e-mail: NaydenovaTA@mail.ru

Аннотация. В статье обобщаются экономические, этические и национальные подходы к оценке роли государства в современном гло-

бальном мире: концепции П. А. Сорокина, В. И. Ленина, Дж. Ю. Стиглица, А. Пааси и др. Подчеркивается, с одной стороны, неконструктивный характер крайностей в оценке взаимоотношений этнических сообществ и государств, придание исключительного символического, бессодержательного значения взаимосвязи этнических сообществ и государства — с другой. Противопоставляется национальный фундаментализм, требующий создания национального государства на базе этнического сообщества, и национальный нигилизм, игнорирующий национальный фактор развития общества.

Актуальность сравнения различных концепций государства обусловлена дальнейшим развитием современных представлений о государстве и межнациональных отношениях. Методы исследования: изучение теоретического наследия, обобщение фактического материала, анализ, синтез, диалектика.

Материалы и обсуждение

В качестве рабочего определения государства в данном исследовании будем использовать следующее: государство есть организация общества, в которой граждане имеют права и обязанности по обеспечению устойчивости общества и его безопасности, в том числе право и обязанность действовать в интересах общества в случае неопределенности.

Под государством часто понимается власть. Перед властью в каждом обществе ставятся задачи, решение которых требует выполнения множества функций, которые могут быть сведены к трем основным: законодательной, судебной и управленческой (исполнительной). Под управлением будем понимать функцию государства по обеспечению стабильного, неспонтанного, не допускающего больших колебаний развития экономической и социальной сфер общества и по укреплению его безопасности. В данной статье термины «управление», «координация», «регулирование», «руководство», «упорядочение», «приведение в порядок» используются как синонимы.

Обзор литературы

По мнению В. И. Ленина, государство есть орган классового господства, организация насилия. Ввиду своей классовой природы ни одно государство не может быть ни свободным, ни народным. Однако при социализме природа государства несколько меняется. В некотором смысле государство перестает быть государством, поскольку в обществе командные высоты занимает общественная собственность на средства производства. Образцовым примером социалистического государства В. И. Ленин называл организацию почтовых служб, в которых есть централизованное управление, нет привилегий и высоких жалований [3, с. 1–120].

В. И. Ленин не отрицал важного значения чувства национальной гордости, роли языка и патриотизма для общественного развития. Он считал, что содержание интереса национальной гордости совпадает с содержанием социалистического интереса [4, с. 106–110].

Н. А. Моисеенко, М. В. Попов отмечают, что государство является аппаратом для проведения интересов экономически господствующего класса, при этом при социализме государство является органом базиса и выполняет базисные функции [9, с. 127].

П. А. Сорокин обосновал положение, что в истории человечества существуют три суперсистемы: идеациальная, чувственная и идеалистическая. В идеациальной системе люди апеллируют в решении своих общих задач к потусторонним силам, в чувственной — к материальным условиям, в идеалистической — к сочетанию идеационных и чувственных факторов [12].

П. Сорокин считал следование граждан за гражданскими правами и обязанностями, зафиксированными по большей части в государственных нормативных актах, психологическим явлением. Когда граждане действуют с сознанием своего права, выполняют свои обязанности, свой долг, возмущаются подлостью

Х и мерзостью Y, они руководствуются своими убеждениями, которые заложены в психике человека.

В каждой суперсистеме представители власти — это обычные граждане — правители, которые обладают теми же этическими и психологическими чертами и особенностями, что и все граждане, но выполняют функции государства.

Правители, как отмечают П. А. Сорокин и У. А. Ланден, поступают аморально или в рамках двойных стандартов, или в порядке критики и осуждения. Однако реальное улучшение социальной ситуации в обществе наступает вследствие альтруизма, бескорыстных мотивов деятельности, бескорыстной любви [13, с. 129–149].

П. А. Сорокин отрицательно относился к созидательной силе государства.

П. Сорокин призывал отказаться от идеи национального государства, поскольку национальность — это иллюзия единства. Он считал, что национального сообщества как единого социального элемента нет, как нет и специальной национальной связи. То, что обозначается термином «национальность», это на самом деле есть когнитивная неопределенность, нерасчлененное явление, свидетельство неглубокого понимания дела. П. Сорокин считал, что в национальных проблемах и национальном неравенстве специального содержания нет, а есть общая проблема неравенства, выступающая в различных видах и в различных сочетаниях экономических, интеллектуальных, правовых, бытовых, сословных, профессиональных, территориальных факторов. Среди них нельзя отыскать специфического национального фактора среди первостепенных [8].

Тезис об иллюзорности национальной идентичности, выдвигаемый П. А. Сорокиным, близок к концепции Ж. Бодрийера о том, что в современном обществе реальные производственные отношения выражаются в символических формах, в формах си-

муляции реальности, симулякрах с фантомным содержанием [10, с. 23].

В отличие от П. А. Сорокина Дж. Ю. Стиглиц придает государству сугубо материальное значение. Он отмечает, что за XX век роль государства возросла, экономика общества сосредотачивается частью в государственном, частью в частном секторах. Государство компенсирует провалы рынка путём государственного регулирования экономики и обеспечения общества общественными товарами и услугами, способствует преодолению социального неравенства, в том числе неравенства по национальному и территориальному признакам [14, с. 10–16].

Обратимся к концепции современного государства, выдвинутой В. В. Путиным на заседании клуба «Валдай» 21 октября 2020 г. [2] Важнейшими характеристиками современного государства в глобальном мире В. В. Путин отметил следующие:

1. Государство будет жизнеспособным и эффективным. Вопреки рассуждениям тех, кто утверждал и утверждает, что роль государства в глобальном мире сокращается, а в перспективе оно вообще будет заменено какими-то другими формами социальной организации, роль и значение государства важны.

2. Борьба с угрозой коронавируса показала, что эффективно действовать в кризисной ситуации может только дееспособное государство.

3. Сила государства состоит в доверии к нему со стороны граждан. Только через доверие к государству со стороны граждан баланс свободы действий и гарантий безопасности может быть достигнут.

4. Сильное, свободное, самостоятельное гражданское общество по определению национально ориентировано и суверенно.

Мы видим, что в концепции государства В. В. Путина в одинаковой мере придается значение материальным (действенным) и духовным (доверительным) характеристикам современ-

ного государства. Культурная, институциональная значимость национальной идентичности для осуществления функций государства не подвергается сомнению.

Обратимся к концепции государств финского исследователя А. Пааси. Он отмечает следующие черты современного государства:

1. Основная стратегия выживания государств — это бесконечное продвижение практик и дискурсов нации и национальной идентичности.

2. Государство пропитывает ландшафты и социальные практики символами иконографии и присущими им значениями.

3. Государства пытаются, используя физическое и дискурсивное насилие, контролировать, маргинализовать или уничтожить различные аспекты центробежной инаковости, например этнической солидарности или движений коренных народов.

4. Политики, журналисты, учителя, военные лидеры и другие активисты играют ключевую роль в презентации национальной идентичности, а граждане — роль репродукторов в этом процессе.

5. Физические, социальные и символические границы национальной идентичности определяются и обозначаются государствами [15, pp. 41–50].

Мы видим, что А. Пааси в основу государства кладет национальную идентичность титульной нации, допускает насилие в отношении нетитульных наций и определение границ государства на основе географического распространения символов и культуры титульной нации.

Относительно учета национальной идентичности в деятельности государства М. Маклюэн в своих работах «Галактика Гутенберга: становление человека печатающего» [5] и «Понимание медиа: внешние расширения человека» [6] полагает, что наступила новая реальность. Она возникла в результате действия глобализационных и информационных процессов. Новую

реальность М. Маклюэн назвал «глобальной деревней». В этой реальности нет традиционных элементов государства, актуальных на протяжении тысячелетий (национальные границы, насилие, идеология, символы, языки). Они утрачивают свое прежнее значение. В новом социуме теряют силу практически все эксплицитные и имплицитные барьеры между народами и странами. В этой связи М. Маклюэн утверждает, что устойчивость в «глобальной деревне» как форме социальной организации обеспечивается коммуникационными процессами, функция обеспечения социально-экономической устойчивости переходит от государства к коммуникационным процессам и технологиям.

Ретроспективный взгляд к определению роли государства в глобальном и цифровом мире показывает, что существуют четыре основных подхода к этому вопросу: одни авторы делают акцент на сохранении роли государства, другие — на её упадке, третьи подчеркивают роль государства как гаранта прав и свобод граждан, включая права на национальный язык, культуру, образ жизни, территорию проживания и участие в управлении государственными и общественными делами, четвертые обращают внимание на национальную принадлежность государства и призывают использовать физическое и дискурсивное насилие, чтобы уничтожить различные аспекты национальной инаковости.

В 2012 г. в Российской Федерации был издан Указ Президента РФ «О стратегии государственной и национальной политики Российской Федерации до 2025 года». Стратегия разработана в целях укрепления государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранения этнокультурной самобытности народов и основывается на принципах демократического федеративного государства. Таким образом, Российская Федерация придерживается позиции сохранения роли государства и защиты национальных идентичностей в современном мире.

В реализации Стратегии важно избегать симуляции в выстраивании гармоничных и немонопольных межнациональных отношений, реально предотвращающих всплески националистических настроений, угрожающих распадом многонационального государства и порождающих конфликты на национальной почве.

В Республике Коми функционируют девять национально-культурных автономий [11].

Республика Коми объединяет на своей территории более 124 национальностей. Преобладающую часть населения представляют русские (62 %) и коми (24 %). Многонациональный состав населения и специфические физиологические, экономические, культурные и психологические особенности различных национальных групп обусловили появление общественных объединений национально-культурной ориентации в Республике Коми. В 1991 г. первыми были созданы «Коми Котыр» — объединение коми народа, «Русь Печорская» — объединение потомков новгородцев-устыцилемов, «Изьватас» — объединение коми-ижемцев, в дальнейшем появились национально-культурные объединения украинцев «Дружба», азербайджанцев «Караван», татаро-мусульманский центр «Дуслык», марийцев «Марий Эл», общество еврейской культуры «Шолом», российских немцев «Немецкая национально-культурная автономия в Республике Коми» и др. По данным Министерства национальной политики Республики Коми, большинство муниципальных образований Республики Коми являются многонациональными. Но есть муниципальные образования с преимущественным проживанием одного этноса. Так, коми преимущественно проживают в Ижемском (89 %), Усть-Куломском (77 %), Корткеросском (68 %), Сысольском (64 %), Сыктывдинском (52 %) муниципальных образованиях. Моносостав характерен для Усть-Цилемского района (92,3 %). В этом муниципальном образовании проживают русские, устьцилёмь.

Также на территории Коми проживают украинцы (4,22 %), татары (1,26 %), белорусы (1,04 %), немцы (0,64 %), чувашаи (0,59 %), азербайджанцы (0,57 %), башкиры (0,27 %), молдаване (0,27 %), армяне (0,20 %) удмурты (0,19 %), мордва (0,17 %).

На территории Республики Коми проживают представители коренных малочисленных народов Севера. По данным Всероссийской переписи населения, в 2010 г. в регионе проживают 652 их представителя. В данной категории в наибольшей степени представлены ненцы (0,06 %). 21 этнос представлен по одному человеку, 26 этносов — менее 10 человек [1].

Не все были согласны с необходимостью учёта национальных особенностей в управлении государственными и общественными делами. Аргумент таков: выпячивание национальной неоднородности территории представляет собой искусственное размежевание и разобщение общества. Тем не менее национальная специфика в решениях в области управления государственными и общественными делами находила все более полный учет.

11 августа 1993 г. Постановлением Совета министров Республики Коми № 440 было утверждено Положение о Государственном комитете Республики Коми по делам национальностей. Комитет был преобразован в Министерство национальной политики Республики Коми, положение о котором было утверждено Постановлением Правительства Республики Коми 18 декабря 2007 г. № 299. Верховным советом республики 28 мая 1992 г. был принят закон «О государственных языках Республики Коми», определяющий коми и русский языки государственными языками Республики Коми, в то же время не ущемляющий развитие разных языков других национальностей. Закон Республики Коми «О национально-культурной автономии в Республике Коми» № 28-РЗ принят 28 июня 2005 г. и дает определение национально-культурной автономии: культурно-национальная автономия — это форма национально-культурного са-

моопределения, представляющая собой объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенной этнической общности, находящейся в ситуации национального меньшинства в Республике Коми, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства российской нации, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу, а также осуществления деятельности, направленной на социальную и культурную адаптацию и интеграцию мигрантов.

Интересный пример успешного и плодотворного учета национальных особенностей в управлении государственными и общественными делами находим в деятельности школы-интерната санаторного типа в г. Воркуте.

В 1995 г. мэрия г. Воркуты и депутаты городского Совета инициировали создание первого в республике заполярного специализированного санаторного интерната для детей тундровиков. Главной задачей этого учебного заведения было спасение от голода и болезней детей тундровиков-оленоводов. В первую круглосуточную группу были зачислены 13 ненецких детей от 6 до 12 лет. Учебная программа изначально выстраивалась с учетом традиций и особенностей жизни в тундре. В 2016 г. интернат получил одно большое здание. Дети поделены на три большие родственные группы. В школе преподавание ведется на русском языке, но дети изучают родной ненецкий язык, русский и английский языки. Выпускники школы покидают ее стены адаптированными к жизни в тундре и городе, полностью готовы к получению общего среднего образования. В санаторной школе-интернате № 1 г. Воркуты в 2021 г. обучался 191 учащийся [7].

Поддержка экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Коми, ведется посредством выделения межбюджетного

трансферта на софинансирование расходных обязательств Республики Коми в этой сфере в рамках соглашения между правительством Коми и Федеральным агентством по делам национальностей и в рамках приказа Федерального агентства по делам национальностей № 43 от 17.04.2019 «Об утверждении детального плана-графика реализации государственной программы Российской Федерации “Реализация государственной национальной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 год”».

Для координации различных организаций, ведущих свою работу в аспекте сохранения национальной идентичности, необходимы специалисты. Во всех муниципалитетах должны быть ответственные за межнациональные отношения. Профессionalов по межнациональным отношениям можно готовить на базе Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина или на базе Коми республиканской академии государственной службы и управления по учебной программе профиля «Социология» 39.03.01, модуль «Этносоциология».

1. Видеоопрос: «Какие национальности проживают в Республике Коми?» URL: <https://www.bnkomu.ru/data/news/128899/> (дата обращения: 21.12.2021).

2. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» 21 октября 2021 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 21.12.2021).

3. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Пол. собр. соч. : в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1919. Т. 33. С. 1–120.

4. Ленин В. И. О национальной гордости великороссов // Ленин В. И. Пол. собр. соч. : в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1914. Т. 26. С. 106–110.

5. Маклюэн М. (1911–1980). Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатающего. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005. 495 с.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешнее расширение человека. М.: Гиперборей: Кучково поле, 2007. 462 с.
7. Мейер М. Воркутинской школе-интернате для детей исполняется 25 лет. URL: <https://sch1vorkuta.ru/> (дата обращения: 21.12.2021).
8. Ментюкова М. А. Государственно-правовые воззрения Питирима Александровича Сорокина : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.01. СПб.: С-Петербургский юридический институт, 2010. 29 с.
9. Моисеенко Н. А., Попов М. В. Демократический централизм — основной принцип управления социалистической экономикой. Л.: Лениздат, 1975. 173 с.
10. Найденов Н. Д., Кирасова Т. А. Consumption as a Social Status Symbol in Structuralism // Наука Красноярья. 2014. № 6 (17). С. 239–249.
11. Национально-культурные автономии [Электронный ресурс]. URL: <https://ddnrk.rkomi.ru/left/avtonom/> (дата обращения: 29.11. 2021).
12. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений: Social and Cultural dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманит. института, 2000. 1054 с.
13. Сорокин П. А., Ланден У. А. Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей? (Глава 1. Идеология правящих групп: три взгляда на мораль) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. № 6. С. 129–149.
14. Стиглиц Дж. Ю. Экономика государственного сектора. М.: Изд-во Московского государственного университета, Инфра-М, 1997. 720 с.
15. Anssi Paasi. Geographical Perspectives on Finish National Identity // Geojournal. 1997. Vol. 43. Pp. 41–50.

Перформативная национальная идентичность российской молодежи

Маргарита Романовна Снегур,

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

m@margosnegur.ru

***Аннотация.** Данная статья посвящена особенностям конструирования и презентации национальной идентичности молодыми россиянами. Особое внимание уделяется теоретическому обоснованию необходимости изучения не только институционального формирования национальной идентичности, но также и ее представления другим в повседневных практиках. Подчеркивается возможное противоречие между декларируемой индивидом идентичностью и ее выражением в реальности, в связи с чем актуализируется потребность изучения перформативной национальной идентичности для более глубокого понимания данного концепта.*

Формирование национальной идентичности в современных условиях носит противоречивый характер. Актуализация национальной идентичности происходит в условиях конфликтов, при столкновении с явлениями, угрожающими безопасности и преемственности культуры. По мнению З. Баумана и Б. Латура, будущее становится настолько неопределенным, а настоящее настолько нестабильным, что глобализационные тенденции встречают нарастающее противодействие в виде локализации, роста популярности националистических партий и т. п. [1; 7]. Поиск и презентация национальной идентичности принимают разные формы и выражения в различных сферах жизни человека. Несмотря на то что в повседневных практиках в зависимости от социальной ситуации та или иная идентичность

становится более актуальной, репрезентация национальной идентичности осознанно для индивида или нет присутствует в повседневности.

На сегодняшний день существует множество различных подходов к пониманию феномена национальной идентичности и особенностей ее формирования. Несмотря на то что различные социальные и гуманитарные науки изучают те или иные аспекты национальной идентичности, она до сих пор является сложным концептом и не имеет конвенционального определения. Более того, многозначность ее использования в публичном дискурсе (политиками, СМИ и т. д.) обуславливает появление новых коннотаций и смыслов. Интерес к выраженности национальной идентичности граждан со стороны государства обусловлен в том числе необходимостью разработки и реализации национальной политики, что особенно актуально в таком многонациональном государстве, как Россия.

Презентация национальной идентичности в практиках означает ее выражение в ситуациях взаимодействия индивидов. Взаимодействие, в свою очередь, предполагает обмен информацией в вербальной и невербальной форме, использовании социальных символов. Так, межличностное взаимодействие является одним из ключевых понятий Дж. Мида, которое он обозначает как «социальная интеракция» [8]. Мид полагает, что именно в результате взаимодействий формируется сознание личности и общество в целом. Национальная идентичность как продукт значимых символов, формирующихся в процессе интеракций индивидов с обобщенными другими, предполагает не только наличие, утверждение и усвоение общих идентификационных символов, но и их репрезентацию.

Не случайно большое внимание идентичности уделяется в рамках таких теоретических подходов в социологии, как символический интеракционизм и социальный конструктивизм. Однако термин «идентичность» в первую очередь ассоциирует-

ся с изучением психических способностей личности определять себя в физическом и социальном пространствах, тождественности с другими членами общества и связан с именами Э. Эриксона, У. Джеймса, К. Г. Юнга и др. [5; 10; 11]. В том числе важно учитывать, что идентичность являлась предметом философии еще с древних времен, используя при этом другие категории (тождество, тождественность). Однако в случае, когда фокус изучения идентичности направлен на схожесть или принадлежность индивида к какой-либо группе, выделяется первостепенная социальная характеристика идентичности: нельзя соотнести себя с кем-либо, не имея опыта взаимодействия с этим «кем-то». В этой связи социологией активно изучается специфика формирования идентичности индивида посредством его включения в социальные отношения и предлагаются разные подходы к ее определению.

Определение нации также является вопросом дискуссий ученых разных дисциплин в различные исторические периоды. Рассматривая национальную идентичность с позиции примордиализма (К. Гирц, Ю. Бромлей и др.), считается, что нация – высший этап развития этноса. Местоположение, религия, власть и другие институты оказывают влияние на формирование национальной идентичности, поэтому все представители имеют национальный характер и чувствуют коллективную близость друг к другу. Модернистский подход (М. Вебер, Г. Зиммель, Ю. Хабермас и др.) понимает национальную идентичность как результат экономических взаимоотношений в индустриальном обществе, активного развития печати и средств массовой информации, повышения уровня мобильности населения (строительство железных дорог, пароходы и т. д.). Постмодернистский подход (Б. Андерсон, Х. Баба, Р. Брубейкер и др.) определяет нацию как результат социального конструирования, как некое воображаемое сообщество.

Национальная идентичность, таким образом, является предметом изучения разных дисциплин: социологии, психологии, культурологии, истории, антропологии, философии и др. В результате множественности подходов к ее изучению, а также сложностей перевода иностранных текстов на русский язык национальная идентичность зачастую используется в синонимичном значении этнической идентичности и разграничение данных концептов в общественном понимании затруднено.

До недавнего времени можно было говорить о том, что национальная идентичность является одной из наиболее стабильных социальных идентичностей: тогда как профессиональная или политическая идентичность может измениться достаточно в относительно небольшой промежуток времени под воздействием определенных внешних факторов, национальная идентичность зачастую включала в себя этнический и гражданский компоненты, обуславливая принадлежность индивида к нации как некому достаточно крупному сообществу, что включало различные аспекты. Особенности исторического развития предполагали длительный и сложный процесс формирования у человека чувства принадлежности к группе на основе языка, традиций и обычаев, ценностей и норм, форме общественного устройства и т. д.

Сегодня же с ускорением технического развития, повышения уровня мобильности (Дж. Урри) происходит размывание стабильных социальных структур и ориентиров, что З. Бауман обозначил как «текущая современность» [2; 9]. Территориальные границы зачастую становятся условными, интенсивность туристического потока растет, распространяются практики реализации различных международных программ академической мобильности, а доступ к информации посредством Интернета и поддержание социальных связей в социальных сетях в совокупности создают угрозу для стабильности в том числе национальной идентичности, которая может трансформиро-

ваться под воздействием получения нового социального опыта или же конструироваться и репрезентироваться как образ для определенной социальной группы.

Зачастую именно массовые опросы (в том числе перепись) становятся той базой, на которую опираются в политической и общественной деятельности при учете национального / этнического состава определенной территории. Запрос на формулировку и декларацию собственной национальной идентичности не внедрен в повседневные практики: участие в переписи населения, опросах или заполнение данных для получения документов, т.е. те ситуации, которые ставят перед человеком вопрос: «Какая у Вас национальность?» происходят с ним не так часто. Более того, в подобных случаях увеличивается риск предоставления наиболее поверхностного, «правильного» ответа, который активно транслируется через социальные институты (в большей степени – СМИ) [6].

Однако в повседневных практиках формирование и репрезентация идентичности происходит нерелефлексивно, в результате вовлечения в ту или иную деятельность. Иными словами, в процессе совершения того или иного действия формируется человеческое «Я» и выражается с помощью различных инструментов. Так, национальная идентичность становится неким неотделимым от индивида компонентом, присутствующим в различных социальных ситуациях, но становящимся явным в различной степени в зависимости от заданных условий. Выражение и демонстрация национальной идентичности (в различной степени и интенсивности) может быть обозначено термином перформативность.

Р. Шехнер определяет перформанс как любое человеческое действие в повседневной жизни людей, т.е. перформанс как повседневное представление [12]. Подобное понимание обуславливает интерес к драматургическому подходу И. Гофмана в целом, который использует концепт «перформативности»,

анализируя взаимодействия индивидов и групп. В работе «Представление себя другим в повседневной жизни» и «Поведение в публичных местах» взаимодействия людей рассматриваются с помощью метафоры театра, т.е. как представления, которое направлено исполнителем на аудиторию с целью создания определенного впечатления, поддержания идентичности и закрепления собственного права на определенную социальную роль [3]. Сам термин «представление» Гофман использует для определения *«всей деятельности индивидуума, которая происходит в период его непрерывного присутствия перед определенными наблюдателями и которая оказывает на наблюдателей некоторое влияние»* [4].

Так, молодые россияне зачастую имеют трудности в национальной самоидентификации в силу ряда противоречащих воздействующих на них социальных процессов, что выражается в том, что декларация национальной идентичности может не совпадать с реальными повседневными практиками. Определение себя в категориях «патриот», «россиянин» и яркая негативная оценка зарубежной культуры может сопровождаться потреблением иностранных товаров, музыки, кино, литературы, образования, достопримечательностей и т.п. В то же время речь может репрезентировать национальную идентичность в виде используемого национального языка, наличия или отсутствия заимствований, категоризации и эмоциональной оценки этнических и национальных групп.

Таким образом, несмотря на многозначность и многогранность такого концепта, как «национальная идентичность», важно не только изучать институциональные особенности ее формирования, но также и специфику ее представления другим в различных социальных ситуациях. Перформанс национальной идентичности, происходящий в той или иной мере в повседневных практиках, может свидетельствовать о выбранной идентичности индивида и о ее интерпретации другими.

1. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / пер. с англ. А. М. Корбута; под ред. М. М. Соколова. Москва: Элементарные формы, 2017. 381 с.
4. Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. СПб.: Питер, 2021. С. 34.
5. Джеймс У. Личность // Психология личности: тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтера, А. А. Пузыря. М.: Изд-во МГУ, 1982. 288 с.
6. Клеман К. Патриотизм снизу. «Как такое возможно, чтобы люди жили так бедно в богатой стране?». М.: Новое литературное обозрение, 2021. 25с.
7. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / [пер.с фр. А. Шестакова; науч. ред. О. Бычкова]. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 202с.
8. Мид Дж. Избранное: сб. переводов / РАН ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. отд. социологии и социал. психологии; сост. и пер. В. Г. Николаев; отв. ред. Д. В. Ефременко. М., 2009. 290 с. (Сер.: Теория и история социологии).
9. Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А. В. Лазарева, вступ. статья Н. А. Харламова. М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. 576 с. (Образ общества).
10. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
11. Юнг К. Г. Психология бессознательного: пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2010. 352 с.
12. Schechner R. Performance studies: An Introduction. London and New York: Routledge; 3 edition, 2013.

Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования*

Григорий Львович Тульчинский,

доктор философских наук, профессор,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге;

профессор,

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия),

e-mail: gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

***Аннотация.** Трансформация современных социально-культурных практик делают достаточно острой необходимость комплексной гуманитарной экспертизы. Ее концептуальная основа может быть связана с междисциплинарным подходом на основе социальной семиотики и ее расширением в глубокой семиотике. Примером реализации такого подхода является региональное социокультурное проектирование.*

Вопросы гуманитарной экспертизы рассматривались исследователями в различных контекстах. Одним из первых о гуманитарной экспертизе начал говорить и писать В. И. Бакштаповский, который еще в 1970–80-х гг. проводил региональные деловые игры, связывая гуманитарную экспертизу с планами регионального развития: насколько они способствуют решению социальных проблем, всему тому, что сейчас называется чело-

* Статья была опубликована в журнале «Человек. Культура. Образование»: Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 101—113. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-101>.

веческим и социальным капиталом [2]. Позже, создав НИИ прикладной этики на базе Тюменского индустриального университета, В. И. Бакштановский сконцентрировался на этической экспертизе высшего образования и управления им [3]. С педагогической деятельностью связывали гуманитарную экспертизу также С. И. Братченко, В. А. Бухвалов, Я. Г. Плинер [4]. Л. Н. Канищевой были выделены критерии для проведения гуманитарной экспертизы образовательного проекта (решения, разработки), включая его ресурсное обеспечение, экологичность, соблюдение правовых и нравственных норм, эстетическую привлекательность [5].

Давно сложился институт психологической и лингвистической экспертизы. Однако со временем становилось все более очевидно, что психологических, экономических, правовых и лингвистических экспертиз недостаточно. Так, подобные экспертизы, которые практикуются в судебном деле (когда суды и стороны, участвующие в судебном разбирательстве, заказывают необходимые экспертизы), часто упираются в вопросы морали, этики, а то и философии. Вызывает необходимость комплексной экспертизы, затрагивающей гуманитарные аспекты конфликта, его причин, развития, последствий. Такая экспертиза необходима не только в суде, но и для оценки проектов — прежде всего образовательных программ и практик, проектов регионального развития, в здравоохранении, культурных индустриях. И принципиально важно, что такая экспертиза не может быть осуществлена каким-то одним человеком — гуманитарная экспертиза носит комплексный междисциплинарный характер [8; 14].

Запрос на комплексную гуманитарную экспертизу обострился в связи с интенсивной цифровизацией, использованием цифровых технологий в образовании, экономике, культуре, социальной сфере, имеющими неоднозначные последствия, которые иногда специалисты даже связывают с перспективами пост- и транс-гуманизма.

Речь идет о серьезных вызовах. Это вызовы экономические — когда в режиме прекарного труда приобретает рентный характер сам образ жизни работника. Большие массивы данных (Big Data), оставляемых нами в социальных сетях, при поиске и покупках, получаемых услугах, используются маркетологами и прочими интересантами. Маркетинг подталкивания (nudge), контроль и социальные сети становятся инструментами тотального манипулирования. Это также вызовы психофизиологические (деградация способности к рефлексии, речевых способностей), коммуникативные, когда от человека требуется только пользоваться правильными опциями, лайкать, банить и покупать. Именно это Д. Агамбен и называет «новой животностью» — от человека требуется не рассуждение и аргументация, а правильная реакция. Сама субъектность (самосознание самости) все больше поглощается реализацией алгоритмов, задаваемых извне. Такая ситуация иногда квалифицируется как антропологическая катастрофа. М. К. Мамардашвили применял эту характеристику к опыту тоталитаризма. Но тоталитаризм индустриального общества был пробой пера того, что реализуется с помощью цифровизации, которая придает таким практикам технологический институциональный характер.

До собственно необратимой катастрофы дело еще не дошло. Но уже остро ощущается дефицит человеческой субъектности, того, что только и обеспечивает креативность, способность выхода за рамки алгоритма, открывать и создавать новое, еще не запрограммированное. Это то, что еще называют *soft skills* — способность аргументировать, рассуждать, сопереживать... Даже разработчики говорят, что им нужна гуманитарная компетентность в оценке ставящихся целей, хода разработки, ее реализации, а не только последствий.

Цифровизация выявила ядро, главный, если не абсолютный критерий гуманитарной экспертизы. Это обеспечение, сохранение и развитие субъектности — главного фактора и импульса

развития человеческой цивилизации, главного условия ее пластичности, преадаптивности и прокреативности [1; 6].

Возникает вопрос о теоретической и практической концептуальной основе необходимой комплексной гуманитарной экспертизы. И такой концептуальный аппарат должен давать возможность междисциплинарного анализа, обеспечивающего не разрозненность и фрагментарность дисциплинарных аналитик и оценок, а их взаимодополнительность, интеграцию, а то и конвергенцию. Такие возможности дает семиотический подход, который уже давно перерос его сведение к анализу лингвистических систем, расширив возможности анализа знаковых систем на социально-культурные практики (социальная семиотика, семиотика культуры), раскрывая в глубокой семиотике (*deep semiotics*) роль и значение фактора личностной субъектности как источника, инструмента и результата семиозиса [9; 15].

В этой связи чрезвычайно перспективным является потенциал подходов и наработок, полученных в последнюю четверть предыдущего и в начале нынешнего столетия в исследованиях семиотики культуры (Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа), социальной герменевтики (Г. И. Богин), роли осмысления и смыслообразования в психологии коммуникации (А. А. Брудный, А. И. Портнов), социопсихолингвистики и семиотики города (Т. М. Дридзе) [20].

Особый интерес представляет синтез философии языка, культуры и личности, реализованный В. А. Сулимовым и И. Е. Фадеевой в предложенном ими направлении социокультурной семиотики. Ирина Евгеньевна Фадеева (1952–2017), создатель кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, доктор культурологии, защищалась у выдающегося отечественного исследователя культуры и творчества М. С. Кагана. Владимир Александрович Сулимов (1952–2018) учился во Львовском университете у учеников К. Айдукевича и

Т. Котарбинского, был аспирантом замечательного специалиста по психологии и языковой коммуникации А. А. Леонтьева, доктор культурологии, возглавил кафедру после кончины И. Е. Фадеевой.

Начинали они с философии культуры и символа [17], символической и текстовой деятельности в социально-культурной коммуникации [11; 13], семиотической структуры и содержания языкового континуума [10; 12], но развернутая ими масштабная программа анализа знакового и символического содержания коммуникативного пространства культуры вывела исследователей к тематике социальной семиотики [18], включая культурные практики русского Севера [19]. Это был значимый переход, во-первых, от структурно-статичных моделей семиозиса к многомерно-динамическим, а во-вторых, к учету в социально-семиотическом анализе личностного аспекта. Тем самым в поле семиозиса было введено многообразие социально-культурных практик различного уровня и масштаба.

После распада СССР, фактического ухода из русскоязычного пространства Тартуского университета, интенсивным самоопределением коллег в Кыргызстане, именно в Сыктывкаре сложилось развитое и продвинутое направление социально-семиотических исследований. К сожалению, создатели направления с интервалом в год ушли из жизни. Но остался круг коллег и учеников, их усилиями продолжается ставшая регулярной масштабная конференция «Семиозис и культура», выходит качественный научный журнал «Человек. Культура. Образование».

Применением аппарата социальной семиотики и ее расширения в глубокой семиотике при активном участии В. А. Сулимова и коллег стало содержательное наполнение проекта «Финно-угорский этнокультурный парк» в с. Ыб Сыктывдинского района Республики Коми в рамках долгосрочной республиканской целевой программы «Создание комплекса "Финно-угорский этнокультурный парк (2010–2012 годы)"».

Создание этнопарка было важно для развития социально-культурного комплекса региона.

Коми есть что предложить российским и мировым рынкам. И этому может способствовать эффективный брендинг, привлекающий внимание к региону. Брендинг сам по себе — комплексная проблема гуманитарной экспертизы. Бренд — это не броский логотип и яркий слоган. Полноценный бренд — ответ на чаяния и надежды, обещание реализации желаемых переживаний [16]. Формирование такого бренда — дело серьезного, внятного, а главное — совместного интеллектуального поиска не только экспертов, но и представителей бизнеса, власти. У регионального бренда, в отличие от товарного, личного, корпоративного брендов, нет и не может быть единственного собственника. Он инструмент консолидации власти, бизнеса и населения, формирования общего сознания «мы» (региональной идентичности).

В этой связи упомянутый проект важен не просто как этнографический парк, которых немало и в России, и в мире. Есть такие привлекательные для туристов проекты, как, например, «Скансен» в Стокгольме или проект в Малых Мандрогах на Свири. В подавляющем большинстве они реализуются на перекрестках туристических маршрутов. Таким перекрестком ни Сыктывкар, ни Ыб пока еще не являются. Более того, Сыктывкар является железнодорожным тупиком. И инициаторы этого проекта прекрасно понимали необходимость создания чего-то такого, что бы заставляло людей целенаправленно приезжать сюда и оставлять здесь деньги. Бренд этого комплекса не может быть идеей, апеллирующей только к славному прошлому, культурно-историческому наследию. Такой бренд представляет интерес только для небольшого круга туристов — не более, что особенно опасно в случае данного комплекса, который расположен в стороне от основных туристических маршрутов и

транспортных коммуникаций. Он имеет перспективы только в случае формирования эксклюзивного продукта.

Но в конечном счете дело даже не в туристах. Разработчики проекта смотрели глубже, шире, выше и дальше, потому что под этот проект подверстывается некая идея точки социокультурного роста региона и фактора личностного роста. Речь идет прежде всего о многоуровневой образовательной деятельности, подготовке специалистов под конкретные рабочие места, широких связях с вузами и образовательными структурами. Идея этнопарка органично вписывалась в целый хозяйственно-функциональный комплекс, отражающий специфику региона, включая лесное производство, сельское хозяйство, обучение молодежи, развитие занятости, Центр народных ремесел в Выльгорте. В этом случае можно говорить о социальной политике, которая предшествует экономике, когда социально-культурный человеческий фактор является не результатом, не продуктом, а предпосылкой для развития экономики.

И тогда становится особенно ясно, что главное в этой связи — это проблема бренда, проблема идеологии в хорошем смысле этого слова, что и отражает этот проект. Очевидное преимущество проекта в том, что он не ограничивается районом и даже республикой, поскольку речь идет о финно-угорской культуре. Также с очевидностью он может и должен быть связан с представлением о будущем России.

Был создан «растущий» проект, который должен постепенно интегрировать в себя и, в свою очередь, интегрироваться с другими комплексами, будет к ним сопричастным, выстраивая некую общую мечту, некий общий уникальный бренд. Культура финно-угорских народов, природа Коми, уникальный экономический комплекс республики, научно-образовательный потенциал Сыктывкара обладают несомненной уникальностью. Реализация проекта дала бы существенные возможности позиционирования Республики Коми в российском и мировом культур-

ном, информационном и экономическом пространстве, она открывала новые окна возможностей экономического и социально-культурного развития Коми. Однако концепция этнопарка была приостановлена.

В 2015 г. Глава республики обратился к студентам и преподавателям Сыктывкарского университета подготовить предложения по преобразованию финно-угорского этнопарка. Новая концепция была готова в мае 2016 г. (рук. рабочей группы Л. В. Гурленова, в группу входил и В. А. Сулимов).

Работчики ставили задачу организации пространства бытия коми культуры в легко воспринимаемых и прочитываемых формах, воплощения в предметной среде архетипических и фантазийных элементов сознания современного человека, включения детей и взрослых в область исторического и культурного действия, познания этнонациональных основ жизни коми народа, других финно-угорских народов.

Поиски главной идеи бренда проекта привели к эпической поэме К. Жакова «Биармия» — эпосу коми, написанному по аналогии с финским эпосом «Калевала» и эстонским эпосом «Калевипоэг». Идея Биармии отлично согласуется с давней североевропейской памятью Гипербореи — биармийцы предстают прямыми потомками гиперборейцев — счастливыми людьми в счастливом крае, наследниками гиперборейской прародины человечества.

Такое название открывало возможность создания территории-страны с разнообразными зонами: мифологической, этнографо-бытовой, военно-исторической, языческой и христианской, искусства, спортивной («первая лыжа») и др., т. е. формирования цельного этнокультурного пространства, в котором объединены прошлое и современность, духовная и материальная культуры. Возникла перспектива использования благоприятных природно-ландшафтных ресурсов и экологических условий территории (многообразная северная фауна и флора, отда-

ленность от промышленных производств), расширения услуг природного туризма за счет подключения к площадке этнопарка дополнительных ресурсов (Печоро-Ильчского государственного природного заповедника и национального парка «Югыд ва») [7].

Этнопарк под Сыктывкарком имел потенциал стать уникальной площадкой регулярно проводимых мероприятий, привлекательных не только для туристов. К информационной поддержке продвижения проекта могли бы привлекаться многочисленные электронные ресурсы геймерских сообществ. А событийное наполнение информационного продвижения, привлечение широкого внимания к проекту можно было обеспечить спортивными состязаниями, анимационными баттлами, проектами реконструкторов в онлайн- и офлайн-форматах, съемками передач формата «Форт Байард», различных испытаний, приближенных к экстремальным — ландшафтно-климатические условия Коми позволяют это делать круглогодично с учетом сезонного разнообразия. На первых этапах эти испытания должны пройти какие-то известные люди, потом они должны быть доступны другим участникам с получением различных сертификатов «биармийских испытаний» по мужским, женским, детским номинациям. Таких номинаций может быть веер. Знаменитости + сертификат + уникальность могут вызвать стремление приехать и пройти эти испытания.

Речь может идти не только о физических испытаниях, но и интеллектуальных, каких-то умений, способностей... Возможно использование названия «гиперборейское многоборье». Только эти испытания должны быть серьезными, тогда и внимание к проекту будет гарантировано.

Брэнд в современном понимании — не просто удачное название, а обещание реализации желаемых переживаний, объединяющая, привлекательная идея, уходящая корнями в прошлое, осмысляющая настоящее, отвечающая на глубокие чая-

ния, надежды, открывающая новые горизонты будущего развития. Людям предлагается некая мечта о будущем: брэнд — это всегда посыл в будущее. Поэтому особенно важна тщательная проработка такой «идеологии» проекта. Такая разработка являлась центральным звеном определения брэнда и художественной концепции комплекса «Финно-угорский этнокультурный парк».

К сожалению, в силу ряда причин развернутая реализация проекта, в котором гуманитарная составляющая была исходным и сквозным фактором, несколько притормозилась. Но описанный выше его потенциал полностью сохраняется, потому что территория республики нуждается в подобных проектах. Так, по инициативе мэрии Сыктывкара началась разработка проекта брендинга Сыктывкара как «столицы леса», в нем также прослеживается важнейшая гуманитарная составляющая.

Республика Коми является достойным предметом для мечты, только нужно определить содержание этой мечты, наполнить его актуализированными интерактивными образами, познавательными практиками, позволяющими развернуть историческое смысловое пространство Республики Коми в современном мире. В глобализированном экономическом, культурном и информационном пространстве уникальность, неповторимость, своеобразие выступают главными факторами конкурентоспособности и остро востребованы.

Материал статьи показывает возможности социальной семиотики, гуманитарной экспертизы не только в научно-теоретическом, но и в практическом планах, включая социально-экономическое развитие в региональном масштабе.

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.

2. Бакштановский В. И. (ред.) Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. Новосибирск: Наука, 1992. 173 с.
3. Бакштановский В. И. Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования. Тюмень: ИПОС, 1990. 196 с.
4. Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования. СПб.: СПб ГУПМ, 2003. 137 с.
5. Канищева Л. Н. Формирование опыта гуманитарной экспертизы у будущих программистов: на материале социально ориентированных технических проектов. Волгоград: ВГПУ, 2009. 27 с.
6. Киященко Л. П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности). М.: ИФ РАН, 2017. 113 с.
7. Концепция развития финно-угорского этнокультурного парка в с. Ыб (Биармия) / рук. группы Л. В. Гурленова. Сыктывкар: СГУ им. П. Сорокина. 2016.
8. Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В. Комплексная гуманитарная экспертиза. М.: Смысл, 2008. 140 с.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
10. Сулимов В. А. Семиотика литературного текста. Сыктывкар: Коми пединститут, 2009. 162 с.
11. Сулимов В. А. Текстовая деятельность, культура, коммуникация. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2003. 93 с.
12. Сулимов В. А. Философия и логика русского языкового континуума. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2005. 128 с.
13. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы // Философские науки. 2004. № 4. С. 110–123.
14. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С. 10–29.
15. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 175–193.
16. Тульчинский Г. Л. Total branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: СПб ГУ, 2013. 280 с.

17. Фадеева И. Е. Символ в системе культуры. Теория и культурно-историческая феноменология. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 144 с.

18. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 252 с.

19. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации (Республика Коми). СПб.: Астерион, 2016. 202 с.

20. Tulchinskii G. L. Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970–2000 s. // Russian Journal of Communication, 2021. Vol.13. Issue 2. P. 203–221.

РАЗДЕЛ 4. РАБОТА, ЗАНЯТОСТЬ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_208

Футбол как бизнес: две модели развития капитализма

Николай Павлович Белов,
независимый исследователь
(Москва, Россия)
e-mail: lermontoff.nick@gmail.com

***Аннотация.** В статье на примере развития экономической ситуации в европейском футболе рассматривается превращение его в один из сегментов рынка. Свободный рынок европейского футбола создал на нем финансовую гонку вооружений, которая привела к большой задолженности клубов. В отличие от слабо регулируемого европейского футбольного рынка американская лига МЛС представляет высокоцентрализованную организацию, контролирующую уровень зарплат и качество игры, взаимоотношения между руководителями клубов. Это иллюстрирует преимущества планового централизованного способа ведения хозяйства и наличие здоровой конкуренции в противовес чисто рыночной тенденции к монополизации.*

Введение. Футбол — это развитый рынок с миллиардным оборотом и своими особенностями. В европейском футболе сложилась кризисная экономическая ситуация, которую, как представляется, невозможно разрешить привычными рыночными методами и которая прекрасно иллюстрирует пределы неолиберализма. В связи с этим интересно, существует ли альтернативная модель развития капитализма в футболе, подобно

тому как «американский путь» развития капитализма в сельском хозяйстве отличался от «прусского пути».

Превращение футбола в рынок индустрии развлечений.

Футбол только относительно недавно перестал быть только спортом и превратился в один из сегментов рынка. В начале 1970-х гг. европейский футбол стал превращаться в профессиональный спорт: появляются первые контракты, а звезда этого периода голландский нападающий Й. Кройф создает первый профсоюз футболистов. Европейский футбольный рынок развивался по классической неолиберальной модели. До 1990-х гг. правила перехода футболистов между клубами не соответствовали трудовому кодексу многих европейских стран. Наблюдался бесконтрольный приток иностранного капитала через рынки акций, и уже ближе к нашим дням в футбольный бизнес пришли крупные транснациональные корпорации [3, с. 63–67]. Только с 1995 г. правила перехода футболиста из одной команды в другую стали согласовываться с трудовым кодексом ЕС.

Большие деньги и вместе с ними рождение футбольного рынка пришлось на конец 1990-х гг. Материальной предпосылкой этому стало развитие кабельного телевидения. Так, доходы ФИФА поднялись с 70 млн USD в 1980 г. до 1,2 млрд USD в 1999 г. и до 3 млрд USD в 2007 г. Стоимость прав на трансляцию финала чемпионата мира изменились с 40 млн USD в 1978 г. до 1,7 млрд USD в 2002 г. Доходы перераспределились: примерно 2/3 бюджета футбольных клубов и ассоциаций стали формироваться за счет продажи телеправ и рекламы. Экспоненциальный рост доходов не прекратился и в 2000-х гг. с развитием Интернета, а далее подписочных сервисов. Но этот рост не стал равномерным, в Европе выделилась так называемая большая пятерка (Англия, Испания, Германия, Италия, Франция) — самые богатые и успешные чемпионаты стран, в 2006 году они заработали 7,1 млрд €, при том что весь футбольный рынок Европы составил 13,6 млрд € [3, р. 63–67]. Изменившаяся ситуация

требовала новых героев. Эта потребность породила феномен Дэвида Бэхэма. Именно после расцвета карьеры этого человека футболисты превратились в поп-идолов, с этих пор в их контрактах оценивались не только спортивные навыки, но и медийная составляющая. Превращение спорта в рынок индустрии развлечений завершилось.

Назревающий кризис европейского футбола. На фоне столь сильного роста многие специалисты долго отказывались видеть зарождающийся системный кризис. Говорить о нем начали только в середине 2000-х гг. Ранее кризис одного футбольного клуба не создавал трудностей для других, но с притоком финансов развилась и интеграция клубов в дела друг друга. Подобная «заразность» нетипична для многих других сфер бизнеса, но командный спорт разделяет ее с банковским сектором. Если банки за счет системы кредитования вырабатывают крайне тесную связь друг с другом и падение одного вызывает эффект домино, то в футболе кризис одной команды снижает уровень конкуренции в лиге, что, в свою очередь, приводит к снижению зрительского интереса и телевизионных доходов для всех участников.

Главной предпосылкой надвигающегося системного кризиса стала тенденция клубов к тратам выше своих доходов и, как следствие, рост долгов перед банками. При этом среди 10 сильнейших лиг Европы только в Италии на грани кризиса оказались большие клубы, в остальных странах это были середняки и аутсайдеры. Причиной такого положения дел стал именно экспоненциальный, бесконтрольный рост доходов. В процентном соотношении финансовые силы внутри чемпионатов остались прежними, но в абсолютных значениях разрыв между средними-сильными и слабыми-средними командами увеличился в несколько раз. Подобная ситуация вела к консервации положения команд.

Неудивительно, что многие руководители средних и слабых клубов пришли к заключению, что рывок для повышения в ста-

туса надо делать именно сейчас, пока разрыв не стал еще более большим, и пошли на соответствующие риски [4]. Сложившаяся ситуация в 2009 г. финансовый директор немецкой бундеслиги К. Мюллер комментировал так: «По опыту можно сказать, что большинство руководителей склонны к тому, чтобы действовать рискованно, и к переоценке своих шансов на победу в чемпионате. Это может приводить к диспропорции между тратами клуба и доходами, который он может получить. Руководители клубов должны быть каким-то образом защищены от самих себя» (цит. по: [1]).

Также нельзя забывать о важном отличии футбольного рынка от любого другого — запрете на вмешательство государств в дела региональных футбольных ассоциаций. Известный спортивный юрист В. Г. Федореев так описывает ситуацию: «FIFA является независимой организацией. Деятельность ее органов и процесс принятия ими решений регулируется только внутренними документами этой организации. Вмешательство государственных органов любых стран в деятельность FIFA не допускается, поэтому ее решения не могут быть напрямую отменены правоохранительными органами ни Швейцарии, ни США, ни каких-либо других стран» (цит. по: [2]). Исключением является финансовая помощь командам. Кроме того, сама FIFA до 2011 г. не имела никаких серьезных регулирующих механизмов для контроля над футбольными финансами.

В отчете транснационального аудиторского агентства Deloitte за 2008–2009 гг. указывалось, что общий долг 20 клубов английской премьер-лиги достиг 3,1 млрд £. По данным Deloitte, долги «Манчестер Юнайтед» выросли с 560 млн £ в 2003 г. до 670 млн £ в 2007 г. и 773 млн £ в 2010 г. Долг «Мадридского Реала» к 2010 г. составил почти 700 млн евро. В итальянской Серии А совокупный долг достиг к 2010 г. 2,6 млрд € [6]. В отличие от «бедняков» ведущие клубы, влезая в долги, мало рискуют, так как банки используют именитых должников для

своей рекламы и снижают процентную ставку, чтобы не потерять престижного клиента.

Свободный рынок создал финансовую гонку вооружений, но сильные игроки из других сфер, привнеся свой капитал в развивающуюся отрасль, многократно ускорили её. Так, покупки «Челси» Р. Абрамовичем в 2003 г., «Манчестер Сити» Abu Dhabi United Group в 2008 г., «Малаги» шейхом Аль-Тани в 2010 г. и «ПСЖ» фондом Qatar Sports Investments в 2011 г. ускорили рост стоимости трансферов футболистов (цены, уплачиваемой предыдущему клубу за досрочное расторжение контракта) и их зарплат. Новые хозяева путем переplat начали быстро собирать себе сильные команды, расслоение на бедных и богатых усилилось. Если в 1980–1990-е гг. в числе победителей самого престижного европейского турнира Лиги Чемпионов, значились такие команды, как: «Астон Вилла», «Стяуа», «Гамбург», «Порту», «Цервена Звезда», «Марсель», «Аякс», «Боруссия», — команды, не обладавшие большими деньгами и громким именем за пределами своих стран, после 2000 г. только однажды в турнире победила команда, не относящаяся к числу богатых («Порту» 2004), а общее разнообразие победителей за двадцатилетие снизилось с 16 до 9.

В результате в 2011 г. УЕФА принимает закон о финансовом Fair Play, запрещающий футбольным командам иметь просроченные задолженности перед банками и тратить больше, чем они заработали за три финансовых года. На момент разработки финансового Fair Play 63 % клубов из высших лиг отчитались об операционных убытках, 55 % — о чистых убытках, а 38 % — о долговых обязательствах, превышающих стоимость своих активов. Также финансовый Fair Play не охватывает команды с доходами или расходами менее 5 млн €, т. е. примерно 41 % от всех клубов под юрисдикцией УЕФА [5, pp. 352–356].

Данная мера оградила клубы от смерти и бедности, но зафиксировала финансовое неравенство в системе. При этом огра-

ничить аппетиты грандов удалось лишь условно. Долг «Челси» как юридического лица перед Р. Абрамовичем как физическим лицом достиг 700 млн £ в 2021 г. «ПСЖ» был неоднократно пойман различными журналистами на заключении фиктивных рекламных сделок с аффилированными с Катаром компаниями. Но тот факт, что глава Qatar Sports Investments Нассер Аль-Хелаифи состоит в исполкоме УЕФА, возможно, помогает контрольным органам не смотреть в сторону его команды.

Таким образом, попытка финансовых регуляций ограничивает лишь средние и бедные команды, оставляя крупным серые и откровенно незаконные схемы для продолжения наращивания гонки вооружений. Результатом этой гонки стало то, что даже у богатых клубов второго эшелона стали появляться серьёзные финансовые трудности, последние 5 лет стали крайне распространены рассрочки в оплате трансфера игрока на 1–2 года, а иногда и на 5 лет. Некогда великие команды из Милана «Милан» и «Интер» из года в год выставляются на продажу, так как в ситуации с быстро надувающимся финансовым пузырем каждый последующий владелец не может выдержать эту гонку. Командам требуется все больше денег для обеспечения постоянно растущих кредитов и борьбы с друг другом, рекламный рынок уже не в состоянии обеспечить такие аппетиты. Увеличивается количество матчей, нагрузка на спортсменов, что ведет к травмам и даже угрозе для жизни (последние 10 лет значительно участились случаи сердечных приступов у футболистов, особенно молодых). В конце 2021 г. случилось событие, отсрочивающее «взрыв» перегретого рынка. Футбольный клуб «Ньюкасл» был куплен фондом из Саудовской Аравии, принадлежащим правящей семье, и стал самой богатой командой в мире, что резко, но разово вбросило огромные средства в рынок. Это оттягивает назревающий кризис, но не отменяет его.

А есть ли альтернатива? Самой старой действующей профессиональной лигой мира является американская бейсбольная

лига, она была основана за счет объединения нескольких городских команд в единую франшизу. По этому принципу в дальнейшем создавались баскетбольная, хоккейная лиги, лига американского футбола и МЛС (название американской лиги европейского футбола). Ключевая особенность американской бизнес-модели — команды-участники не имеют владельцев в классическом смысле. Фактически лига сама является хозяйкой команд, а номинальные владельцы являются инвесторами, которые вкладывают деньги в лигу и уже по результатам финансовых отчетов всей лиги получают либо доход, либо убыток. Все владельцы команд получают одинаковые дивиденды, когда лига генерирует прибыль, а инвестирование в МЛС даёт право управлять одной командой. Выручка от национального телевидения идёт непосредственно в банковские счета лиги, а уже потом делится на всех участников соревнования. Кроме этого, маркетинговые права на футболистов также принадлежат лиге: на практике футболисты подписывают контракт с лигой, которая уже потом позволяет клубу заявлять его в свой состав. Весь заработный фонд покрывается именно лигой, а не владельцами.

Это делается для того, чтобы не допустить гегемонии отдельной команды над всеми остальными. Успех каждого отдельного клуба — это гарантированный успех для всех остальных. Все вышеперечисленное позволяет МЛС иметь централизованное планирование бюджета, потолок зарплат, конкурентную лигу. Если руководство какого-то клуба системно делает ошибки и команда тормозит общее развитие лиги, то в регламенте предусмотрено исключение и последующая перепродажа франшизы другому собственнику. Все эти меры позволили лиге не только избежать расслоения, но и защититься от кризисов, в том числе ковидного [5, pp. 348–349].

Заключение. Футбольный рынок, как и любой другой развивается согласно закону самовозрастания капитала, что создаёт расслоение в доходах среди всех его участников, делает бедных

и средних субстратом для роста богатых и создает предпосылки для появления финансовых пузырей и последующих кризисов.

Европейский футбольный рынок, в отличие от многих других видов рынка, имеет минимальное влияние государств, а до 2011 г. даже контролирующая его организация УЕФА имела лишь косметические ограничения для предпринимательской деятельности. Тем не менее, проблемы подверженности кризисам, монополизации, надувания финансовых пузырей не только не отступили, как обещают либеральные и либертарианские экономисты, но и могли похоронить европейский футбол еще 5–10 лет назад, и сейчас, после внедрения недостаточно эффективных контролирующих механизмов, снова угрожают ему. Данный пример является контраргументом к тезису о «саморегулирующей невидимой руке рынка».

Американская лига МЛС представляет высокоцентрализованный орган управления предприятиями своей сферы, контролирующей не только уровень зарплат и качество продукции, но и взаимоотношения между руководителями этих предприятий. На сегодняшний день особенно важно то, насколько конкурентна структура МЛС и как она защищена от внезапных кризисов. Это иллюстрирует преимущества планового централизованного способа ведения хозяйства и наличие здоровой конкуренции в этих условиях в противовес чисто рыночной тенденции к монополизации.

1. Астахов П. Новые правила игры для финансов // Коммерсантъ. 2013. 26 нояб. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2352290> (дата обращения: 26.03.2022).

2. Доспехов А. FIFA раскололась на две команды // Коммерсантъ. 2015. 29 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2735808> (дата обращения: 26.03.2022).

3. Giulianotti R., Robertson R. Globalization and football. London: Sage publications Ltd., 2009. 199 p.

4. Lago U., Simmons R., Szymanski S. The Financial Crisis in European Football: An Introduction // Football Economics and Policy / ed. by S. Szymanski. London. Palgrave Macmillan, 2010, pp. 151–161.

5. Peeters T., Szymanski S. Fumagalli C., Thomas C. Financial fair play in European football // Economic Policy . Vol. 29. 2014. No. 78 (April), pp. 343, 345–390.

6. Restart Football Money League / Ed. by D. Jones. Manchester: Deloitte Sports Business Group, 2022. 58 p.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_216

Современные тенденции информатизации социальной работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья

Ольга Анатольевна Корнева,

аспирант,

Санкт-Петербургский университет технологий управления
и экономики (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: k.o.a.15.10.87@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается важность процесса социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья при помощи современных информационных технологий. Предметом исследования является информатизация в социальной работе и возможности социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья. Проанализировано социальное поведение людей с ограниченными возможностями здоровья. Выявлены факторы успешности / неуспешности применения и влияние информационных технологий по адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья. Установлены особенности формирования и реализации информационных технологий в сфере социальной работы.

Развитие информационных технологий и формирование цифровой среды привело к масштабной трансформации почти

всех сторон жизни современного общества [2; 5]. Несмотря на то что сектор социальной работы не является основным двигателем прогресса, он не мог остаться незатронутым этими трансформациями. Принимая во внимание сложность, многоаспектность и динамический характер изменений в информационной инфраструктуре и институтах информационного общества, отметим, что их влияние на сферу социальной защиты не может рассматриваться с какой-то одной точки зрения и не имеет окончательный и завершённый характер. Тем не менее, можно назвать несколько наиболее общих аспектов, в которых проявляется влияние информатизации на социальную работу и возможности социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья.

Во-первых, становление информационного общества меняет естественную среду повседневной жизни всех членов общества, включая людей с ограниченными возможностями здоровья. Если информатизация затрагивает такие ключевые стороны жизни человека, как рынок труда, профессиональная деятельность, потребление, массмедиа, образование, общественное участие и др., то это относится и к людям с ограниченными возможностями здоровья, их повседневным практикам, структуре потребностей и возможностей. Например, если мы обсуждаем возможности участия людей с ограниченными возможностями здоровья на рынке труда, которые по объективным причинам являются ограниченными, то расширение цифровых профессий и гибких форм занятости является фактором, способствующим трудовой деятельности, по крайней мере, для их отдельных категорий. Аналогично, новые возможности для дистанционного получения государственных, социальных и коммерческих услуг, приобретения товаров, получения информации, взаимодействия расширяют возможности для маломобильных людей. С другой стороны, переход значительного числа повседневных задач в цифровой формат, а также появление специфических возможно-

стей, которые существуют исключительно в цифровом формате, требует информационных компетенций, которые сложнее сформировать людям с некоторыми видами ограничений здоровья (ослабленное зрение, когнитивные нарушения и др.).

В любом случае, адаптация к нормальной жизни общества в условиях динамичной среды, основанной на информационных технологиях, приводит к изменениям в структуре потребностей и возможностей, которые необходимо принимать во внимание при социальной работе и выработке стратегий социальной адаптации. Особенно важным представляется тот факт, что условия жизни в информационном обществе отличаются фундаментальной динамичностью и регулярными серьезными изменениями в технологиях, сервисах и институтах, влияющих на разные стороны жизни человека. Это означает, что никакие решения в области социальной работы не могут считаться окончательными и нуждаются в регулярной актуализации и коррекции по мере качественных изменений окружающей среды.

Во-вторых, можно говорить о более непосредственном влиянии информатизации на условия социальной адаптации и реабилитации людей с ограниченными возможностями здоровья посредством разработки специальных технологических решений, направленных на осуществление этих функций. Поскольку проблемы социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья напрямую связаны с наличием у последних конкретных проблем со здоровьем, то разработка специализированных решений, направленных на их компенсацию, является фактором успешности их адаптации и интеграции в полноценную социальную жизнь [1]. Например, разработка специализированных технологий преобразования речи (речь в текст или, наоборот, текст в речь) компенсирует ограничения незрячих или слабослышащих людей, позволяя им более полно участвовать в решении повседневных задач, расширять возможности трудовой деятельности, повышая их независимость [3].

В-третьих, развитие информационных технологий является важным фактором трансформации профессиональной деятельности в сфере социальной работы, а также управления социальной работой как на уровне отдельной организации, так и на уровне всего социального института. Новые IT-решения и системы обладают потенциалом для изменения способов обработки, накопления и анализа информации, имеющей отношение к социальной адаптации, способов взаимодействия представителей социальных служб с людьми с ограниченными возможностями здоровья, способов оказания социальных и медицинских услуг для них, администрирования организационными процессами и процессами взаимодействия стейкхолдеров и т. д.

В совокупности названные аспекты информатизации социальной работы представляют собой широкое пространство проблем, процессов и технологий, потенциально влияющих на возможности социальной адаптации людей с ограниченными возможностями здоровья. С одной стороны, общие процессы информатизации и цифровизации меняют характер адаптационных проблем, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями здоровья, практически во всех сферах жизни. С другой стороны, они меняют возможности и условия целенаправленных институциональных усилий по решению этих проблем. В целях более сконцентрированного анализа в соответствии с целями настоящей работы мы ограничимся анализом решений и технологий, непосредственно разрабатываемых для нужд социальной работы с людьми с ограниченными возможностями здоровья, а также проблем их интеграции с институциональными и организационными моделями социальной работы.

Еще на ранних этапах информатизации были обозначены некоторые ключевые проблемы использования появляющихся технологических возможностей в социальной работе. В одной из первых работ, посвященных теме информационных технологий в социальной работе, американский ученый С. Марсон указал,

что социальные работники отличаются крайней консервативностью и низкой готовностью применять новые технологии в своей профессиональной деятельности, несмотря на очевидные перспективы, которые им предоставляет Интернет для обучения, развития профессиональных связей и взаимодействия с клиентами [6]. В дальнейшем этот вывод неоднократно подтверждался в различных исследованиях. Специалисты из различных стран указывали на недостаточную готовность социальных работников к использованию информационно-коммуникативных технологий и необходимость изменения их установок в отношении новых возможностей [4].

1. Бесчасная А. А., Фадеева И. М. Право на город детей-инвалидов // Инвалиды — инвалидность — инвалидизация : материалы международной научно-практической конференции. Н. Новгород, 2018. 297 с. С. 292–297.

2. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.

3. Кузнецова А. С., Гилка В. В., Качанов Ю. А. и др. Цифровая интеграция людей с ограниченными возможностями // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Управление, вычислительная техника, информатика. 2021. № 11. С. 68–81.

4. Baker S., Warbuton J., Hodgkin S., Pascal J. Reimagining the relationship between social work and Information Communication Technology in the Network Society // Australian Social Work. 2014. Vol. 67. Issue 4. Pp. 467–478.

5. Digitalization of Society and Socio-political. Issues 2: Digital, Information and Research / Ed. by E. George. London: ISTE; Hoboken: John Wiley & Sons, 2020. 208 p.

6. Marson S.M. A selective history of internet technology and social work // Computers in Human Services. 1997. Vol. 14. Issue 2. Pp. 35–49.

П. А. Сорокин о проблемах профессиональной адаптации и профессиональной деформации личности

Ирина Ефимовна Лыскова,

кандидат исторических наук, доцент по специальности
«Экономика и управление народным хозяйством»,
доцент кафедры экономики и управления,
Коми республиканская академия государственной службы
и управления (Сыктывкар, Россия)
e-mail: IrinaLyskova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты теории профессиональной адаптации и профессиональной деформации личности, предлагается общая характеристика взглядов П. А. Сорокина по вопросам профессиональной стратификации, подчёркивается значимость идей социолога в контексте проблем современного менеджмента, в частности управления человеческими ресурсами организации, управления организационным поведением и организационной культурой.

Научное наследие П. А. Сорокина поражает глубиной и комплексностью подходов к исследованию проблем социального развития. В современных социально-экономических, политических и социокультурных условиях многие идеи социолога не только не утрачивают значимости, но обретают ещё большую актуальность. Исторический опыт минувшего столетия наделяет идеи П. А. Сорокина новыми интерпретациями. Исключительный интерес в этом отношении приобретают современные проблемы управления человеческими ресурсами организации, проблемы мотивации и стимулирования трудовой деятельности, проблемы профессионального развития, профессиональной адаптации и профессиональной деформации личности. Принято считать, что теория организационного поведения и организаци-

онной культуры зародилась и активно развивается с 1950–1970-х гг. Не без оснований можно утверждать, что одним из источников, содействующих развитию теории организации, организационного поведения и организационной культуры, стали труды П. А. Сорокина. В них раскрывается широкий спектр проблем социального поведения, в том числе специфика поведения профессиональных групп и профессиональной социализации личности [1; 2; 3; 6]. В процессе социальной адаптации личности исключительное внимание П. А. Сорокин уделял роли семьи, школы, религии, профессиональной деятельности [4; 5]. Под профессией понимается «постоянное занятие человека, служащее ему источником средств существования». Как подчёркивал П. А. Сорокин, профессиональная деятельность «накладывает сильную печать на всю духовную природу человека, на его образ мышления, на его вкусы, привычки и интересы» [4, с. 251].

П. А. Сорокин выделил ряд характеристик, определяющих значимое влияние профессии на поведение личности и общественную жизнь. К основным формам профессионального воздействия (адаптации) на личность были отнесены:

- 1) соматическая деформация человека его профессией и «профессиональный отбор»;
- 2) профессиональная деформация «двигательных рефлексов и внешнего облика человека»;
- 3) «психический отбор и психическая деформация человека»;
- 4) комплексная социальная поведенческая деформация личности.

Совокупность перечисленных характеристик оказывает значительное влияние на формирование профессиональной структуры общества, отрасли производства и организации; определяет основы профессиональной пригодности, условия профессиональной адаптации; тенденции развития производительных

сил общества и др. При выборе сферы профессиональной деятельности невозможно игнорировать «антропологические», «физико-соматические» характеристики человека. На первоначальном этапе профессиональной адаптации уделяется внимание профессиональному отбору, предусматривающему физическую возможность человека выполнять определённые виды работ (физическая сила, выносливость, интеллект и пр.). В значительной степени это связано со сферой трудовой деятельности, физическим (как говорил П. А. Сорокин, «мускульным») или интеллектуальным характером труда. В данном случае возможно выделение отдельной области знания — «специальной профессиональной антропологии». После профессионального отбора и включения в сферу определённой профессиональной деятельности начинается процесс адаптации (приспособления) человеческого организма к выполнению конкретных трудовых функций. Адаптация происходит на уровне физиологии: организм не перестаёт приспосабливаться различным способом к выполняемой им работе, чтобы установить такой способ функционирования, который давал бы возможность избегать или уменьшать всякую бесполезную трату энергии» [4, с. 473].

Сфера профессиональной деятельности, род занятий оказывают влияние на «манеру держаться», «внешнее обличие», культуру коммуникаций, т. е., по словам П. А. Сорокина, способствуют профессиональной деформации «бросающихся в глаза» двигательных рефлексов и внешнего облика человека. Каждая профессия в этом отношении имеет свои отличительные характеристики и особенности.

Профессиональная пригодность предполагает не только требования к физическому и интеллектуальному уровню развития человека. Ряд профессий требует наличия определённых «психических свойств» и соответственно прохождения «психического отбора», «психической аккомодации», т. е. адаптации к требованиям удовлетворительного выполнения необходимых

работ. В этом отношении происходит «психическая деформация человека», или психологическая адаптация, выражаясь современным языком. Если человек выбирает род деятельности, соответствующий его потребностям и интересам, то профессиональная адаптация «совершается легко, без боли, мучений и страданий». Когда человек оказывается «не в своей профессиональной тарелке», то профессиональная деформация происходит сложнее, с «большими муками и терзаниями» [4, с. 471–483]. П. А. Сорокин отмечал, что профессия трансформирует не только тело, но и «душу» человека. Перефразируя слова К. Маркса, он писал: «Профессиональное бытие человека определяет его сознание». От характера профессии человека в значительной мере зависит характер его идеологии, его духовного багажа, его этики, симпатий и антипатий, вкусов и привычек и всего мировоззрения» [4, с. 480].

Наряду с совокупностью психофизиологических характеристик, присущих профессиональной деятельности человека, профессия обуславливает широкий спектр социальных, экономических, политических, социокультурных и прочих атрибутов жизнедеятельности. Актуально звучит высказывание П. А. Сорокина: «По профессии протягивай ножки». Как известно, профессия и род деятельности определяют социальный статус, уровень доходов, образ и качество жизни. Весь уклад жизни человека определяется профессиональной занятостью, в частности: режим труда и отдыха, организация питания, сна; условия проживания, качество жизни, потребности и возможность их удовлетворения; организация досуга; семейное положение и благополучие семьи; круг общения и возможность новых знакомств; нравственный облик личности и профессиональная этика и др.

Модели профессионального поведения закрепляются не только на индивидуальном уровне. В социальном плане фиксируются основы профессиональной стратификации и профессиональной мобильности в процессе жизнедеятельности человека и

профессиональных групп. П. А. Сорокин выделяет ряд свойств, присущих поведению определённых профессиональных групп и основанных на общности «идеологии, убеждений, вкусов, симпатии и антипатии, образа и уровня жизни, интересов и стремлений».

Наиболее существенными характеристиками профессиональных групп являются:

- 1) профессиональная солидарность лиц, принадлежащих одной сфере деятельности;
- 2) «неизбежность профессионального расслоения населения» (профессиональная стратификация общества);
- 3) «неизбежность антагонизма и борьбы между резко различными профессиональными группами»;
- 4) профессиональное расслоение, профессиональная деформация и профессиональное разделение труда (специализация);
- 5) длительное «прикрепление человека к одной профессии», порождающее социальное «неравенство и антагонизм разнопрофессиональных групп».

Ключевые положения теории профессиональной адаптации и профессиональной деформации, отражающие «физические», «внешние», «психические» и «социальные» характеристики, трансформацию профессионального поведения, привели П. А. Сорокина к следующим заключениям («теоремам») [4, с. 484–486]:

- 1) степень профессиональной деформации, моноидеизма, идиосинкразии (резкого неприятия) и корпоративного духа будут более резкими в таких профессиональных группах, состав которых остаётся неизменным на протяжении длительного периода или меняется очень медленно;
- 2) степень профессиональной деформации у членов одной профессиональной группы отличается продолжительностью принадлежности к этой группе, чем дольше человек состоит в группе, тем более выражена профессиональная деформация;

3) в обществе с высокой профессиональной мобильностью и «межпрофессиональной циркулирующей индивидов» «средний умственный кругозор населения» будет менее односторонним, будут сглаживаться антагонизмы различных профессиональных групп.

П. А. Сорокин предлагает следующее решение устранения резких противостояний по мотивам неизбежной профессиональной стратификации:

1) обеспечение профессиональной занятости человека согласно «наследственной склонности», т. е. в соответствии с его талантами и способностями;

2) свободная профессиональная мобильность (возможность перехода из одной профессии в другую) [4, с. 528].

П. А. Сорокин не ратовал за всеобщее равенство. Он был убеждён, что необходимыми условиями материального и духовного процветания общества являются: 1) «хороший фонд наследственных свойств народа»; 2) «благоприятная географическая среда»; 3) «надлежащая социальная среда», противостоящая «антисоциальным склонностям человека», которая обеспечивала бы его всеми необходимыми знаниями и стимулировала бы «развитие индивидуальности человека, его прирождённых свойств и талантов, его энергии и инициативы» [4, с. 517–532].

Основным принципом распределения индивидов в социальной пирамиде П. А. Сорокин провозглашает принцип «каждому по его наследственным способностям». П. А. Сорокин считал утопией принцип «всестороннего равенства людей, равенства экономического, умственного, нравственного и социально-правового». Для примера, отметим отношение П. А. Сорокина к попыткам насильственного экономического уравнивания, проводившегося в истории человечества многократно, включая опыт советской России, и приводившего к «обычному результату», «к всеобщей бедности и к разрушению народного хозяйства». П. А. Сорокин писал: «Такое уравнивание в виде равного возна-

граждения всем или равной доли богатств убивает всякий стимул личной заинтересованности. Оно ведёт к тому, что лентяй или бесталанный хозяин получает прямое поощрение своей лени и неспособности гарантированной им долей, равной с другими; в то время как энергичный и талантливый труженик лишается всякого стимула усиленно трудиться, ибо — трудись не трудись — ничего не получишь, кроме того, что получит и лентяй. Такая система механического уравнивания представляет систему поощрения и премирования лени и бесталанности и систему наказания трудолюбия и талантов. Отсюда понятно, что, раз она вводится, неизбежно наступает уравнивание всего населения под последнего лентяя. Трудолюбивые перестают напрягать энергию, лежебоки получают право ничего не делать. Производительность всей страны падает, хозяйство расстраивается, приходят голод и нищета» [4, с. 521].

Эффективной мерой предотвращения подобных асоциальных проявлений и негативных признаков профессиональной деформации П. А. Сорокин считал внедрение принципа «каждому по его способностям, в особенности прирождённым». Именно этот принцип обеспечит высокий уровень мотивации труда. Как отмечал П. А. Сорокин, «... Над любимой работой человек может проработать не пять и не восемь, а десять и пятнадцать часов, и от этого она ему не будет в тягость. Над нелюбимой работой трудно работать и два-три часа. Она вызывает отвращение, огромное недовольство и скуку» [4, с. 518].

Ещё задолго до широкого применения методов психологического тестирования личности П. А. Сорокин предлагал инструменты выявления талантов и способностей человека в целях профессиональной ориентации и адаптации. Он считал необходимым «научное исследование способностей личности», на основании которого предполагалось предоставление своеобразного «био психического паспорта» и возможность профессионального распределения человека.

Для осуществления принципа «каждому по способностям», по мнению П. А. Сорокина, требуется ряд условий:

1. Прежде всего, жизненно необходимо обеспечить внедрение принципа «открытых дверей». Этот принцип предусматривает, что единственным критерием при распределении лиц на должность должен быть принцип личных заслуг и способностей. Не должно быть никаких «забронированных мест или позиций» для особо привилегированных деятелей.

2. Второе значимое условие — обеспечение «равенства исходных позиций и равенства препятствий» в профессиональном деле. Существенную роль в этом отношении призвана обеспечить доступность общего и профессионального образования, независимо от социального и имущественного статуса.

3. Третьим условием является «проницаемость» социальных перегородок, т. е. возможность социальной мобильности.

Прогнозы П. А. Сорокина оправдались. В современных условиях, особенно в постсоветский период, очевидной стала потребность и самих граждан, и рынка в профессиональной мобильности. В то же время модель, предлагаемая П. А. Сорокиным, подчёркивает личную ответственность человека за результаты профессиональной адаптации. Важно осознание индивидуальных мотивов поиска «своего места». П. А. Сорокин обоснованно отмечал: «Попав в профессию, объективно не соответствующую нашим способностям, мы скоро убеждаемся в этом и по субъективному чувству отвращения к ней, и отсутствия интереса, и по малоуспешности своих результатов. Примерив два-три-четыре раза профессию, в конце концов мы можем попасть в ту, которая как раз является искомой. Там, где мы будем чувствовать себя вполне в “своей тарелке”, где увидим, что дело это нам по вкусу, что мы в нём делаем прогресс, там, очевидно, и есть наше место» [5, с. 531].

Таким образом, П. А. Сорокин был активным сторонником личной инициативы и ответственности в решении вопросов

профессиональной адаптации и профессиональной деформации. Характеризуя естественность физиологической, психологической, поведенческой, социальной трансформации, важно развивать способность противостоять возможным негативным проявлениям процесса профессиональной адаптации и профессиональной деформации, к числу которых могут быть отнесены профессиональное и эмоциональное выгорание, снижение мотивации, профессиональная и нравственная деградация, злоупотребление должностными полномочиями, коррупция, должностные преступления и др. Вместе с тем П. А. Сорокин подчёркивал значимую роль государства в обеспечении социально-трудовых прав личности.

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 10-е изд. СПб.: Издательский дом «Питер», 2012. 831 с.

2. Лютенс Ф. Организационное поведение : пер. с англ. 7-е изд. М.: ИНФРА-М, 1999. 692 с.

3. Лыскова И. Е. Н. И. Кареев и П. А. Сорокин об экономической природе личности // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г. : сборник научных трудов / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 63–70.

4. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии // Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: ООО «Анбур», 2019. С. 195–402.

5. Сорокин П. А. Популярные очерки социальной педагогики и политики // Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2019. С. 405–532.

6. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб.: Питер, 2002. 336 с.

Основные черты концепции социального пространства Питирима Сорокина

Татьяна Анатольевна Найденова,
кандидат экономических наук, доцент,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина
(Сыктывкар, Россия)
e-mail: Naidenovta@mail.ru

***Аннотация.** Одним из признаков последних лет стало использование пространственных категорий в исследовании культурных и этнических аспектов общественного развития. Без пространственных категорий невозможно развитие управления регионом и межрегиональными отношениями. В пространстве взаимодействуют различные социальные акторы и культуры этносов. В этой связи рассматривается теория социального пространства, предложенная П. Сорокиным. Цель статьи — проанализировать вклад П. Сорокина в исследование социального пространства. Результаты исследования: подтверждено значение учения П. Сорокина о социальном пространстве в формировании научной базы для проведения региональных исследований и исследований, посвящённых вопросам совершенствования регулирования пространственного развития Российской Федерации.*

Понятие пространства, имеет фундаментальное значение для философского мышления и является сложным и многоаспектным. Пространство в различных его проявлениях исследуют математики, физики, экономисты, географы, политологи, социологи. При этом в рамках каждой из наук объектом изучения могут выступать разные типы пространства — физическое, экономическое, социальное, культурное, инновационное, информационные и т. п. К настоящему времени процесс определения содержательных признаков пространства нельзя

считать завершенным: в научной литературе открываются новые его грани.

Поведение экономических агентов в экономическом пространстве детерминировано не только экономическими интересами, но и целым комплексом других факторов. В экономическом пространстве взаимодействуют территория, население, ресурсы. Поэтому важно вводить в научные экономические исследования категории социального пространства: культура, традиции, обычаи. Учет специфики социального пространства важен для понимания социальных трансформаций. В этой связи будем исходить из положения, что пространственное развитие можно понять, привлекая не только экономические категории, но и культурные, этнические и политические факторы пространственного развития.

П. Сорокин обратился к проблеме социального пространства впервые в 20-х гг. XX века. Он подчеркнул, что всё многообразие общественных явлений невозможно понять, помещая их в географическое и экономическое пространства, и их полноценное исследование требует привлечения категорий социального пространства.

Цель статьи — проанализировать вклад П. Сорокина в исследование социального пространства.

Концептуальные подходы к рассмотрению социального пространства разнообразны. Выделяют три основных подхода [1, с. 52]:

1. Социальное пространство как сфера взаимодействия социальных акторов (представители Г. Зиммель, И. Гофман, Э. Гидденс, П. Бурдьё).

2. Социальное пространство как порядок социальных позиций акторов, сфера общественных отношений, структурируемая статусами социальных акторов (сторонники П. А. Сорокин, Э. Дюркгейм, П. Бурдьё, М. Кастельс).

3. Социальное пространство как географическое расположение тел (Г. Зиммель, П. Бурдьё, Э. Гидденс).

Главенствующая роль в вопросах исследования социального пространства отводится П. Сорокину.

П. Сорокин в исследовании социального пространства выдвинул в следующие положения.

Первое. П. Сорокин в работе «Социальная мобильность» вводит дефиницию «социальное пространство» в научный лексический оборот. Согласно позиции П. Сорокина, «1) социальное пространство — это народонаселение земли; 2) социальное положение — это совокупность его связей со всеми группами населения, внутри каждой из этих групп, то есть с её членами; 3) положение человека в социальной вселенной определяется путём установления этих связей; 4) совокупность таких групп, а также совокупность положений внутри каждой из них составляет систему социальных координат, позволяющую определить социальное положение любого индивида» [4, с. 299]. Иными словами, «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли» [4, с. 298]. Индивиды, образующие народонаселение земли, неотделимы от собственных социальных статусов. Чтобы «определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве, необходимо определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчёта”» [4, с. 298].

Второе. П. Сорокин подчеркивает отличие социального пространства от любого другого — физического, территориального, экономического. Он считал, что главной характеристикой социального пространства являются социальные отношения, которые складываются между людьми, социальными группами, чем бы они ни были детерминированы. Социальное пространство — это «пространство отношений социальных субъектов» [2, с. 19]. Социальное пространство — это отношения социальных субъектов, характеризующиеся определенной дистанцией, социальным положением, иерархией рангов. Чем больше разли-

чий в «иерархии рангов», тем дальше друг от друга находятся индивиды, тем длиннее между ними социальная дистанция и меньше вероятность сближения и коммуникаций. Приведенная социологическая трактовка пространства П. Сорокина является важной для понимания процессов регулирования пространственного развития, но недостаточной.

Социальное пространство необходимо рассматривать не только как пространство отношений социальных субъектов, но и как сферу действия социальных институтов, сферу норм и традиций социума, имеющую собственные объекты инфраструктуры (социальную инфраструктуру), специфические нормативные механизмы регуляции отношений [2].

Третье. П. Сорокин конкретизирует социальное пространство посредством изучения социокультурного взаимодействия его акторов в целом и в частности. Он объясняет социальное пространство через триаду категорий — личность, общество и культура. Эта триада указывает на отличие социального пространства от географического и экономического.

Учёный разграничивает социальное пространство и социокультурное пространство. Социальное пространство определяется через социальные координаты (социальное положение индивида, стратификация). Социокультурное пространство связано со способами и средствами освоения социума, его благоустройства.

Четвертое. П. Сорокин исследует подходы к характеристике социального пространства, отмечает их преимущества и недостатки. При этом исследователь выделяет три главные социологические школы, занимающиеся вопросами социального пространства: механическую, психологическую, социокультурную. С позиций представителей механической школы рассматриваются географические и биологические параметры пространства. Психологическая школа ориентирована на психические аспекты акторов социального пространства. Возможности данных подходов ограничены и не позволяют исследовать социальное про-

странство во всем многообразии форм его проявления, более полно выявить взаимосвязи и социальные взаимодействия внутри социального пространства. П. Сорокин акцентирует внимание на необходимости анализа существенных характеристик социальных явлений в их структурных аспектах, на изучении главных и повторяющихся форм социальных процессов в их динамике, на разъяснении общих отношений и взаимозависимости между различными классами социальных явлений.

По мнению П. А. Сорокина, социальное пространство трёхмерное и по аналогии с декартовой системой координат (используемой для измерения геометрического пространства) имеет три статусные оси: экономическую, политическую, социальную. Для эмпирического измерения каждого из них следует использовать определенные координаты (параметры). Экономический статус (позиция в экономическом пространстве индивида или группы) описывается с помощью следующих координат: отношения к собственности на средства производства, места в организации труда, размера дохода. Для измерения политического статуса используются: ранг в государственной иерархии, партийная принадлежность, ранг в партийной иерархии. Для измерения социального статуса используются методы оценки субъективного восприятия индивидов других людей или самих себя.

Пятое. П. Сорокин обратил внимание на такую характеристику социального пространства, как социальная мобильность, под которой он понимал «любой переход индивида или социального объекта (ценности), то есть всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую» [4, с. 373]. Иначе говоря, социальная мобильность — это движение индивида от одного статуса к другому, с одного социального слоя на другой. Она характерна для каждого общества.

П. Сорокин создает образы социального пространства в качестве вспомогательного средства для исследования социального пространства.

Идея социального пространства используется достаточно активно в социологии, наполняя этот конструкт многообразными смыслами. В частности, социальное пространство может включать в себя людей, живших в разных эпохах и обществах, или людей, живущих на определенной территории: в городе, селе, представляет собой определенный тип социальной топографии. В этом случае социальное пространство может быть представлено в виде карт социальной топографии [3].

Социальное пространство имеет существенные отличия от других видов пространства, которые сводятся к протяженности явлений и отношений. Социальное пространство — это замкнутость, действие в определенных территориальных границах социальных связей и отношений, в которые вовлечен любой человек в процессе взаимодействия с окружающими людьми, а также группами и обществом в целом. Социальные координаты пространства могут быть заданы экономическим статусом (отношение к собственности на средства производства, место в организации труда, размер дохода); политическим статусом (ранг в государственной иерархии, партийная принадлежность, ранг в партийной иерархии); социальным статусом (субъективное восприятие индивидами других людей или самих себя).

Концепция социального пространства П. Сорокина предполагает изучение социальной стратификации и социальной мобильности как атрибутов социального пространства. Эта концепция получает дальнейшее развитие в новых социальных условиях.

П. Сорокин подвел научную базу к изучению социального пространства, привлек внимание исследователей к целесообразности решения вопросов развития социального пространства, что необходимо для перехода к новой модели управления территориями.

1. Барковская А. Ю. Социологическая интерпретации категории «социальное пространство» // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7. Философия. 2017. № 1 (19). С. 49–55.

2. Иванов С. А. К вопросу о междисциплинарном синтезе теории пространственного развития (приглашение к научной дискуссии) // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2009. № 1 (38). С. 16–22.

3. Рыгалова М., Брюханова Е. Историческая и социальная топография города: историографический обзор // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 156–160.

4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество : пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_236

Новые формы организации сельской жизни: поиск альтернатив

Галина Сергеевна Широкалова,

доктор социологических наук, профессор, профессор,
Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия,
в. н. с. НГЛУ им. Добролюбова
(Нижний Новгород, Россия)
e-mail: shirokalova@list.ru

Аннотация. Российские социологи характеризуют ситуацию в сельской местности РФ как зону риска исходя из статистических показателей ее социально-экономической, образовательной, культурной, экологической, бытовой сфер [7]. Информация об успешном опыте развития отдельных сельских территорий остается за пределами их внимания по многим причинам. Между тем она могла бы стать одним из факторов формирования у молодежи интереса к социальным экспериментам: народным предприятиям, экологическим поселениям, коммунам, позволяющим диверсифицировать рынок труда в успешных поселениях за счет привлечения в село работников высококвалифицированного труда с удаленной занятостью.

Одна из основных характеристик поколения Z — предпочтение получения информации через зрительный образ и отсутствие навыка понимания сложных вербальных текстов. Преподаватели, формируя учебный процесс, вынуждены учитывать эти особенности. Например, в сельскохозяйственных вузах предметы гуманитарного цикла должны ориентироваться на проблемы АПК. При этом не отменяются задачи изучения социальной структуры общества, типов личности, социальной мобильности и т. д. Для развития компетенций в этом направлении мы используем в том числе просмотр фильмов о новых формах организации сельской жизни, обсуждение их в аудитории, написание эссе как формы отчета за работу. Перед просмотром фильмов студентам дается информация, в данном случае о мировом опыте организации производства и образе жизни в коммунах разных типов. Это могут быть и светские, и религиозные сообщества с разными формами занятости, но в их основе всегда лежит осознанный выбор.

Насильственное для большинства изменение окружающей социальной среды, отчуждение государства от населения закономерно вызвало интерес к поиску новых форм организации жизни, в том числе таких, в основе которых сохранялись коллективистские нормы взаимоотношений людей, в чем-то воспроизводящие в новых условиях идеальные модели, разработанные в начале XX века с учетом опыта российской сельской общины.

Студенты имеют разные мировоззренческие установки, скорректированные социальными факторами / условиями, в которых происходит становление их личности. Поэтому реакция на показанные в фильмах социальные эксперименты различна, но чаще носит ностальгически критический характер, чем осуждение поисков, что будет видно ниже из оценок студентов.

В истории сложилось много форм добровольного дистанцирования от окружающего мира с различной степенью изоля-

ции: от схимы и монастырей с жестким уставом до сельскохозяйственных коммун типа кибуц. Согласно зарубежной статистике, социально ориентированные кооперативы, созданные на основе разделяемых их членами ценностей для решения общих задач, более устойчивы [3].

После крушения СССР в России, несмотря на противодействие ряда членов правительства и депутатов Государственной думы, была предпринята попытка создать законодательную базу для поддержки производственных кооперативов в форме народных предприятий. С 1998 г. в России действует ФЗ «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», «призванный содействовать развитию производственной демократии, преодолению нарастающего отчуждения непосредственных производителей от результатов труда и средств производства, других противоречий между трудом и капиталом». Законодательство, закрепляющее «наделение работников собственностью в компаниях, созданных на принципах соединения труда и капитала», существует более чем 70 странах мира [6]. Но если в мире количество таких предприятий увеличивается благодаря законодательной поддержке государства, то в России наблюдается противоположный процесс: стремление под разными предлогами «передать их эффективным собственникам». Как отмечают специалисты, «причины сокращения числа таких предприятий не экономические, а, в большей степени, политические и юридические» [1].

Большинство народных предприятий занято агропроизводством — около 45 %. Их основное отличие от обычных акционерных обществ в том, что 75 % акций должны принадлежать 90 % работников и у них есть право определять соотношение заработной платы и ее размер рядовых сотрудников и руководителей, как правило, не более чем в 5 раз. Это обеспечивает мотивацию трудовых коллективов, а следовательно, их большую устойчивость в кризисных условиях: согласно статистике, акци-

онерные общества, созданные на иных началах, банкротятся в два раза чаще [4].

Примером такого предприятия является ООО «Мясокомбинат "Звениговский"» в Республике Марий Эл, сформировавшийся на основе советского колхоза [2]. Но есть и другая, более обобщительная форма самоорганизации сельской жизни: коммуна в поселке Александровское Ростовской области [5]. Несколько семей в 1990-х гг. купили заброшенный пионерский лагерь и организовали в нем сельскохозяйственную коммуны. В настоящее время в коммуне около 150 жителей разного возраста. Финансовую основу составляли денежные средства от продажи квартир, накоплений, сейчас — доходы от производства, пенсии. Желающим покинуть коммуны денежные взносы возвращаются. Ее жители не имеют жестко закрепленного за каждым фронта работ, меняя занятость в зависимости от здоровья, профессии, своего желания и потребности коммуны. Они не получают заработной платы, имеют общий стол, на ежевечернем общем собрании решают вопросы распределения работ, закупок и т. д.

Дети учатся у преподавателей, живущих в коммуне, и ежегодно сдают школьные экзамены для перехода в следующий класс. Экзаменаторы признают высокий уровень их подготовки. После окончания школы желающие получают среднее профессиональное образование и планируют вернуться в коммуны, мотивируя это тем, что они не понимают и не принимают ценности сверстников, социализировавшихся в других условиях.

По признанию членов коммуны, первоначально поселенцев в близлежащих населенных пунктах считали сектантами, хотя религиозные предпочтения коммунаров дело личное, но постепенно отношения сложились как дружелюбные и взаимовыгодные, поскольку продукция коммуны имеет хорошее качество, наметился круг постоянных покупателей.

Судя по фильму, у членов коммуны хорошие квартиры, современная одежда, есть условия для обучения детей. Достаточен

доход и для содержания нескольких лошадей «для души». Одна из функций такого типа поселений — психологическая реабилитация. Создавалась она «с нуля» людьми, которые не могли и не хотели жить в городах в «лихие» 1990-е гг., поэтому занятие сельским хозяйством вынужденно стало основной деятельностью.

Итак, приведем некоторые оценки студентов экзотичной для них организации сельской жизни в современных условиях.

В наибольшей степени студентов удивляет отсутствие личных денег: «В данной коммуне нет личных финансов. Все деньги находятся в “общем котле”. Люди независимы от денег. Здесь в основе всего лежат, в первую очередь, человеческие отношения. Смысл такой коммуны: вместе проще вести быт и решать какие-либо вопросы. Доверие имеет смысл, так как все преследуют не свои личные цели, а общие».

Чаще всего в силу своего возраста студенты отмечают ограниченность социума: «Детям, которые растут в таких условиях, не хватает разнообразия общения. У них очень узкий круг общения. Для общего развития людям нужно расширять границы кругозора, на который влияет общение с разными людьми».

«На мой взгляд, детям не хватает социума, общения. Они рождаются там, там же ходят в детский сад и с этими же детьми потом в школу. В обычном мире ребенок общается с разными людьми на каждом этапе своей жизни».

Но есть и противоположное мнение: «Каждый человек полезен по-своему. Труд бывает не только физический, поэтому человек, не имеющий физических возможностей помогать и заниматься бытовыми задачами, может найти себя в преподавании или решении вопросов по средствам своих знаний. Каждый ребенок здесь получает даже больше индивидуального обращения, нежели учась в обычной школе».

Не менее важен вопрос о будущем выросших в коммуне детей: «Молодое поколение родилось, развивалось и училось в одном месте. У них всегда есть работа, поддержка. Возможно, они привыкли к такому образу жизни. А некоторые просто боятся выйти из общины». «У людей, родившихся в общине, уже сформировалось миропредставление, они видят, как живут их родители и другие люди из общины, тем самым у них формируется представление о будущей жизни, где есть еда, работа и родные люди». «Насколько могут быть притягательны такие формы жизни? Возможно ли их массовое распространение? Все общество на такие коммуны поделить нельзя. У человека должно быть право выбора. Кому-то будет проще так жить, а кто-то хочет попробовать себя в разных специальностях, выбрав, в конце концов, дело по душе».

Из перечисляемых студентами «плюсов» жизни в такой коммуне основные — спокойствие, безопасность, защищенность: «Люди, живущие в общине, имеют все необходимое — это как большая семья. Плюсы в надежности — тебя никогда не оставят, у тебя всегда будет работа, еда, все, что нужно человеку для существования». «Там тихо, спокойно, безопасно. Каждая семья знает всех остальных, все родные всегда рядом. Всегда есть работа и продукты питания, которые они сами и выращивают».

Этим объясняется и многодетность семей: «У людей есть уверенность в завтрашнем дне. Они не боятся остаться на улице, никому не нужные, без жилья, работы и средств к существованию. Здесь им всегда помогут и не бросят на произвол судьбы в трудной ситуации. Дети в таких семьях всегда будут под присмотром, накормлены и одеты. Они одна большая семья, в которой нет чужих — все свои».

Чем больше людей в коллективе, тем труднее найти взаимопонимание. В фильме нет эпизодов, которые рассказывали бы о конфликтах в коммуне, но, по мнению студентов, недоделки неизбежны: «Идеальным все и всегда не бывает — ведь

это жизнь. Я считаю, что, скорей всего, есть не конфликты, а некоторое недопонимание. Так как все люди разные и имеют свое мнение и характер. В любом случае, они могут договориться и прийти к решению проблемы».

Нет человека, который бы не оценивал правильность своего выбора жизненного пути. Поэтому при создании общины всегда предусматривается возможность выхода / исключения из нее разочаровавшихся в «коммунальном» образе жизни. «Тяжело в плане перестройки, т. е. выхода в открытый мир без какой-либо базы подготовки к этому. Это новая работа, новые люди. Морально это тяжело. Но это обычные люди. У всех есть свойство привыкать ко всему. В конце концов, человек, вышедший из общины, выстраивает свой мир заново и вливается в новое общество». «Я считаю, исключительно морально тяжело выйти из общины потому, что надо прощаться с родными, с которыми жил рядом всю жизнь и одному уезжать в незнакомый для тебя мир. Но это не составит труда, если есть желание изменить свою жизнь».

Проблема взаимодействия с миром встает и при выборе места для коммуны. Как принимает местное сообщество людей, живущих по принципиально иным правилам? «Мне кажется, первоначально окружающие остерегаются и с презрением смотрят на таких людей. А потом, поняв идею, начинают нормально к ним относиться, покупать свежие продукты. Людей в коммуну приходит все больше, так что к таким общинам относятся спокойно».

Открытость общины также способствует взаимопониманию местного сообщества и коммунаров: «Любой человек, пожелавший вступить в коммуну, может это сделать по собственному желанию. Его примут, и помогут, и поддержат всем, что будет необходимо человеку для нормальной жизни (жилье, работа и т. д.)».

Итак, что остается в «сухом остатке» у студентов? Прежде всего, удивление существованием альтернативных «нерыноч-

ных» форм организации жизни: «Дружный коллектив, сложившийся благодаря единому мышлению и одинаковым ценностям в жизни. Отсутствие материальной зависимости, все заработанные деньги направлены в “общий котел”. Отсутствие денежных отношений внутри коллектива. Добровольный отказ каждого от собственного кошелька. Собственное хозяйство и продукты питания. Общее решение всех насущных проблем и установки на ближайшее время. В основе лежат взаимоотношения людей и отстаивание своего видения общества. Дети учатся внутри коммуны и добровольно помогают взрослым».

Во-вторых, понимание объективности приоритета у значительной части людей потребностей в психологическом комфорте, реализуемых через коллективизм, перед потребностью в накопительстве и индивидуализме рыночного общества.

В-третьих, в условиях угрозы планетарной экологической катастрофы это пример не осознаваемого с глобальных позиций реального поиска альтернативных форм жизни, построенных не на законодательных и экономических ограничениях «общества потребления», а добровольно выбранных / принятых ценностных основаниях.

В-четвертых, такие коммуны необходимы как лонгитюдные реабилитационные центры для тех, кто испытывает дискомфорт в рыночных российских реалиях, но не столь религиозен, чтобы выбрать изоляцию от них, например, в монастыре.

Таким образом, многофункциональность народных предприятий, основанных на социальной справедливости: производственная, коммуникативная, образовательная, психологическая, реабилитационная, расширяет кругозор студентов как будущих руководителей, знакомит их не только с альтернативными формами организации производства, но и пониманием разнообразия потребностей россиян, образ жизни которых сотнями лет формировался в крестьянской общине и возродился в новых формах как способ коллективного выживания в агрессивной среде.

Большинство студентов пишет, что не прочь побывать на экскурсии в такой коммуне, может быть, попробовать пожить в таком коллективе некоторое время, но не более. К столь большой открытости собственной жизни, сужению личного пространства, «замене» несвободы от макросоциума несвободой от микросоциума во все времена предрасположены очень немногие. Но они есть, и их образ жизни имеет объективные причины, а следовательно, как минимум заслуживает понимания.

1. Бестолков В. И. Народные предприятия в Российской экономике: достижения и проблемы спустя 15 лет после образования. URL: <https://ecoprom.misis.ru/jour/article/view/116/108> (дата обращения: 29.03.2022).

2. Как Иван Казанков Европу покорял — YouTubeOOO. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iHkdbndY9Ws&list=PLAaTWPB7IKSoRhsqpcW9AU0Kv5XC1oOJQu&index=2> (дата обращения: 19.03.2022).

3. Кооператив — Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2> (дата обращения: 29.03.2022).

4. Никишин А. Регистрацию народных предприятий собираются упростить. URL: <https://www.pnp.ru/economics/registraciyu-narodnykh-predpriyatij-sobirayutsya-uprostit.html> (дата обращения: 23.03.2022).

5. Специальный репортаж «Коммуна». URL: <https://www.rline.tv/programs/spetsialnyy-reportazh/video-180063/> (дата обращения: 27.03.2022).

6. Тарлавский В. Народные предприятия России (информационная записка). URL: <https://www.eg-online.ru/article/147477/> (дата обращения: 20.03.2022).

7. Широкалова Г. С. Нижегородское село в координатах 4D // Российское крестьянство и сельское хозяйство в контексте региональной истории : материалы VII Всероссийской (XV региональной) с международным участием конференции историков-аграрников Среднего Поволжья / Министерство образования и науки Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Российское общество исследователей экономической истории, Марийское региональное отделение российского общества историков-архивистов. 2018. С. 613–622.

РАЗДЕЛ 5. СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ АЛЬТРУИЗМА

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_245

Теория альтруизма Сорокина сквозь призму его научного и жизненного опыта: уроки для современности

Татьяна Николаевна Грудина,

кандидат социологических наук,
старший преподаватель кафедры истории и теории социологии
социологического факультета,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)
e-mail: tngrudina@gmail.com

***Аннотация.** Статья посвящена анализу теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Рассмотрение данной теории осуществляется в рамках сопоставления научного и жизненного пути ученого. Показана решающая роль теории альтруизма в творческом наследии и его научной биографии. Отмечается значимость теории альтруизма для современности.*

При рассмотрении творческого наследия Питирима Сорокина следует обратить внимание на достаточно важное обстоятельство: необходимой частью этого наследия является сама биография ученого. Данное обстоятельство может быть обусловлено как спецификой и особенностями русской культуры, так и тем, что те бурные события в рамках мировой и российской истории, свидетелем и активным участником которых самой волею судьбы был Сорокин, оказали влияние на его науч-

ное творчество. Сама его жизнь становится субъектом и объектом его научных исследований. Как известно в литературной среде, писатели бывают «эпического» и «биографического» плана, так, вероятно, и среди ученых-социологов с учетом определенных условностей можно провести такую классификацию. Исходя из этой позиции Сорокин, несомненно, является ученым ярко выраженного автобиографического толка (в список его сочинений входят две книги воспоминаний и несколько статей с описанием его собственной жизни и мировоззрения).

Для лучшего понимания идей Сорокина в целом и для раскрытия его теории альтруизма в частности рассмотрим ключевые моменты его биографии. Питирим Александрович Сорокин родился в российской глубинке в селе Турья, на границе Вологодской губернии и Коми края. Воспитываясь в крестьянской среде, он с юных лет «научился понимать и ценить ее несомненные достоинства — трудолюбие, открытость, доброту и самопожертвование» [9, с. 21]. Мать его рано умирает, а отец, зарабатывая на жизнь ремесленными работами, вел кочевой образ жизни. Переходя из деревни в деревню, он приводил в порядок предметы крестьянского быта. Вместе с собой он брал и двух своих сыновей. Для Сорокина это была первая школа жизни, служения, преодоления трудностей и обретения новых смыслов. Культура народа, ее особенный деревенский быт и уклад, традиции значимо помогли знаменитому социологу в совершенствовании его профессиональной деятельности. В дальнейшем сельский подросток, охваченный жадой знаний, отправляется в Санкт-Петербург и получает там блестящее образование. А в 1922 г. его высылают за границу вместе с другими выдающимися деятелями отечественной науки и культуры. В течение года он работает в Русском университете в Праге, куда его лично приглашает президент Чехословакии Т. Масарик. Также он пишет в это время свои научные и публицистические работы, посвященные революционным потрясениям и их по-

следствиям в России. Получив приглашение в 1923 г. от ряда университетов США выступить с лекциями о русской революции, Сорокина, после успешного прочтения цикла лекций, в 1924 г. избирают профессором университета Миннесоты. В 1930 г. Сорокин принимает приглашение президента Гарвардского университета Э. Лоуэлла принять участие в создании нового факультета социологии, в течение 12 лет которого был его деканом. В дальнейшем ученый ведет активную научную и организаторскую работу в рамках данного ведущего гуманитарного заведения США. Научные труды Сорокина отличаются разнообразием тематики и разработкой новых областей социологического знания, которые заложили основу исследований в мировой социологии по проблемам социальной стратификации, социальной и культурной мобильности, созидательного альтруизма и пр. Ряд учебников Сорокина посвящены исследованиям вопросов влияния бедствий на сознание и поведение людей, по социологии войны, революции, морали. Описание своего жизненного пути и творческой биографии ученый отразил в изданиях мемуарного характера.

Справедливо отмечено одним из исследователей наследия Сорокина, что его биография была фантастической. Она действительно в определенных смыслах выглядит как «сказочный нарратив о безмятежном детстве, героической юности и победной зрелости, наполненной актами восходящей мобильности» [1, с. 8].

Таким образом, путь, который Сорокин начал в деревенской среде русского севера, вывел его из родной страны: Европа, а потом и США стали для него новым прибежищем. А в профессиональном плане он обрел свое призвание, став первым деканом факультета социологии в Гарвардском университете. «Сорокин не просто самостоятельно прокладывает свой жизненный маршрут: он учился наблюдать и отличать значимое от незначимого, социальное от индивидуального, и то, что он считал важным, Сорокин делал предметом очередного исследования.

Не случайно до определенного момента движение его мысли с удивительной точностью повторяет повороты его биографии — голод, человек в экстремальных жизненных условиях, мобильность, стратификация и способы ее преодоления, границы между социальными группами, кризис нашего времени, социальная и культурная динамика» [12, с. 71]. Среди прочих указанным тем, научному осмыслению которых Сорокин посвятил свое творчество, значимое место занимает тема альтруизма. В 1949 г. Сорокин организывает и открывает Гарвардский центр, целью которого стало изучение созидательного альтруизма. Стоит отметить, что на тот момент среди научного сообщества сильного интереса не возникло к предложенной идее решения проблем общества и его преобразования на основании принципов альтруизма. Потому исследования Центра не имели «заметно широкие движения по институционализации альтруизма в социальных науках» [13, р. 204]. Вместе с тем был заложен фундамент как в научно-исследовательском, так и в организационном направлении. Сорокин стал научным первооткрывателем в данной области, автором комплексного социологического анализа такого феномена, как альтруизм [3]. Тем не менее, дискуссии о причинах его зарождения и способах функционирования среди ученых различных научных дисциплин активно ведутся и в современных условиях. Все чаще сегодня внимание исследователей различных исследовательских областей направлено на изучение таких феноменов, как мораль, нравственность, ценности, активной популяризацией которых выступал ученый [2]. Питирим Сорокин считал, что «социальное согласие является одним из основных показателей качества человеческого существования, а его отсутствие говорит о том, что общество или социальный институт находятся в состоянии кризиса. За прошедшие полвека с того времени, как П. А. Сорокин написал свои работы, посвященные альтруизму, человечеству не только не удалось достигнуть социального согласия на глобальном и

локальном уровнях, но и появилось множество новых проблем и острых противоречий [7, с. 35].

Как было отмечено выше, одним из первых среди ученых в XX веке, кто исследовал альтруизм как социальное явление и источник созидательной энергии, был именно Сорокин. К созданию теории альтруизма Сорокин пришел во многом путем личного опыта, положенного в основу научных поисков и мировоззрения. Альтруизм для Сорокина сначала сформировался как жизненная модель поведения (о чем мы писали на примере биографии ученого), а затем глубоко вкоренился в научном творчестве в качестве социологической теории.

Личностный опыт ученого стал основой, фундаментом для построения альтруистической теории [5], а также прикладной дисциплины амитологии, изучающей возможности потенциала любви, дружбы и сотрудничества в межличностных и межгрупповых отношениях [11]. Сорокин называет свою ценностную систему «интегрализмом», соединившим воедино правду, добро и красоту. Но есть еще одна важнейшая ценность: бескорыстная любовь. Сорокин пишет: «Соединив в одно гармоничное целое универсальные и вечные ценности, имеющиеся как в материалистическом, так и в идеалистическом мировоззрении, и освобожденная от ложных ценностей каждого из них интегральная точка зрения была для меня лучше любой другой... Вместе с созидающей правдой и красотой эти три ипостаси — единственные реальные силы, способные помочь в смягчении и предотвращении катастрофы» [9, с. 238].

Сорокин описывает XX век как период, связанный с глубочайшим социокультурным кризисом, но наряду с этим Сорокин полагал, что в будущем возможно формирование нового интегрального типа социокультурного порядка, который будет опираться на научное знание, а также аккумулировать в себе мудрость человечества. Такого рода порядок, с точки зрения ученого, формируется «не борьбой за существование и взаимное

соперничество..., но духом всеобщей дружбы, симпатии и неэгоистической любви с взаимной помощью» [9, с. 75], а также является «объединенной системой интегральных культурных ценностей, социальных институтов и интегрального типа личности, существенно отличных от капиталистического и коммунистического образца» [8, с. 115].

Теория социального альтруизма, с одной стороны, занимает особое положение и приходится на «пик» творческого развития ученого. С другой стороны, в ней содержатся достаточно противоречивые взгляды и идеи. В целом, при рассмотрении научных взглядов Сорокина возникают определенные затруднения в силу того, что в течение своей долгой научной деятельности ученый неоднократно менял свои взгляды. По его собственному признанию, происходившие с ним мировоззренческие кризисы естественным образом отражались и в формировании его политического мировоззрения, и на выдвигаемых им научных теориях и представлениях.

Так, личный опыт и пережитые события были положены в основу научных поисков Сорокина, которые помогли ему в создании теории альтруизма. Альтруизм для Сорокина выступал в качестве образа жизни, его личного опыта, а впоследствии нашел свое выражение в качестве социологической теории [4; 6]. Стоит отметить, что многие обстоятельства из биографии ученого идут в параллели с тем, что он вкладывает (основные принципы и условия) в становление и функционирование альтруистической личности. Вероятно, и моделью общества, где главенствуют идеалы жертвенности, взаимовыручки, добра и любви, для Сорокина стала северная деревенская глубинка. В своих мемуарах Питирим Александрович вспоминает повседневный быт в весьма непростых условиях проживания: «Все, чем мы занимались, переполняла кипучая жизненная энергия и приподнятые чувства. В играх было много смеха и беззлобных розыгрышей; религиозные шествия настраивали нас на торжественный лад, а похороны вызы-

вали чувство искреннего сопереживания» [9, с. 28–29]. Также и вся последующая творческая деятельность известного социолога была пронизана всем тем, что окружало и наполняло его детство, сформировало его как личность и как ученого. «...Корни Гарвардского исследовательского центра по Созидательному Альтруизму, основанного мной в 1949 г., выходят именно к... заповедям Иисуса, затверженным в детстве. В соединении с моим странствующим образом жизни и социальным устройством коми народа религиозная атмосфера ранних лет сыграла важную роль в становлении моей личности, целостной системы ценностей и кристаллизации ранних философских взглядов. Так или иначе, но я придерживался идеалистического мировоззрения, в котором такие ценности, как Бог и природа, правда, добродетель и красота, религия, наука, искусство и этика, были объединены в одно гармоническое целое» [9, с. 34].

Таким образом, мы видим, что формирование альтруистической личности складывалось в течение всей жизни Питирима Сорокина [2; 3]. Социальные кризисы и бедствия, социальная среда и ее наполнение легли в основу его альтруистического поведения. В научном осмыслении альтруизма личностный опыт ученого стал основой, фундаментом для построения альтруистической теории. Такой опыт и пример может послужить хорошую службу для развития и привнесения идей альтруистического поведения для современной социологии [2; 4]. Новое общество XXI века характеризуется как кризисное во многих его сферах. Происходит процесс постепенного искажения ценностей, в том числе и жертвенной любви, в пользу потребительного комфорта, удовольствия, наслаждения. Все быстрее происходит отказ от традиционных универсальных ценностей (таких, как семья, дружба, взаимопонимание, чувство долга и ответственности, служения и пр.), что влечет за собой жесткие цивилизационные изменения в современном мире [11]. Актуальность теории альтруизма как никогда может иметь распространение в

наше время. Интерес к этой теме заслуживает особого внимания и более глубокого изучения. Сорокин пишет: «С болью за будущее и надеждой на человека я закончу мое повествование о дальней дороге, повторив здесь заключительные строки книги “Листки из русского дневника”: “что бы ни случилось в будущем, я знаю теперь три вещи, которые сохраню в голове и сердце навсегда. Жизнь, даже самая тяжелая, — это лучшее сокровище в мире. Следование долгу — другое сокровище, делающее жизнь счастливой, дающее силы не изменить своим идеалам. Третья вещь, которую я познал, заключается в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не сумеют создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном положении”» [9, с. 239]. В реализации данных идей Сорокин видел перспективы будущего и верил в возможность дальнейшего преобразования общества на альтруистических началах.

1. Дойков Ю. В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Архангельск, 2008. 432 с.

2. Долгов А. Ю. Альтруизм, мораль и социальная солидарность как новая область исследования в современной социологии (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2016. № 2. С. 89–101.

3. Долгов А. Ю. Историко-методологическая реконструкция теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина // Социологические исследования. № 9. 2014. С. 104–114.

4. Долгов А. Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: глобальная перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2. С. 32–44.

5. Кротов П. П., Долгов А. Ю. От войны к миру: У истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Вологда: Древности Севера, 2011. 400 с.

6. Кротов П. П. Питирим Сорокин: от методологических основ изучения морали, альтруизма и социальной солидарности к синтезу теории и практики // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. № 6. С. 85–96.

7. Ломоносова М. В. Революция как социальное явление в научном наследии Питирима Сорокина // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2017. № 6. С. 34–53.

8. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени. М., 1997. 351 с.

9. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вст. статья и коммент. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

10. Сорокин П. А. Тайнственная энергия любви // Социологические исследования. 1991. № 8, 9.

11. Черныш М. Ф. Питирим Сорокин и его теория революции // Мир России. 2017. Т. 26. № 4.

12. Johnston B.V. Pitirim A. Sorokin: An Intellectual Biography. Lawrence: University Press of Kansas, 1995. P. 204.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_253

Пионерские этюды Питирима Сорокина о мире и обновлении человечества

Pionieristic Pitirim Sorokin's Studies on Peace and Renewal of Humanity

Эмилиана Мангоне

Университет Салерно (Италия),

Департамент политических и коммуникационных наук

e-mail: emangone@unisa.it

Emiliana Mangone

University of Salerno

Department of Political and Communication Sciences (DiSPC)

Via Giovanni Paolo II, 132

***Аннотация.** Некоторые ученые, читающие название этой статьи, если они не имеют точных знаний о работах и деятельности Сорокина, могут подумать, что это абсурд. Такое утверждение было бы основано на том факте, что Сорокин широко известен как социолог революции и войны (1925, 2010/1942), забывая, что он также является социологом альтруистической творческой любви (Сорокин, 1954). Из этого можно сделать вывод, что первое утверждение неверно, на самом деле, так же, как Льюис Ричардсон (1950, 1960) и Куинси Райт (1957), Сорокин считается одним из основателей теории, которая позже станет известной как исследование мира (Dungen, 1996). Чтобы понять, почему Сорокина можно считать пионером исследований мира (Экхардт, 1983), нужно вернуться к его последним годам в России*

Some scholars reading the title of this contribution, if they do not have an accurate knowledge of Sorokin's works and activities, may think that this is heresy. Such a claim would be based on the fact that Sorokin is known as the sociologist of revolution and war (1925, 2010/1942) forgetting that he is also the sociologist of altruistic creative love (Sorokin, 1954). From this, it can be deduced that the first statement is wrong, in fact, in the same way as Lewis Richardson (1950, 1960) and Quincy Wright (1957), Sorokin is considered one of the precursors of what would later be known as peace research (Dungen, 1996). In order to understand why Sorokin can be considered a pioneer of peace studies (Eckhardt, 1983), one has to go back to his last years in Russia.

A date that, from my point of view, is particularly significant for the development of Sorokin's idea of peace and humanity is 21 February 1922, the 103rd anniversary of the University of Petersburg — a tragic historical period for the traditional autonomy of the Russian intelligentsia. On this date he gave a speech (Sorokin, 1922) in which

he emphasised — once again¹³ — two aspects that characterized Russian society at that time and then closed with an exhortation to the students. The first is the dramatic social condition of the Russian population, who were now so hungry that they considered the Great Russian Plain to be an open-air cemetery and a battlefield where the living fought among themselves for survival; the second is the role played by the intelligentsia, which Sorokin considers to be a failure because their idea of the world was a failure and had led them to the revolutionary catastrophe they were experiencing.

Sorokin suggests a return to knowledge and pure science, based on experience and logic, accompanied by a passion for productive work, both physical and intellectual. To this, Sorokin adds his final exhortation. The one that then — in a certain way — will characterize his entire future life and especially the studies of his last years on altruistic creative love: to disregard the *Homo homini lupus* of Hobbesian memory, but to become *Homo socius*. That *socius* which will be the subject of all his future studies, starting from the idea of the impossibility of human existence independently of others and without a society and a culture of reference: “There is no personality as a socius, bearer, creator, and user of meanings, values, and norms without a corresponding culture and society; only an isolated biological organism can exist in their absence.” (Sorokin, 1962/1947, p. 64). For Sorokin, the individual and the people as a whole are neither a *tabulea rasae* nor anonymous, which is why each “of you must himself become a true *socius*, an individual, estranged from both the selfish scavenger and the ignorantly blind herd...” (Sorokin, 1922). *Homo socius* is identified as a man who, in his generality, is characterized by being simultaneously in a condition of mutual influence and interdependence with the socio-cultural universe. It is therefore no coincidence that a master of sociology such as Sorokin considers

¹³ What Sorokin said in this speech, in summary, had already been said in the 1918 letter in which he resigned from the Socialist Revolutionary Party and the Constituent Assembly (Sorokin, 1918).

Homo socius as the object of study of the discipline and as the only form of man that can favour the harmonious development of society.

If this is the first stage — if I can call it that — of the long intellectual journey faced by Sorokin (Zyuzev, 2019) in reflecting on the conditions of the human being, it probably ends with the dilemma he poses to the whole of humanity in the last chapter of *The Ways and Power of Love* (1954): “By the mysterious forces of destiny mankind is confronted with a stern dilemma: either to continue its predatory policies of individual and tribal selfishness that lead it to its inevitable doom, or to embark upon the policies of universal solidarity that brings humanity to the aspired for heaven on the earth. It is up to everyone of us which of the two roads we prefer to choose” (Sorokin, 1954, p. 489). From this, two crucial aspects of Sorokin’s intellectual journey emerge: on the one hand, the basic idea that humanity itself is the author of its own common destiny insofar as it is capable of revaluing and promoting the dimensions of “creativity” and “love”; on the other hand, one notes what Eckhardt (1981) describes as the “transition from egoism to altruism” (p. 189) realised in Sorokin’s theorisations. In support of this, I recall what Sorokin had written earlier about ways of reducing hatred and channelling energy in a positive direction, “Hatred is still one of the most powerful emotions of man and one of the most efficient ‘motors’ of human behavior. In an overwhelming majority of human beings, it cannot be quickly eliminated or even greatly weakened. It can, however, be rechannelled for serving different ‘works’ and ‘operations’. Hitherto it has ‘powered’ mainly interindividual and intergroup conflicts. Instead of this function, its power can be used for extension of love and for binding mankind into one solidary body. How? *By redirecting the power of hatred from its present channels of interindividual and intertribal conflicts into a new ‘pipe line’ serving the sacred war of humanity against the most terrible, most implacable, eternal, and common enemies of every human being, every group, and of the whole of mankind: against death, physical and mental disease, grav-*

est criminality, stupidity, ignorance, interhuman strife, ugliness, poverty, fruitless suffering, nature's calamities, interhuman hatred itself, and a host of other forces inimical to every man's creative growth and everybody's vital, mental, and moral well-being" (Sorokin, 1954, pp. 464–465).

This statement, which is more than half a century old, is of a topicality that may disconcert the reader as it seems to have been expressed in our contemporary time.

What I want to focus on, however, is the development that Sorokin's theories on peace (and also on war) have undergone in the course of the decades and to do this I will not use the subdivision of Sorokin's theories on peace proposed by Eckhardt, Power theory, Stability theory, Golden Rule, Altruism theory, and Integral theory (1981, p. 189) but I will propose a subdivision not so much of a temporal character (although inevitably it will also be so) but of the evolution of Sorokin's thought.

1. **From revolution to diagnosis of the crisis.** What happened in the years of the revolution and the subsequent seizure of power by the Bolsheviks in the 1920s, Sorokin describes as a "privileged witness" having lived through those years personally in his first two works published in America. In *Leaves From a Russian Diary* he makes it clear that, "If future historians look for the group that began the Russian Revolution, let them not create any involved theory. The Russian Revolution was begun by hungry women and children demanding bread and herrings. They started by wrecking tram cars and looting a few small shops. Only later did they, together with workmen and politicians, become ambitious to wreck that mighty edifice the Russian Autocracy" (Sorokin, 1924, p. 3); In the second, *The Sociology of Revolution* (Sorokin, 1925) — written when he was in exile in the Czechoslovakian Republic and later published in America — he combined his experience of the Russian revolutions with historical studies of many other revolutions to identify the causes of them and the changes in action that inevitably followed. He

would return to the revolution years later in his autobiography (Sorokin, 1963, pp. 105-106), describing its life cycle. The cycle, which is the same for all revolutions, consists of three phases (the first two of which he experienced while still in Russia). The first phase can be defined as “liberation” (usually of short duration) and has the aim of freeing the people from the previous regime by promoting change and a new social order; the second phase is defined as “destructive” because in this phase there is a tendency not only to demolish the institutions but also the consolidated values and this is also achieved through destructive and terrorist actions (think of the period of the Terror after the French Revolution or what would later be called the Red Terror). If this phase does not lead to the total ruin of the nation, the revolution passes, finally, into the third phase, which can be considered “constructive” of a new personal, as well as social, cultural and political order, and is therefore the moment of pacification.

Sorokin after the publication of the four volumes of *Social and Cultural Dynamics*¹⁴ (1937a, 1937b, 1937c, 1941a) shifts his attention from the revolution to the concept of crisis, trying to draw a diagnosis and possible actions to “cure” this condition, which is considered a social pathology. And he does so in particular with three of his works: *The Crisis of Our Age* (1941b), *Man and Society in Calamity* (2010/1942), and *The Reconstruction of Humanity* (1948) — the latter published when he was no longer director of the Department of Sociology at Harvard. These works represented an intellectual turning point for Sorokin that went in two directions: on the one hand, his definitive isolation in the American academic world that had already begun with the publication of the four volumes of *Social and Cultural Dynamics*; on the other hand, the shift of focus from the causes of conflicts to ways of avoiding them,

¹⁴ I would like to remind you that these four volumes have been reduced and revised by the same scholar by publishing them all in one volume (Sorokin, 1957).

in fact, in these three books in addition to the concept of crisis, possible means and ways through which to transform the actions of individuals in order to orient them towards the reconstruction of a humanity experiencing a profound crisis due first to the Second World War and then to its conclusion are also recalled (Mangone, 2021). Here I will focus on the second direction of Sorokin's intellectual turn, leaving the first to the voluntary in-depth study of scholars.

While the Second World War was raging in Europe, Sorokin argued that the crisis he was experiencing was not an ordinary crisis: "It is not merely an economic or political maladjustment, but involves simultaneously almost the whole of western culture and society, in all their main sectors. It is a crisis in their art and science, philosophy and religion, law and morals, manners and mores; in the form of social, political, and economic organization, including the nature of the family and marriage — in brief, it is a crisis involving almost the whole way of life, thought, and conduct of Western society" (1941b, pp. 16-17). In this book, ample space is devoted to a detailed description of the crisis of Western society in the different spheres of action of individuals, also highlighting — as already mentioned — the diagnoses that corresponded to the different points of view that had developed. According to Sorokin, two were prevalent and also opposed to each other so as to be defined as the first optimistic and the second pessimistic. The first of these (optimistic diagnosis in identifying both causes and remedies) considered the crisis to be an ordinary economic crisis. It is therefore surmountable with the help of specific interventions such as, for example, the reduction of inequalities (economic and political), or the elimination of the so-called *wicked men* (in those days the reference was to Hitler or Mussolini, today, there would be no lack of names to mention). This would give hope for a return to prosperity of the different populations; the other, however, is presented in a pessimistic guise (particularly for the United States) because the

crisis is seen as the agony that precedes the future death of Western society and culture: “The present crisis is but the beginning of the end of their historical existence. No remedy can avert this destiny; no cure can prevent the death of Western culture” (Sorokin, 1941a, p. 16). Finding neither diagnosis satisfactory, Sorokin presents a third. This is not reduced to political and economic oppositions, nor even less to the destruction of the culture of Western society, because “the *total sum* of social and cultural phenomena of Western society and culture has never been integrated into one unified system. What has not been integrated cannot, it is evident, disintegrate” (Sorokin, 1941a, p. 26).

In the last chapter of *The Crisis of Our Age* (1941b) — identifying the way out of the crisis with the change of cultural mentality¹⁵ — he recalls for the first time the Sermon on the Mount, which will be taken up again and again in later works: “there must be a change of the whole mentality and attitudes in the direction of the norms prescribed in the Sermon of Mount. When such a change occurs, to a notable degree the technical ways of remodeling the economic and political structures in this direction became easy. Without this change, no mechanical, politico-economic reconstruction can give the desired results [...]. *A transformation of the forms of social relationship, by replacing the present compulsory and contractual relationships with purer and more godly familistic relationships, is the order of day [...] Our remedy demands a complete change of the contemporary mentality, a fundamental transformation of our system of values, and the profoundest modification of our*

¹⁵ By the term cultural mentality Sorokin (1957) meant the internal aspects of a cultural system that concern the experience linked to people’s thinking and the processes of symbolic mediation that enable the attribution of meaning. Hence the development from the theory of the cyclical movements of the systems he had identified (ideational, idealistic and sensate) and which are produced by the transformations of the mental bases of people and groups.

conduct toward other men, cultural values, and the world at large” (Sorokin, 1941b, p. 319). In the final part of this book we can already glimpse the Sorokin that we will find again in *The Ways and Power of Love* (1954), that is, the scholar who prefigures the overcoming of the sensist culture in the direction of a transformation of the relations between individuals, and between these and the institutions through the rediscovery of the positive values of man.

2. From the diagnosis of the crisis to the reconstruction of humanity. In this theoretical framework Sorokin returns, albeit temporarily, to pay attention to war and revolution, considering them calamities for humanity in the same way as famine and pestilence (what Sorokin calls “monsters”). In the analysis he proposes of the socio-cultural changes (from forms of thought to behaviour, from social life to the cultural processes of society) resulting from these calamities, the most interesting aspect is the identification of a general principle common to all forms of calamity without any distinction of cause (natural or man-made). He defines the “typical effects” through a general principle (*law of diversification and polarization of the effects of calamity*): “I would stress the general principle of the *diversification and polarization of these effects in different parts of the population*. By this principle is meant that *the effects of a given calamity are not identical — indeed, often are opposite — for different individuals and groups of the society concern*, since individuals and groups differ from one another biologically and psychosocially” (Sorokin, 2010/1942, p. 14). These effects lead to major changes, both individual and social, and require the emergence from a situation of crisis through the search for new balances (Mangone, 2018a). What Sorokin said in the middle of the last century is still valid to describe the dynamics that are recorded today in societies that are subject to disasters of different kinds and, therefore, also to wars (Mangone, 2018b): recent examples are the pandemic due to the spread of the SARS-CoV-2 virus, the conflicts that are scattered almost everywhere on earth and the multiple natural disasters that affect populations

(floods, earthquakes, typhoons, etc.). The resulting systemic crises are not sui generis, but represent the normal flow of life: “The life history of any society is an incessant fluctuation between periods of comparative well-being and those of calamity. [...] Sooner or later this catastrophic phase is succeeded by a new stretch of well-being, which is replaced, in turn, by a further period of calamity. And so this alternation goes on, throughout the entire duration of the society in question” (Sorokin, 2010/1942, p. 13). The fact that calamities are to be seen as part of the normal flow of humanity's everyday life allows for the recognition of features of social systems that might not otherwise be recognised: “*In this sense calamities one of the potent and radical agents of sociocultural change. Although when the emergency is over, many a society rapidly recovers (reestablishing its equilibrium, its unity, its institutions, its system of social relationships), nevertheless it is never the same as the one that existed before the calamity*” (Sorokin, 2010/1942, pp. 120-121). If this is Sorokin's idea on the dynamics of disasters, in the chapter *A Glance into the Future* he recalls and clarifies what, according to him, can be the ways out of the crisis caused by disasters and, in the case of war or revolutions, the actions that can then lead to pacification and, therefore, to lasting peace. At the heart of his proposals is the overcoming of the anarchy of values, which can only be achieved through integration and a greater rooting of values: “Since the trends are already in operation they cannot be prevented or averted. They can be shortened and alleviated, however, by the individual as well as by societies. The best way for an individual to meet them is by integrating his values and rooting them — not so much in the values of the sensory world — but rather in the moral duty and transcendental values of the kingdom of God [...] For societies, the shortest, the most efficient, and the only practical way of really alleviating and shortening the crisis is by reintegrating its religious, moral, scientific, philosophical and other values. This integration must be effected in such a way that new system of values is rooted not only in the noblest

values of this sensory world, but primarily in the values of moral duty and the Kingdom of God” (Sorokin, 2010/1942, p. 318). It is therefore from the positive relationships established within the community or groupings of individuals (essential forms of social organisation) that planning and the reconstruction of identity and a renewed system of needs and values are born.

Sorokin’s task of identifying possible remedies to deal with the crisis (at the time of writing the crisis was due to the Second World War, so the remedies had to serve the achievement of peace) did not stop. This work, in fact, continued with the book *The Reconstruction of Humanity* (1948) in which he attributed the cause of the disintegration of solidarity ties to the individualism typical of the cultural sensate mentality. It should be pointed out that Sorokin, in order to qualify the behaviour of human beings — making a significant choice — has been using the terms “solidaristic” and “antagonist” (or “compulsory”) since the volumes that earned him his doctorate in sociology (Sorokin, 1920) and not, instead, “conflicting” and “cooperative”. The “solidaristic” conduct represents any interaction in which the aspirations of both parties coincide and in which one party does not hinder but, on the contrary, helps the other party to realise its aspirations; the other conduct, “antagonist” or “compulsory” (opposite to the first), refers to an interaction in which one party prevents or hinders the aspirations of the other party. As mentioned earlier, within the pages of this book, he tries to outline how individuals can emerge from the strong condition of uncertainty caused by the Second World War that had just ended. The possible exit from the crisis can only be achieved if relationships and interactions that produce positive effects for all members of society are strengthened: “A peaceful, harmonious, and creative society can exist only when members at least a minimum of love, sympathy, and compassion ensuring mutual aid, co-operation, and fair treatment. Under these conditions its members are united in one collective “we” in which the joys and sorrows of one member are shared by others. In

such a group a member is not as isolated “atom”, but a vital part of a creative community” (Sorokin, 1948, pp. 57-58). In particular, he identifies altruistic creative love among these positive actions without however proceeding to a precise definition. He maintains, in fact, that each individual, through his own direct experience, knows “what constitutes love or altruism” (Sorokin, 1948, p. 58), but then distinguishes between: a conduct genuine altruism, a conduct nonaltruistic which is not opposed to altruism but does not even have its characteristics, and a conduct antialtruistic or egoistic which gathers together all those actions that are clearly opposed to altruism (for example, revenge, enmity, etc.). To these, Sorokin adds, moreover, a further clarification on what is “*wise and creative altruism from blind altruistic passion*” (Sorokin, 1948, p. 60); the former (*wise*) is composed of actions with no harmful effects on others, and this regardless of the subjective or objective dimension, while the latter (*creative*) is subjectively altruistic in its end but not in its objective nature which is non-altruistic.

Towards the final part of the book, in summarising the remedies for resolving the crisis in the sensist society, the Russian-American sociologist argues that, beyond the complexity of mental phenomena, the main reason for man's impotence in being creatively altruistic is the neglect of these phenomena by science over the last four centuries. According to our author, it is a priority for science to correct the misconception about *human energies*.

3. From egoism to universal altruism, the pioneer of peace research. This is the last turning point in Sorokin's intellectual journey, which can be summarised in the following phases: from the analysis of the causes of the revolution to those of the post-World War II crisis, from the diagnosis of the crisis to the reconstruction of humanity, and finally, from the reconstruction of humanity to the positive energies useful for the civil and peaceful coexistence of the members of society in the entire universe. This leads to all the studies on human energies and in particular on altruistic creative love.

In fact, the Harvard Research Center in Creative Altruism has been active since February 1949, with funding (which lasted about eight years) from Eli Lilly and the Lilly Endowment to enable Sorokin to adequately continue the research he had already started on the topic of altruism. The aim of the Center was to study the topic of altruism by analysing its various types, aspects and dimensions, as well as its effects on individual, social and biological life (Mangone & Dolgov, 2020). And it is possible to reconstruct its activities quite analytically on the basis of reports published by Sorokin himself (1955a, 1963, 1995). The activities of the Harvard Research Center in Creative Altruism allowed Sorokin to bring to the attention of researchers — albeit with few proselytes — issues that were snubbed by the social sciences (love and altruism) which were too busy researching the negative rather than the positive values of human beings. According to Sorokin, change had to start from the rediscovery of the positive values of man, and sociology had to act as a guide, also by overcoming strictly sensist models of knowledge. Sorokin was so convinced of the potential of the social sciences as a guide for mankind that he even suggested the creation of a new applied science to promote friendship, unconditional love and mutual aid: “The historical moment has struck for building a new applied science or a new art of amitology — the science and art cultivation of amity, unselfish love, and mutual help in interindividual and intgroup relationships. A mature amitology is now the paramount need of humanity. Its development tangibly determines the creative future of *homo sapiens*” (Sorokin, 1951, p. 277). The primary task of this new discipline is to analyse the basic aspects, properties and forms of love relationships. The application of these assumptions implies understanding the mechanisms through which human beings make decisions on the basis of the degree of knowledge they possess about a certain situation. Here we come back to the problem that Sorokin posed in *This is my Philosophy* (1958) concerning the construction of an integral knowledge system (Mangone, 2018c) that

would hold together the three forms of knowledge (empirical-sensory, reason, and intuition). A knowledge system capable of providing as many elements as possible for understanding superorganic phenomena. This would also enable us to predict their transformations. On these assumptions proceed the work of the Center in Creative Altruism and, in fact, if Sorokin, in *The Reconstruction of Humanity* (1948), had described the altruistic conduct (*genuine altruism, nonaltruistic, and antialtruistic or egoistic*) in *The Ways and Power of Love* (1954) — the book that represents the fruit of all the years of work of the Center — identifies a type of altruists who emerge from specific growth paths. In Chapter IV of this book, Sorokin describes the benefits of the power of creative love, ends by describing the aspects, dimensions, production and management of love, as well as its power (Mangone & Dolgov, 2020; Mangone, 2020), and then leaves room in the remaining part of the work (about two-thirds) for the description of the types of altruism, the ways of growing altruism, and the techniques for transforming individuals and groups into altruists.

The triadic typology identified by Sorokin is based on self-identification and distinguished in: *the early-fortunate*, who self-identifies from early childhood with the value system and develops loving behaviour because he was born or belongs to environments that favour altruistic development; *the late-matured or the late-catastrophic*, which differs from the former in that the change in behaviour is due to a sudden turning point in the individual's life (an event that divides life into pre-altruistic and altruistic), which may last for a longer or shorter period of time and consists in the reintegration of the value system; and finally, *the intermediary*, which lies in the middle of the two previous types by accentuating more or less the characteristics of one or the other. It is clear that not all forms of self-identification help the transformation of individuals' behaviour towards altruism, also because in Sorokin's theorisations the idea that individual development is in close relation with the

socio-cultural organisations of society is never abandoned and, therefore, personality is not simply the result of the conflict between conscious and unconscious aspects (as in Freudian theory), but the result of a complex negotiation between several aspects. Sorokin rejects the simplification between conscious and unconscious, in fact he had already previously (Sorokin, 1962/1947) identified a sort of “quadruple structure” of the personality: biological unconscious, biological conscious or the bioconscious, sociocultural conscious or socioconscious, and, finally, supraconscious, which is the level he refers to when discussing transformations of the personality towards more altruistic acting.

Sorokin, in his analytical approach, identifies and describes 26 different techniques of altruisation or socialization to altruism, which he classifies into two main systems: *ego-transcending*, which is based on the complete transcendence of the ego and a total control of unconscious drives; and *ego-centred*, which, on the contrary, does not require the cancellation or complete transcendence of the ego and unconscious drives, since both are considered positive values and their preservation is the necessary condition for altruisation. Sorokin also makes it clear that — similar to other tools — most techniques for transforming human behaviour can be used for both positive and negative purposes, for both altruistic and egoistic development. Indeed, the conduct of individuals is not always positively oriented towards the other, even though this can be transformed by a revolution of minds and hearts (a peaceful revolution, without any form of violence). These aspects, by the way, had already emerged earlier in Sorokin's thought, when he made it clear that the renaissance and transformation of humanity with respect to a creative order and happiness is possible: “Since the existing sensate order is moribund, we have no choice, unless we are resigned to the extinction of our civilization, but to follow the road to renaissance and transfiguration. Assisted by the forces of the historical process and especially by the liberated energies of the superconscious,

humanity may travel this road until it reaches the haven of the new order of creative peace and happiness. All that is necessary is the supreme mobilization of our available mental and moral forces, control of subconscious drives by the conscious and superconscious factors, and unflinching determination to meet courageously all the difficulties of the pilgrimage. It is for humanity itself to decide its destiny!” (Sorokin, 1948, p. 241). These aspects are further explored in the final chapter (*From Tribal Egoism to Universal Altruism*) of *The Ways and Power of Love*, in which he describes the necessity of the shift from tribal altruism or tribal egoism (altruism that expresses itself exclusively in the in-group, making one indifferent if not aggressive towards other groups or out-groups) to universal altruism (altruism that extends beyond one’s own group membership to embrace the whole of humanity, nobody excluded).

According to Sorokin, transformations must start from the rediscovery of man’s positive values, and science acts as a guide, also by overcoming strictly sensate models of knowledge. In the case of sociology, it is not only a sociology of crisis, but a critical sociology that does not stop at analysing the processes of degeneration of society, but searches for its deep roots, denouncing the negative factors that determine it. Sorokin argues that, even though he has little knowledge of love energy and how it is produced and used, this knowledge is sufficient to justify the hypothesis that the “grace of love” (Sorokin, 1959) is one of the three highest energies known to man (together with those of truth and beauty). The knowledge produced by Sorokin for the study of altruism and love is such that it deserves attention, also because he did not refer to a sociological humanism but to a humanist sociology whose aim was to try to transform the way human beings interact by orienting them towards the bond defined as love relationship and which characterises a free, harmonious, humanistic and creative society. Sorokin was the precursor of that “positive sociology” — in analogy with “positive psychology” (Nichols, 2005, 2012) — or of the

“humanistic sociology” (Berger, 1963; Lee, 1973, 1978; Goodwin, 2003) that between the end of the last century and the beginning of the third millennium many have been hoping for.

4. Sorokin pioneers of peace research. The culmination of Sorokin’s laborious work at the Harvard Research Center in Creative Altruism can be summed up in the following statement: “At the present juncture of human history, a notable increase of an unselfish, creative love (goodness) in the superorganic world is the paramount need of humanity” (Sorokin 1958, p. 184). Hyper-individualism has led to conflicts between individuals and groups, the negative effects of which reverberate on these same individuals and groups, so it is humanity itself that must act for its own salvation. “In the twentieth century interhuman strife assumed the catastrophic proportions of two world wars and many other wars, of endless bloody revolutions and revolts, not to mention crimes and milder forms of the ‘struggle for existence’. At present, due to the discovery of the intra-atomic secrets and to the invention of Apocalyptic means of destruction, this moral anarchy begins to threaten the survival of mankind and especially the continuation of its creative mission” (Sorokin, 1958, p. 185). This explains why the increase of an unselfish love is crucial for humanity. In his works, Sorokin demonstrated that altruism is an effective resource for overcoming social disintegration in times of social and cultural crisis, and thus plays the important role of a regulator of development oriented towards social justice. Sorokin was one of the first to institutionalise research into pro-social phenomena such as altruism and love and, for this reason, is also considered one of the forerunners of peace research. Also significant in the field of peace studies is chapter X of the book *Russia and the United States* in which he highlights what he sees as the causes of war and peace and, in particular, for the latter he makes it clear that: “In a given universe of societies or within a particular society the probability of peace varies directly with the integration of the systems of the basic values and their mutual compatibility. When

their integration and harmoniousness decline, especially suddenly and sharply, the chances for international or civil war increase” (Sorokin, 1944a, p. 216). The necessary reintegration of values and forms of relationships as a remedy for avoiding the outbreak of war and, therefore, for the continuation of periods of peace was repeatedly emphasised by Sorokin (1938, 1944b). Added to this, however, is his first-person pacifist commitment during the Vietnam War, including a letter sent on 23 May 1961 to President John Fitzgerald Kennedy, and his aversion to the Cold War between America and Russia, accusing all parties involved (including the United Nations) of an unwillingness to implement peace policies (Sorokin, 1956) or of the presence of the exclusive idea of coercive peace policies: “The existing foreign policy of the Eastern as well as the Western blocs represents the most obsolescent, uncreative and war-breeding policy of a Neolithic man. It is the age-old policy of the *si vis pacem para bellum*, of the ‘peace through power,’ deterrence and ultimately, of a coercive peace through war” (Sorokin, 1955b, p. 3). According to Sorokin, in the absence of a moral universe, no lasting peace is possible, regardless of all the economic and/or political interventions undertaken, and no kind of agreement can bind the parties if they are not interested in respecting it. This also explains his constant reference to the Sermon on the Mount, if not for its most sublime norms, at least in the form of “Do unto others as you would have them do unto you”, which must become the guide not only for each individual man, but also for nations, peoples and political leaders in order to achieve lasting peace. Sorokin’s pioneering theories have evolved as his thinking has evolved from the study of revolution and war as the main causes for the loss of peace, to the study of crisis and the search for stability that serves as a necessary transition to, finally, the positive forces of humanity such as altruism. How, though, can these studies be useful today? They can be useful in redirecting social scientists towards the expansion of peace studies and research. Inherent in the activity of

research is change, and perhaps with it is also possible to change ideas and values in the direction of lasting peace, and if this means institutionalising peace studies, then Sorokin did well to try to institutionalise studies on altruism and love.

1. Berger, P. L. (1963). *Invitation to Sociology: A Humanistic Perspective*. Garden City: Anchor Books.

2. Dungen, P. (1996). Initiatives for the Pursuit and Institutionalization of Peace Research in Europe During the Inter-War Period (1919-1939). In L.-A. Broadhead, *Issues in Peace Research 1995–96* (pp. 5–32). Bradford: University of Bradford.

3. Eckhardt, W. (1981). Sorokin's Studies of Revolution and War. *Peace Research*, 13 (4), pp. 182–190.

4. Eckhardt, W. (1983). Pioneers of peace research III: Pitirim A. Sorokin: Apostle of love. *International Interactions: Empirical and Theoretical Research in International Relations*, 10(2), pp. 147–177. doi: <http://dx.doi.org/10.1080/03050628308434612>

5. Goodwin, G. A. (2003). Toward a Paradigm for Humanistic Sociology. *Humanity & Society*, 27(3), pp. 340–354. doi: <https://doi.org/10.1177/016059760302700315>.

6. Lee, A. McC. (1973). *Toward Humanist Sociology*. Englewood Cliffs: Prentice Hall.

7. Lee, A. McC. (1978). *Sociology For Whom?* New York: Oxford University Press.

8. Mangone, E. (2018a). The Reconstruction of a New System of Needs after a Post-War Emergency. In S. Schlieuwe, N. Chaudhary & G. Marsico (eds), *Cultural Psychology of Intervention in the Globalized World* (pp. 135–154). Charlotte: Information Age Publishing Inc.

9. Mangone, E. (2018b). From calamities to disasters: Pitirim Aleksandrovič Sorokin's insights. *Human Arenas*, 1(1), pp. 79–85.

10. Mangone, E. (2018c). *Pitirim A. Sorokin il teorico della sociologia integrale* [Pitirim A. Sorokin the Theorist of Integral Sociology]. *Quaderni di Teoria Sociale*, 2, pp. 41–60.

11. Mangone, E. (2020). Pitirim A. Sorokin's Contribution to the Theory and Practice of Altruism. *Revue européenne des sciences sociales*, 58(1), pp. 149–175. doi: <https://doi.org/10.4000/ress.6497>.

12. Mangone, E. (2021). *Dalla crisi del nostro tempo alla ricostruzione dell'umanità. Per una rilettura di Pitirim A. Sorokin* [From

the Crisis of Our Time to the Reconstruction of Humanity. For a Re-reading of Pitirim A. Sorokin]. *Problemi dell'informazione*, XLVI(1), pp. 83–105. doi: 10.1445/100130.

13. Mangone, E. & Dolgov, A. (2020). Sorokin's "Altruistic Creative Love": Genesis, Methodological Issues, and Applied Aspects. *Human Arenas*, 3(1), pp. 6-22. doi: <https://doi.org/10.1007/s42087-019-00058-w>.

14. Nichols, L. T. (2005). Integralism and positive psychology: a comparison of Sorokin and Seligman. *Catholic Social Science Review*, 10, pp. 21–40.

15. Nichols, L. T. (2012). North Central Sociological Association Presidential Address. Renewing sociology: Integral science, Solidarity, and Loving kindness. *Sociological Focus*, 45(4), pp. 261–273.

16. Richardson, L. F. (1950). *Statistics of Deadly Quarrels*. Chicago: Quadrangle Books.

17. Richardson, L. F. (1960). *Arms and Insecurity*. Pittsburgh: Boxwood Press.

18. Sorokin, P. A. (1918). Письмо в редакцию [Letter to the editor]. *Крестьянские и Рабочие Думы* [Peasants' and Workers' Thoughts], October 29, 1918. Accessed March 8, 2022. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/29.php

19. Sorokin, P. A. (1920). *Sistema soziologii* [Sociology System], 2 voll. St. Petersburg: Isdatelstvo Kolos.

20. Sorokin, P. A. (1922). Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины петербургского университета, 21 февраля 1922 г. [Speech at the solemn meeting on the 103d anniversary of St. Petersburg University, 21st February 1922]. Accessed March 8, 2022. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Sorokin/37.php

21. Sorokin, P. A. (1924). *Leaves from a Russian Diary*. New York: E. P. Dutton & Co.

22. Sorokin, P. A. (1925). *The Sociology of Revolution*. Philadelphia and London: J. B. Lippincott Company.

23. Sorokin, P. A. (1937a). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. I: *Fluctuation of Forms of Art*. New York: American Book Company.

24. Sorokin, P. A. (1937b). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. II: *Fluctuation of Systems of Truth, Ethics, Law*. New York: American Book Company.

25. Sorokin, P. A. (1937c). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. III: *Fluctuation of Systems of Social Relationships, War and Revolution*. New York: American Book Company.

26. Sorokin, P. A. (1938). A Neglected Factor of War. *American Sociological Review*, 3(4), pp. 475–486.
27. Sorokin, P.A. (1941a). *Social & Cultural Dynamics*. Vol. IV: Basic Problems, Principles and Methods. New York: Bedminster Press.
28. Sorokin, P. A. (1941b). *The Crisis of Our Age. The Social and Cultural Outlook*. New York: E.P. Dutton & Co.
29. Sorokin, P. A. (1944a). *Russia and the United States*. New York: E.P. Dutton & Co.
30. Sorokin, P. A. (1944b). The Conditions and Prospects for a World Without War. *American Journal of Sociology*, 49(5), pp. 441–449.
31. Sorokin, P. A. (1948). *The Reconstruction of Humanity*. Boston: The Bacon Press.
32. Sorokin, P. A. (1951). Amitology as an Applied Science of Amity and Unselfish Love. In K. G. Specht (ed.), *Soziologische Forschung in Unserer Zeit* (pp. 277–279). Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.
33. Sorokin, P. A. (1954). *The Ways and power of Love. Types, Factors and Techniques of Moral Transformation*. Boston: Beacon Press.
34. Sorokin, P. A. (1955a). Les travaux du Centre de recherches de Harvard sur l'altruisme créateur. *Cahier internationaux de sociologie*, 19, pp. 92–103.
35. Sorokin, P. A. (1955b, 17 July). Foreign Policy of Peace. *Japan News*, p. 3.
36. Sorokin, P. A. (1956). No Real Peace Policy. *Liberation*, 1(1), pp. 11–14.
37. Sorokin, P. A. (1957). *Social & Cultural Dynamics. A Study of Change in Major Systems of Art, Truth, Ethics, Law and Social Relationships*. Boston: Porter Sargent Publisher.
38. Sorokin, P. A. (1958). Integralism is My Philosophy. In W. Burnett (ed.), *This is my Philosophy. Twenty of the World's Outstanding Thinkers reveal the Deepest Meaning they have found in Life* (pp. 180-189). London: George Allen & Unwin Ltd.
39. Sorokin, P. A. (1959). The mysterious energy of love. *Science of Mind*, XXXII, 3–7.
40. Sorokin, P. A. (1962). *Society, Culture, and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. New York: Cooper Square Publishers. (Original edition of Harper & Brothers, 1947).
41. Sorokin, P. A. (1963). *A Long journey. The Autobiography of Pitirim A. Sorokin*. New Haven: College and University Press.

42. Sorokin, P. A. (1995). Studies of the Harvard Research Center in Creative Altruism. In B. V. Johnston (ed.), *Pitirim A. Sorokin. On the Practice of Sociology* (pp. 305-316). Chicago: Chicago University Press.

43. Sorokin, P. A. (2010). *Man and Society in Calamity*. New Brunswick: Transaction Publishers (Original edition of E.P. Dutton & Co., 1942).

44. Wright, Q. (1957). The Value for Conflict Resolution of a General Discipline of International Relations. *Journal of Conflict Resolution*, 1(1), pp. 3–8.

45. Zyuzev, N. F. (2019). *Питирим Сорокин: учение и жизнь* [Pitirim Sorokin: Theory and Life]. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_274

Больничная клоунада и альтруизм (на основе опроса больничных клоунов)

Татьяна Александровна Мазайлова,

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальной и молодежной политики,
Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)
e-mail: bakulinat81@gmail.com

Татьяна Викторовна Сиротина,

кандидат социологических наук, доцент
кафедры социальной и молодежной политики,
Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)
e-mail: sirotina@socio.asu.ru

Аннотация. В статье представлен анализ мотивов деятельности больничных клоунов в контексте типов альтруистического поведения. Авторами исследуются: мотивы, цели, задачи волонтерской деятельности в сфере больничной клоунады; затраты материальные и нематериальные в процессе волонтерской деятельности; изменения,

трансформации, произошедшие за период волонтерской деятельности. Авторы делают вывод о том, что работа больничных клоунов соответствует «истинному» альтруистическому поведению.

Введенный основоположником социологии О. Контом термин «альтруизм» получил широкое распространение среди исследователей. Исследования просоциального поведения в тот период позволили опереться на данный термин, поскольку он включал в себя фундаментальную направленность и позволял формировать теоретические модели объяснения поведения человека и социальных групп [1].

По мере развития исследования явления альтруизма акценты его изучения смещались с просоциальных на предложенное Г. Спенсером эволюционное объяснение альтруизма — выявления значения индивидуальной выгоды для альтруиста как носителя данного типа поведения.

А. В. Быков в диссертации «Альтруизм в социологической теории: интегративный подход» дает определение трем типам альтруизма, соответствующее моделям его объяснения, каждая из которых описывает специфические механизмы поддержания альтруистического поведения.

Родственный альтруизм — это альтруистическое поведение объясняется наличием у донора и реципиента общих генов, которые получают эволюционную выгоду от альтруистических действий в результате увеличения шансов на репродукцию. Реципрокный альтруизм — это альтруистическое поведение ориентировано на ответные альтруистические действия реципиента в будущем (или представляет собой ответ на подобные действия в прошлом) и, по сути, является взаимовыгодным обменом помощью (в том числе благами и услугами) между двумя и более индивидами. «Истинный» альтруизм — это альтруистическое поведение не основано на непосредственной внешней выгоде для донора. Предлагаемые объяснения подобного поведения

достаточно разнообразны и, как правило, включают в себя отсылки к специфической мотивации, определенным психологическим качествам или аффективным состояниям, специфике социальной ситуации, наличию неявной (непрямой или обобщенной) реципрокности и необходимости следования интериоризированным социальным нормам [1].

Несомненно, что определение понятия «альтруизм» в самом простом варианте — это поведение, которое приносит пользу другим индивидам. Важно, что любые альтруистические действия связаны со смыслом, которые вкладывают в него действующие, а также затратами действующих. Эти смыслы могут меняться в зависимости от времени совершаемых действий, от выполняемой деятельности, а также от субъективного восприятия целей и задач своей альтруистической деятельности в данный период времени, своего внутреннего состояния. Затраты также могут быть различными на разных этапах альтруистической деятельности.

Волонтерская деятельность опирается на социально-психологические смыслы, идеи в области морали, сотрудничества, этики, представлений в обществе о развитии человека, социального одобрения и т. д. Несомненно, волонтерство и идеи помощи другим тесно связаны, однако не всегда данное волонтерство является «истинным». Опираясь на классификацию, описанную А. Б. Быковым и приведенную выше, нами было проведено исследование, направленное на выявление механизмов поддержания альтруистического поведения у волонтеров, занимающихся больничной клоунадой.

Технология больничной клоунады носит комплексный характер. Она направлена на реабилитацию и адаптацию детей в условиях медицинского учреждения. Волонтер, реализующий ее, должен обладать социальными навыками, психологическими знаниями, знаниями в области педагогики, актерскими навыками, основами импровизации. Эта технология позволяет формировать социальные компетенции, развивать эмоциональный

интеллект, учиться саморефлексии, коммуникации с детьми. Волонтеры, работающие в качестве клоуна, тесно взаимодействуют с разными категориями детей.

В 2021 г. в г. Барнауле было проведено полуструктурированное интервью волонтеров команды больничных клоунов города с целью определения мотивов их деятельности. Нами было выделены две группы волонтеров. Первая группа — это волонтеры, которые совсем недавно стали пробовать свои силы в больничной клоунаде, а именно занимаются клоунадой не более 1 года. Вторая группа — волонтеры, которые занимаются больничной клоунадой более 3-х лет. В первой группе все респонденты — женщины в возрасте от 19 до 38 лет, всего 5 человек. Во второй группе 4 женщины в возрасте от 24 до 40 лет.

Вопросы были разбиты на несколько блоков: (1) мотивы, цели, задачи волонтерской деятельности в сфере больничной клоунады; (2) затраты материальные и нематериальные в процессе волонтерской деятельности; (3) изменения, трансформации, произошедшие в период волонтерской деятельности.

В первой и второй группе все респонденты ответили, что они бы хотели помогать детям, что детям в больнице плохо и что именно больничная клоунада — это та технология, которая может интересно отвлечь детей от болезни и медицинских процедур. Желание помочь было выявлено у всех респондентов. Кроме этого, у опрашиваемых были и другие мотивы для занятия волонтерством.

На вопрос: «Кроме помощи детям, что еще подвигло вас заниматься больничной клоунадой?», были даны следующие ответы. «Мне хотелось сделать жизнь детей в больнице ярче и, вообще, чтобы больше людей в больнице улыбалось. Это же так классно, когда неожиданно появляется клоун и ты можешь реакцию наблюдать».

«У меня есть много уже чего в жизни, но вот красок не хватает будто. Хочу помогать, чтобы другим было хорошо, а моя жизнь тогда более наполненная будет».

«Я работаю с детьми. Когда узнала про клоунаду, подумала, что было бы классно, если бы я смогла быть клоуном, приходиться к детям. Занималась в детстве актерским, хотела попробовать себя в роли клоуна, а еще и с пользой для детей. Это прекрасно, мне кажется».

«Мне было прикольно, что я одену костюм клоуна, перевоплощусь в другого персонажа, мне всегда была интересна актерская игра».

Вторым важным мотивом стало желание делать что-то новое, развивать новое для региона направление работы. «Я раньше слышала, что клоуны приходят к детям в больницу, думала, что здорово было бы и у нас в крае, чтобы дети могли клоунов в больнице увидеть. Когда узнала, что есть такая возможность, с радостью согласилась развивать это».

«Я была на обучении по работе больничных клоунов, и когда вернулась с обучения, у меня не было сомнений, что нужно у нас людей пригласить и обучить этой технологии. У нас в крае на тот момент не было больничных клоунов, а хотелось, чтобы были».

«Мне сказали, что можно пройти обучение по больничной клоунаде и потом его внедрить в работу у нас в крае, мне понравилась эта идея, и я согласилась».

Блок вопросов про затраты включал два вопроса: «Требуются от тебя дополнительные усилия, ресурсы для занятия больничной клоунадой?» и «Какие ресурсы нужны, чтобы ты мог эффективно заниматься больничной клоунадой?»

Основной ресурс, который выделила большая часть респондентов, — это временной ресурс: «надо всегда время побольше в своем графике иметь, чтобы ходить в больницу, времени не хватает»; «много других дел, не всегда получается в график выходов в больницу вклиниться»; «сложно рабочее время подогнать под работу с детьми, времени не хватает, хочется отдохнуть после ночной смены»; «у меня вечно не хватает времени,

хотелось бы больше времени уделять этому занятию. В самом начале я больше времени тратила, конечно, сейчас меньше, но более качественно».

Респонденты второй группы отметили, что в самом начале больше мотивации и находится время для работы. Далее этого ресурса находится все меньше. Причиной отсутствия временного ресурса служит изменение социального статуса, профессионального статуса волонтера: «когда я начинала заниматься больничной клоунадой, то была не замужем, сейчас у меня семья, ребенок, конечно, я в первую очередь сопоставляю свои планы с ними»; «в самом начале у меня как-то была меньшая загруженность на работе, потом я поменяла работу, пока на новом месте адаптировалась, я вообще не выходила к детям — у меня не было сил никаких к ним идти».

К важным ресурсам, которые необходимы для работы больничным клоуном, первая группа респондентов отнесла время, умение играть с детьми, знания. Вторая группа респондентов отметила такие ресурсы, как: время, внутренний психологический настрой, легкость, желание развиваться и меняться, как волонтер: «если ты хочешь просто помогать — это прекрасно. Но потом ты «сдуваешься» и моя мотивация «обнулилась» до учиться новому и замечать, как я меняюсь с помощью своего клоуна, приходиться к детям с разным клоунским настроением».

Все респонденты выделили постоянное обучение, сопровождение куратора группы как поддерживающий ресурс в больничной клоунаде. Без внешнего ресурса по организации, обучению и сопровождению, считают респонденты, качество работы клоунов снизится.

В третьей группе вопросов о том, какие изменения произошли, первая группа респондентов выделила несколько качеств: «я стала как-то иначе на детей смотреть», «еще стала больше ценить, что я здоров, что я не в больнице, а остальное — мелочи», «я не знаю, что во мне изменилось, но, мне кажется, что я

стала больше шутить», «может, это нельзя отнести к изменениям, но я на врачей по-другому стала смотреть, с большим уважением», «я не замечаю особых трансформаций, я просто на некоторые вещи в жизни иначе посмотрела».

В группе, в которой волонтеры дольше занимаются больницы клоунадой, ответы были более разнообразные: «самым глобальным изменением стало то, что у меня вообще клоун поменялся. Я раньше была одна, а сейчас поняла, я настолько за эти годы изменилась, что нашла нового клоуна в себе. Это самое классное, что я готова дальше быть волонтером и смотреть, как меняется мой клоун».

«Я осознала, что значит играть в игры, что такое импровизация в игре с детьми. Это удивительное ощущение легкости, и в такой импровизации нет правильного ответа. Нет страха ошибиться».

«Я не меняюсь практически, но стала замечать, что перестала суетиться, когда работаю с детьми, меньше паники и лишних слов».

«У меня какие-то негативные изменения, я будто разучилась быть клоуном, я иду такая серьезная к детям. В этом состоянии я могу понять, что со мной не так. Мой клоун точно мой психолог».

«Мое основное изменение — это какой настоящий профессионал из моего клоуна может получиться».

«Мне больше всего понравилось, что получается каждый раз по-новому работать в палатах. Это я замечаю и радуюсь этому».

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Изначально волонтеры руководствовались желанием помогать тем, кому сложнее, заботиться о детях, которые имеют проблемы со здоровьем. Также они хотели делать что-то новое для развития своего региона, территории, на которой живут.

На начальных этапах волонтерской деятельности никто из участников не думал о получаемых выгодах. Однако при более длительном участии в волонтерской работе находятся мотивы выгоды для продолжения такой деятельности.

Важно отметить, что выгоды, которые получают больничные клоуны, соответствуют «истинному» альтруистическому поведению волонтеров.

1. Быков А. В. Альтруизм в социологической теории: интегративный подход : дис. ... канд. соц. наук. 22.00.01 / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М., 2015. 157 с.

DOI: https://doi.org/10.34130/9785907496064_281

Концепция формирования личности в трудах П. А. Сорокина

Надежда Ивановна Романчук,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры БЖД
и ФК института социальных технологий,
Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия)
e-mail: romanchukni@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы формирования социокультурного самоопределения личности с позиции известного социолога Питирима Сорокина.

Социальные изменения и кризис, происходящие в современном обществе, серьезно повлияли на образовательный процесс и социокультурную динамику. Это, в свою очередь, проявилось в обесценивании знаний, снижении профессионального и культурного уровня

молодых людей и, как результат, привело к разбалансировке социальной системы.

При подготовке статьи использовались опубликованные работы П. А. Сорокина.

Социальный институт образования является фактором формирования культурных ценностей общества и духовной сферы личности. Важным компонентом обучения будет формирование навыков самостоятельной, творческой деятельности личности с учетом индивидуальных и социальных потребностей человека и общества. Однако функция образования как социального института заключается не только в развитии способностей и навыков личности, но и в выборе места в системе общественных отношений, в том числе семьи, моральных норм и ценностей. Это система ценностей, которая является связующим звеном между поколениями и обеспечивает преемственность социальных практик, позволяет молодому человеку ориентироваться в окружающем его мире.

Сегодня в сознании молодых людей успех в жизни связан с прагматическими интересами, а не общественными и коллективными. Молодой человек неизбежно вытесняется из сферы основного производства в сферу потребительства, занимая социальную нишу «потребитель», а не «создатель».

Если перечитывать работы П. А. Сорокина в свете текущих проблем и дискуссий, можно обнаружить их ценность в свете существующих проблем. До своей эмиграции в 1922 г. в Европу, а оттуда в Соединенные Штаты, П. А. Сорокин сделал выдающуюся интеллектуальную и политическую карьеру в России. Начав свою жизнь как сын бедного странствующего ремесленника и матери-крестьянки, впоследствии стал одним из основоположников социологической науки у себя на родине.

Как правило, развитие ребенка во многом определяется содержанием жизни людей и групп, среди которых он родился и вырос. В значительной степени это правило сказалось на

формировании личности П. А. Сорокина. Идеи и убеждения также определились в основном из окружения коми-крестьян, учителей, духовенства и товарищей по играм, из книг, которые П. А. Сорокин читал. Мораль и нравы коми-крестьян формировались вокруг заповедей и взаимопомощи. В домах крестьян не было замков, потому что воров не было. Тяжёлые преступления совершались очень редко. Люди практиковали моральные предписания, которые они проповедовали из поколения к поколению. Сами нравственные нормы считались богоданными и обязательными для всех. Люди, живущие в такой морали, впитали моральные нормы и нравы [7].

Окружающий мир, земля коми, в котором происходило формирование личности юного П. А. Сорокина, отличался небывалой красотой: чистые большие реки и озера, бескрайние леса, простирающиеся на сотни миль, цветущие луга и поля, бескрайние просторы чистого белого снега, голубое небо с яркими звездами ночью.

Другой частью эстетического мира П. А. Сорокина был рукотворный мир изобразительного искусства коми: профессиональная работа по росписи икон, изготовление медных и серебряных окладов для икон, атмосфера церквей с их фресками, иконами и многое другое, что влияло на развитие глубоких чувств к цвету и форме, пробуждало интерес к живописи, скульптуре и архитектуре, эстетические предпочтения.

Музыкальные вкусы формировались под влиянием народной музыки, старинных народных песен угро-финского народа, крестьянских народных танцев и обрядовых ритуалов, религиозной музыки церкви. Литературное образование молодого П. А. Сорокина началось с народных сказок и стихов. Богатая народная литература дополнялась литературой великих русских писателей [7].

Выросший в этих условиях П. А. Сорокин впитал в себя дух уверенности в своих силах. Несмотря на то что в семье П. А. Сорокина часто не хватало еды, одежды, тем не менее он не чувствовал себя брошенным и одиноким, несчастным и подавленным. Жизнь, которой он наслаждался, казалась замечательной, значимой и полной захватывающих приключений и безграничных надежд. Возможно, каждый из факторов, окружающих человека в юности, в процессе формирования личности играет роль в определении жизненного пути [7].

После окончания гимназии в 1904 г. П. А. Сорокин поступил в Хреновскую учительскую школу, где встретил иную среду и иных людей, заметно отличавшихся от тех, которых знал с детства. Люди, с которыми он встретился, представляли иные идеи, стандарты и ценности: крестьяне и фабричные рабочие, клерки и администраторы, учителя, священники, врачи, писатели, представители различных политических партий.

Новая среда, новые люди расширили умственный кругозор П. А. Сорокина. Суммарное воздействие всех этих факторов было столь мощным, что сформированные религиозные, философские, политические, экономические и социальные идеи П. А. Сорокина рухнули и были заменены новыми взглядами и ценностями.

После завершения учебы в Хреновской учительской школе жизнь П. А. Сорокина кардинально меняется: переезд в Петербург, учеба в университете, завершение университета с отличием, получение степени доктора социологии в 1920 г. Знакомство с русскими деятелями литературы, музыки, живописи, театра повлияло на дальнейшее формирование мировоззрения молодого Сорокина. Активная политическая деятельность привела П. А. Сорокина в область новых научных интересов — политология и практическая политика.

Ряд трудов П. А. Сорокина («Социальная и культурная динамика» (1937–1941), «Общество, культура и личность»

(1947), «Реконструкция человечества» (1948) и другие книги), изданных в период с 1930 по 1961 г., являются результатом переосмысления влияния процесса социально-культурных изменений общества на формирование культурных ценностей и духовной сферы личности.

В своих ранних работах П. А. Сорокин рассматривает социальные потрясения не более чем несущественные препятствия на пути эволюции человечества к социальному и культурному совершенству. Время и среда существенно меняют мировоззрение отдельного человека и общества в целом.

Вместе с тем отрицательные результаты приносят много положительных. Неожиданные взгляды и теории П. А. Сорокина нашли отклик со стороны социологов, философов во всем мире.

Кроме того, и приверженность П. А. Сорокина к интеллектуальной традиции «Экологического сообщества» содержит долю истины. Социологи, которые сегодня занимаются теоретизированием экологических проблем, возможно, сочтут полезными выводы П. А. Сорокина, сделанные в прошлом столетии. Повторное изучение работ П. А. Сорокина, борца за человечество, вероятно, принесет практическую и научную пользу.

Как указано в работах П. А. Сорокина, функция образования как социального института заключается в обеспечении социальной устойчивости общества посредством формирования духовной сферы личности, в решении проблемы личной и профессиональной жизни молодежи, в развитии ценностных ориентаций и психологических особенностей их деятельности [1–3; 6].

Важность таких элементов духовной сферы, как духовные потребности, межличностные отношения, духовное производство и потребление, различаются в разных культурах и, естественно, влияют на эффективность образования. Этот вывод основан на высказывании П. А. Сорокина: «образование, как

социальное учреждение, играет роль социального сита. Критерии для тестирования биологических, психических и нравственных качеств человека определяются социальными нормами, отражающими «степень их значимости для выполнения определенных социальных функций в данной культуре» [4].

Социокультурная среда сильно влияет на процесс личностного и профессионального развития человека. П. А. Сорокин рассматривал социокультурное взаимодействие как неделимую целостность трех взаимозависимых модусов, а именно личности, общества и культуры. Поэтому любые экономические, социальные или культурные преобразования влияют как на личное, так и на профессиональное развитие [5].

1. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. М.: Академический проект, 2017. С. 968.

2. Сорокин П. А. Популярные очерки социальной педагогики и политики. СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 164.

3. Dolgov A. Y. Istoriko-metodologicheskaya rekonstruktsiya teorii sozidatel'nogo altruizma Pitirima Sorokina [A historical-methodological reconstruction of Pitirim Sorokin's theory of creative altruism] (2014) Sociological Studies, 9.

4. P. A. Sorokin, Problems of new social pedagogy, Public Problems of Sociology, M., 1994, pp. 250–251.

5. Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics (Harper, New York, 1947).

6. Sorokin P. A. Society, culture, and personality: Their structure and dynamics. A system of general sociology. N.Y.: Harper & bros, 1947. Pp. 39–42, 63–66, 132–144, 359–364, 367–379.

7. Sorokin: Sociology of My Mental Life 5.

Для заметок

Научное издание

**ПИТИРИМ СОРОКИН И ПАРАДИГМЫ
ГЛОБАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ XXI ВЕКА**

Сборник научных статей

по материалам

Международной научной конференции, приуроченной
к юбилею СГУ им. Питирима Сорокина

(26–28 мая 2022 года, г. Сыктывкар)

Ответственный редактор Н. Н. Новикова

Редактор Е. М. Насирова

Корректор Л. Н. Руденко

Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой

Выпускающий редактор Л. В. Гудырева

Подписано в печать 05.05.2022. Дата выхода в свет 31.05.2022.

Формат 60x84/16. Усл. п. л. 16,6.

Заказ № 25. Тираж 65 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Коми республиканская типография»
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81

СЫКТЫВКАРСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени Питирима Сорокина

ISBN 978-5-907496-06-4

9 785907 496064 >